И 159/227
ч. 2

159
227
Хол-04
1408

СЕМЕЙСТВО ХОЛМСКИХЪ.

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ НРАВОВЪ И ОБРАЗА ЖИЗНИ,

семейной и одинокой, Русскихъ дворянъ.

Une morale nue apporte de l'ennui,
Le conte fait passer le précepte avec lui.

LAFONTAINE.

Скучно сухое нравоученіе; но въ сказкѣ охотно его выслушаютъ.

Лафонтенъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

28-3049
ПУБЛ. БИБЛ. ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургич. Академіи.

1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Февраля 12 дня, 1832 года.

Цензоръ Л. Цвѣтаевъ.

2007042695

СЕМЕЙСТВО ХОЛМСКИХЪ.

ГЛАВА I.

« Point de milieu: l'hymen et ses liens
« Sont les plus grands des maux, ou des biens.
VOLTAIRE.

« Нѣтъ средины: супружество
« и узы его — или величайшее бѣд-
« ствіе, или величайшее счастіе.
Вольтеръ.

Въ продолженіе сего времени, Софья сама часто писала къ матери и сестрамъ, и отъ нихъ часто получала письма. Помѣщаемъ здѣсь одно отъ Елисаветы, другое отъ Катерины. Письма сіи по-

служатъ къ изображенію характеровъ и жизни обѣихъ сестеръ.

Никольское, Февраля 12, 18...

Милый другъ, Софья!

Вмѣсто того, чтобъ быть въ Москвѣ нынѣшнюю зиму, какъ надѣялась, я живу, въ смертельной скукѣ, въ Никольскомъ. Я просила моего тирана отпустить меня въ Москву, хотя одну, на время; онъ все говоритъ свое: нынѣшній годъ были большія издержки; домъ отданъ въ наймы, и проч. — Онъ дѣлается часъ отъ часу несноснѣе. Все время проводитъ онъ въ конюшнѣ, въ манежѣ, или на винокуренномъ заводѣ. Общество его составляютъ: конторщикъ, съ своими счетами, и винокуръ, который, два, или три раза въ день, приноситъ ему отвѣдывать запоры, или, какъ они называютъ, бражку, и очень важно бесѣдуетъ съ нимъ о чемъ-то мнѣ непонятномъ: дошла, или перекисла эта бражка. Ут-

ромъ и вечеромъ приходятъ къ нему, и доносятъ: главный его конюхъ о лошадяхъ, а псарь о собакахъ. Съ ними вступаетъ онъ въ пріятельскій разговоръ, о томъ, которая собака, или лошадь, нездорова, отъ чего, и чѣмъ лечить ихъ надобно. Вечера проводитъ онъ въ пріятной бесѣдѣ съ старымъ прикащикомъ и выборнымъ, разспрашиваетъ о работахъ, приказываетъ, что дѣлать на другой день, знаетъ поименно всѣхъ крестьянъ, и кто изъ нихъ какъ живетъ, кто богатъ, и кто бѣденъ, кто лѣнивъ, кто чѣмъ промышляетъ. Все это благоразумному моему супругу извѣстно. Не понимаю, какъ можно заниматься такимъ вздоромъ! Къ довершенію всего, часто вижу я за столомъ своимъ Исправника, Засѣдателей и Секретаря. Всѣхъ ихъ принимаетъ онъ вѣжливо, и въ особенности Секретаря угощаетъ и поитъ безпрестанно, травникомъ и наливками. Между тѣмъ, я одна, среди этихъ животныхъ, къ числу которыхъ охотно при-

соединяю и мужа моего, сижу и зѣваю въ великолѣпной моей гостиной! Англичанка, компаньёнка моя, Миссъ Клокъ, бывшая прежде общею нашею гувернанткою, составляетъ дуэтъ со мною: мы съ ней обѣ зѣваемъ, и отводимъ, что называется, душу, шѣмъ, что обѣ наперерывъ ругаемъ моего мужа, за скупость и глупость его. Миссъ Клокъ и Фиделька, собачка моя, еще покамѣстъ моя отрада: первая нравится мнѣ потому, что принимаетъ участіе въ моемъ горѣ, и мы вмѣстѣ съ нею бранимъ моего мужа, а милую Фидельку люблю я за то, что она терпѣть его не можетъ, и всегда на него лаетъ. По упрамъ играемъ мы съ Миссъ Клокъ въ билльярдъ, или ходимъ изъ комнаты въ комнату; по вечерамъ раскладываемъ гранъ-пасьянсъ, или играемъ въ пикетъ. Приглашала я къ себѣ погостить, сама не знаю зачѣмъ — для того, казалось мнѣ, чтобы она иногда болтала—одну бѣдную дворянку, сосѣдку нашу. У насъ ихъ большое изоби-

ліе: въ селѣ, куда мы прихожане, болѣе дворянскихъ, чѣмъ крестьянскихъ домовъ. — Но эта барыня надоѣла мнѣ до смерти угодливостью своею. На все она соглашается. Ежели я что нибудь скажу, тотчасъ отвѣтъ: «Такъ, матушка, Ваше Сіятельство; вы изволите, В. С., правду говорите.» Вяжетъ себѣ чулокъ, ни въ какія игры, кромѣ Дурачковъ, *незнаетъ*, и тутъ, когда играетъ со мною, или съ *Саррою Карловною* (такъ называетъ она Миссъ Клокъ), то боится прогнѣвить меня, и всегда нарочно сама остается въ дурахъ. Разсказы ея заключаются въ томъ, что у нея есть баба Акулина, которая мастерица дѣлать квасы и печь ватрушки; что съ мужикомъ ея Сидоркою то-то случилось, или что приходскій нашъ Священникъ, Лука Яковлевичъ, тогда-то женился, и что она помнитъ его еще семинаристомъ, и прочее тому подобное. Ты можешь себѣ вообразить, какъ пріятно общество этой *паразитки*,

или, какъ въ деревняхъ называютъ, *прихлѣбательницы*! Если-же когда бывало подарю я ей старое свое платье, или Князь велитъ отвезти къ ней какой нибудь четверикъ гороху, или крупъ, она цѣлуетъ мои ручьки, и чуть чуть не кланяется ему въ ноги. Еще я вздумала было взять въ фаворитки одну дворовую дѣвочку. Рожица ея мнѣ понравилась, но она скоро мнѣ надоѣла. Терпѣть не могу ребятишекъ: я прогнала ее опять въ избу. Ты сама знаешь, что я не люблю никакого рукодѣлья. Книги мнѣ также наскучили. Твой любезный С. Ламбертъ—котораго ты совѣтовала мнѣ читать, и въ особенности хвалила въ его Catéchisme universel главу: Devoirs mutuels des époux (о взаимныхъ обязанностяхъ супруговъ)—очень скученъ: такая сухая, обветшалая мораль! Сочиненія Фенелона, Жанлисъ, Эджеворпъ, и проч., что позволяла читать намъ маменька, знаю наизустъ. Любимый и модный нынѣшній авторъ,

Вальтеръ Скоттъ также надоѣлъ. Велика мнѣ нужда знать, что было нѣсколько сотъ лѣтъ тому въ Шотландіи! Это не облегчитъ и не уменьшитъ моей несносиѣйшей, теперешней скуки въ Никольскомъ. Впрочемъ, я прочла все, что только у меня было изъ романовъ Вальтеръ Скотта. Думала было найдти что нибудь новое у моего мужа, но библіотека его дѣдушки и папеньки состоитъ изъ старинныхъ Русскихъ книгъ, которыхъ, разумѣется, читать нѣтъ никакого терпѣнія, а супругъ мой присоединяетъ къ собранію этой рухляди, покупаемыя имъ, вновь выходящія книги о земледѣліи и о винокуренныхъ заводахъ. Стала было я иногда играть на фортепіано, но замѣтила, что мужъ мой любитъ музыку; послѣ этого тотчасъ заперла я фортепіано. Онъ находитъ удовольствіе мучить меня, заставилъ меня сидѣть зиму въ деревнѣ, и—я ему отплачиваю тѣмъ-же.

Иногда, для прогулки, отправляюсь

я скучать и зѣвать къ моимъ сосѣдямъ, потому, что всѣ порядочные люди уѣхали въ Москву.

Въ день моего рожденія Князь исполнилъ свое обѣщаніе: пригласилъ обѣдать сосѣдей; но, еще повторяю — никого порядочныхъ не осталось. Явилось къ намъ нѣсколько неуклюжихъ помѣщиковъ, съ женами и дочерьми, которыя вѣкъ живутъ въ деревнѣ — очень пріятное общество! Мужчины толковали о цѣнахъ хлѣба, о замолотахъ, о пріѣздѣ Губернатора, который былъ въ нашемъ уѣздномъ городѣ по какому-то слѣдствію; разсказывали, гдѣ и какой онъ нашелъ безпорядокъ, и кого бранилъ изъ Судей. Съ дамами должна была я бесѣдовать о томъ, какъ онѣ варятъ варенье, и слушать, какъ лучше сохранять впрокъ разные запасы. Я очень была рада, когда всѣ уѣхали. Полкъ, который стоитъ у насъ въ уѣздѣ, ходилъ куда-то на смотръ, или

въ караулъ, и никого изъ офицеровъ у насъ не было.

Мужъ мой, замѣчая, что мнѣ чрезвычайно скучно, ставитъ въ примѣръ свою мать. «Матушка,» говоритъ онъ, «вѣкъ свой жила одна въ деревнѣ, но всегда бывала весела, и находила занятіе.» Эта старая дура, какъ мнѣ сказывали, проводила время очень пріятно. Почти все утро, заперпись въ своемъ кабинетѣ, молилась она Богу, Потомъ лечила больныхъ крестьянъ, входила во всѣ подробности хозяйства, сама варила варенья, выдавала на кухню сахаръ и другую провизію. Богъ съ ней! Зачѣмъ не искалъ себѣ достойный сынъ ея жены, похожей на нее?

Не смотря на неспосную мою тоску, мужъ мой увѣренъ, что я совершенно счастлива, пѣмъ, что имѣю честь быть *Княгинею Рамирскою*, что я хозяйка въ огромномъ его домѣ, что у меня прекрасныя лошади и экипажъ, которыми я могу располагать по моей волѣ. Многія

знакомыя мнѣ дѣвушки завидуютъ, что я составила такую *блистательную* партію; но ежели-бы знали онѣ, какова жизнь моя, ежели-бы чувствовали, какъ часто я сама имъ завидую, въ особенности-же сестрѣ Катинькѣ!... Письма ея меня упѣшаютъ. Она въ тысячу разъ умнѣе, что вышла не за богатаго и знатнаго, а за умнаго и добраго человѣка.

Но я замѣчаю, что весьма длинное письмо мое заключаетъ въ себѣ однѣ только жалобы. Ожидаю, что ты будешъ бранить и упрекать меня, какъ я не умѣю быть счастлива въ томъ состояніи, въ которомъ, по волѣ Провидѣнія, нахожусь. Это обыкновенная твоя мораль; но хорошо такъ говорить, не испытавши самой, каково жить весь вѣкъ съ упрямымъ и сумасброднымъ дуракомъ! — Однакожъ, да будетъ тебѣ извѣстно, что мы теперь не такъ часто, какъ прежде, ссоримся съ моимъ супругомъ, отъ

ного, что рѣдко бываемъ вмѣстѣ. Онъ приходитъ въ чрезвычайной усталости, изъ манежа, или съ завода, передъ самымъ обѣдомъ, пьетъ свою рюмку правнику, и кушаетъ весьма препорядочно. Послѣ обѣда садится въ диванной на большія кресла, спокойно засыпаетъ, и храпитъ часа полтора, а я въ это время, или тоже дѣлаю, или плачу съ досады. Вотъ тебѣ журналъ жизни веселой и милой Елисаветы Холмской (такъ меня прежде называли)! Не правда-ли, что она очень счастлива? Богъ, за молитвы ея родительницы, какъ говорили старая моя няня и приходскій нашъ Священникъ, такъ хорошо ее пристроилъ. Ежели у меня будутъ дочери, чего я совсѣмъ не желаю, то вѣрно ни одна изъ нихъ не выйдетъ за-мужъ. Тебѣ тоже совѣтую. Будь здорова. Увѣдомь меня о Московскихъ новостяхъ и о послѣднихъ модахъ. Мы здѣсь, въ глуши, ничего не знаемъ. Я думаю, что когда

ты возвратишся изъ Москвы, то я покажусь тебѣ уродомъ.

Вѣрнѣйшій другъ твоій и сестра,
Княгиня Елисавета Рамирская.

Февраля 14-го 18. . . Пріютово.

Милый, истинный другъ мой, и почтеннѣйшая сестра!

Я виновата, что давно не отвѣчала на письмо твое. Мужъ мой въ это время былъ не очень здоровъ, простудился, ѣздивши къ брату Алексѣю. Теперь, благодаря Бога, совсѣмъ выздоровѣлъ. Что тебѣ сказать, милый другъ мой? Я счастлива, счастлива и счастлива. Впрочемъ, ты сама знаешь деревенская жизнь такъ единообразна, что всякій день одно и тоже. Но имѣя добраго и милаго мужа, чего еще желать на свѣтѣ? Остается только безпрестанно благодарить Бога, за неизреченную Его милость.

«Въ первые мѣсяцы моей беременности я чувствовала себя не очень здо-

ровою. Маменька все это время прожила съ нами. Хотѣла было она поѣхать въ Никольское, къ сестрѣ Лизанькѣ, но сестра не настоятельно просила, а мужъ ея и совсѣмъ не приглашалъ. Извѣстія отъ нихъ не весьма пріятны. Можетъ быть, Лизанька скрыла отъ тебя, что она также была беременна, но выкинула, отъ неосторожности своей, чему, какъ она пишетъ, весьма рада, потому что, по мнѣнію ея, дѣти — несносное иго. Но мужъ ея былъ очень огорченъ: ему хотѣлось имѣть наслѣдника. Какія различныя мысли и желанія! Чтобы я чувствовала, ежели-бы со мною случилось такое несчастіе!

Съ нетерпѣніемъ ожидаю я весны, когда ты, милая Соничка, по обѣщанію твоему, пріѣдешь къ намъ, вмѣстѣ съ тетушкою, въ Пріютово! Ты еще ни разу не видала Петрушу моего у себя дома, хозяиномъ. Лизанька сообщаетъ мнѣ, что она часто въ пись-

махъ своихъ совѣтуетъ тебѣ не выходить никогда за-мужъ. Пріѣзжай въ Пріюшово: ты на самомъ опытѣ, смотря на насъ, увѣришся, что совѣты ея несправедливы.

На дняхъ, удостоилъ обѣдать у насъ братъ Алексѣй. Найдя довольно хорошій и вкусный столъ, онъ нѣсколько удивился, а когда стали подавать сперва, и потомъ малагу, то сказалъ намъ, что мы очень роскошничаемъ, и что даже у самаго Князя Бориса Матвѣевича, когда обѣдаютъ въ своей семьѣ, ничего, кромѣ домашнихъ наливокъ, не подаютъ. Мужъ мой, обративъ это въ шутку, отвѣчалъ, что всякій живетъ по своему. Впрочемъ, Алексѣй довольно охотно пилъ и хвалилъ наше вино. — Вотъ о какомъ вздорѣ я пишу къ тебѣ! Но еще повторяю: въ деревнѣ такое единообразіе, что ничего интереснаго сообщить тебѣ не имѣю, кромѣ того, что я счастлива, и ты вѣрно съ удовольствіемъ прочтешь это.

» Я послала къ тебѣ, и къ тетушкѣ, съ обозомъ нашимъ, который, дня три тому, отправился къ вамъ въ Москву съ овсомъ, нѣсколько банокъ соленыхъ грибовъ, вишенъ и пикулей; кушайте на здоровье: великій постъ скоро приближается. Не знаю, понравится-ли вамъ: это первый мой опытъ. Боюсь только, чтобы дорóгою, въ теперешніе морозы, не испортилось, и чтобы банокъ не разбили. Я сама укладывала, и очень просила спаросту беречь. Будь здорова, милый другъ мой, и вѣрь, что любитъ и уважаетъ тебя отъ всей души,

вѣчно преданный тебѣ другъ и сестра,

Катерина Делаева.

P. S. У почтенной тетушки цѣлую руки.»

Два письма сіи, полученныя въ одно время, произвели надъ Софьею противоположное впечатлѣніе. Она видѣла, что неосторожность, вѣтренность и безразсудные поступки Елисаветы навлекутъ

на нее большія бѣдствія; что мужъ ея утомится наконецъ безпрерывными непріятностями, и, можетъ быть, послѣдняя искра любви его скоро изчезнетъ. Она хотѣла было тотчасъ ѣхать къ сестрѣ, но, размысливъ, должна была признаться, что всѣ совѣты ея остались безъ уваженія, и что она никакой пользы пріѣздомъ своимъ не сдѣлаетъ. Въ утѣшеніе, воображала она, какъ счастлива Катерина, въ смиренномъ и тихомъ своемъ уединеніи.

«Какого теперь ты мнѣнія о супружествѣ и о дѣвичьей жизни?» сказала Свіяжская, прочитавъ оба письма сестры ея.

— Я думаю—отвѣчала Софья — все тоже. Во всякомъ состояніи можно быть счастливою, и это именно отъ насъ зависитъ. Катинька благополучна, а Лизанька страдаетъ и несчастлива; но кто, и въ томъ и другомъ случаѣ, причиною? Разумѣется, онѣ сами. Удивляюсь Лизанькѣ: она, вы это знаете,

совсѣмъ не глупа, а не умѣетъ расположить себя, какъ надобно, чтобъ быть счастливою! Можетъ быть, я покажусь вамъ слишкомъ гордою, но думаю, что если-бы я была на ея мѣстѣ, то могла-бы ужиться и быть по возможности благополучною съ Княземъ Рамирскимъ. Мнѣ кажется, я достигнула-бы своей цѣли, перемѣнила-бы характеръ и исправила недостатки его, которые, напротивъ, отъ безразсудныхъ поступковъ сестры теперь часъ отъ часу будутъ усиливаться. Можно-ли такъ дѣйствовать съ человѣкомъ ума ограниченнаго, который, гордясь своимъ богатствомъ и знатностію, воображаетъ, что онъ осчастливилъ дѣвушку, взявъ ее безъ приданаго, и что въ замѣнъ того имѣетъ все право требовать отъ нее безусловнаго повиновенія? Людямъ такого рода досадно, ежели тѣ, кому они, по мнѣнію ихъ, сдѣлали добро, не чувствуютъ этого добра и не безпрестанно воспоминаютъ объ ихъ благодѣяніяхъ. Ли-

занька, напротивъ того, просто, безъ всякихъ околичностей, показываетъ явное пренебреженіе къ мужу, и безпрерывно бѣситъ его. Впрочемъ, конечно, со стороны гораздо видиѣе, и совѣтовать легче, нежели самому дѣлать; но кажется мнѣ, что съ искуствомъ и нѣкоторою снисходительностію можно бы взять поверхность надъ Княземъ, и тѣмъ болѣе, когда такое *искусство* вспомоществуемо молодостью и красотою. Лизанька поступаетъ иначе, и я очень опасаюсь, что она совсѣмъ потеряетъ любовь и привязанность мужа.

«И, къ несчастію,» отвѣчала Свіяжская, «потерявъ однажды любовь, никогда уже болѣе не возвратишь ее! Самолюбіе мужчинъ очень раздражительно: никогда не забываютъ они и не прощаютъ женамъ оскорбленій, ими сдѣланныхъ, хотя, напротивъ, требуютъ отъ женъ, чтобы онѣ безпрестанно ихъ прощали. Послѣ, всѣ усилія жены, къ пріобрѣтенію прежней довѣренности

и уваженія, будутъ безполезны, и тѣмъ болѣе еще, если между супругами есть посредники, которымъ они повѣряютъ жалобы свои другъ на друга, и если эти повѣренные захотятъ вмѣшиваться не въ свое дѣло, и мирить ихъ, потому, что признаніе при свидѣтеляхъ въ ошибкѣ, или въ винѣ своей, есть самое пятносное униженіе, оставляющее на вѣкъ воспоминаніе, весьма непріятное и оскорбительное для нашего самолюбія.»

«Когда говорятъ о какомъ нибудь супружествѣ,» продолжала Свіяжская, «что оно совершенно благополучно, или совершенно несчастливо, то ошибаются. Есть такія сокровенности, которыя никому не могутъ быть извѣстны. Въ супружеской жизни есть степени счастія и несчастія. Не знаю, такъ-ли я объясняюсь, но мнѣ кажется, онъ совершеннаго *блаженства*, которымъ наслаждаются съ самаго начала супруги, соединенные сильною любовью, пере-

ходятъ они на степень просто *благополучія*; потомъ слѣдуетъ степень *довольства*, а за тѣмъ *равнодушія*. Въ противоположность надобно поставить, сначала просто *неудовольствіе*, *несчастіе*, а наконецъ *совершенное бѣдствіе*. Мнѣ кажется, молодыя женщины жалуются на судьбу свою и почитаютъ себя несчастливыми отъ того, что не наблюдаютъ постепеннаго хода супружеской жизни. Когда отъ совершеннаго блаженства вступаютъ онѣ на степень благополучія, или довольства, то переходъ сей почитаютъ уже большимъ бѣдствіемъ. Но счастливы тѣ супруги, которыя изъ очарованія, продолжающагося не болѣе, можетъ быть, мѣсяца, остановятся на средней степени—*благополучіи*. Елисавета, съ мужемъ своимъ, кажется мнѣ, ежели не ошибаюсь, весьма близка къ равнодушію; я думаю, далѣе между ними ничего не будетъ. Но сохрани Богъ Катерину сойдти съ нынѣшней степени супружеской жизни!

При чувствительномъ ея сердцѣ и страстной любви къ мужу — она ниспадетъ на степень совершеннаго бѣдствія!»

— Ежели ей неопредѣленно пользоваться одинакимъ благополучіемъ во всю жизнь — отвѣчала Софья — то, мнѣ кажется, лучше пожелать ей умереть, и на небѣ наслаждаться тѣмъ счастіемъ, котораго она достойна. И это будетъ непремѣннымъ послѣдствіемъ, если она замѣтитъ хоть нѣкоторую перемѣну въ чувствахъ мужа. Она не перенесетъ такого горя...

«Окончимъ прягостный разговоръ нашъ,» сказала Свіяжская, замѣтивъ, что глаза Софьи были наполнены слезами.

ГЛАВА II.

« Par tout, où se trouvent des malheu-
« reux, vous êtes sûr de rencontrer
« des femmes. Il existe entre elles et
« les souffrances un lien mystérieux. »

Jouy.

« Вездѣ, гдѣ есть несчастные, вы
« навѣрное встрѣтите женщинъ.
« Какой-то таинственный союзъ
« соединяетъ ихъ съ страдальцами.

Жуи.

Въ тотъ день, когда Свіяжская приобщалась Святыхъ Таинъ, многіе пріѣзжали, присылали и приходили, по обыкновенію, поздравлять ее. Въ числѣ прочихъ были двѣ сестры, старыя дѣ-

вушки Ѳедосья и Надежда Филиповна Веспалковы, дальнія родственницы Свіяжской и Софьи. У нихъ былъ собственный маленькій домикъ, въ отдаленной части города, гдѣ-то въ Хамовникахъ, въ переулкѣ. Онѣ жили съ небольшаго капитала процентами, которыхъ однакожъ никогда не доставало имъ на прожитокъ. Свіяжская снабжала ихъ ежегодно всѣми съѣстными припасами и живностію, привозимыми къ ней изъ степныхъ ея деревень. Сверхъ того, она часто дѣлала имъ подарки. Послѣ пожара Москвы въ 1812 году, помогла она имъ выстроить домикъ; словомъ: была истинная ихъ благодѣтельница. Веспалковы въ полной мѣрѣ это чувствовали. Свіяжская пригласила ихъ остаться у нея обѣдать.

За обѣдомъ получила Свіяжская съ эстафетомъ, письмо, которое чрезвычайно ее растревожило. Едгарова, ея внучатная сестра, заклинала именемъ самаго Бога, поспѣшить пріѣхать къ ней.

Мужъ ея былъ при смерти боленъ; она боялась, что онъ умретъ, не благословивъ дочери своей, которая противъ его воли вышла за-мужъ. Она знала, что старикъ чрезвычайно уважалъ Свіяжскую, почиталъ ее за истинную Христіанку, и что при наступленіи смерти, никто скорѣе Свіяжской не убѣдитъ его простить дочь.

« Это письмо меня очень разстроиваетъ, » сказала Свіяжская. « Кромѣ того, что мнѣ предстоитъ тягостное объясненіе съ упрямымъ и сумасброднымъ старикомъ, я чувствую себя не совсѣмъ хорошо: говѣнье утомило меня; да и дорога, какъ слышно, очень ухабиста и дурна. Однакожъ, дѣлать нѣчего. Я молюсь ежедневно, чтобы Богъ далъ мнѣ средства быть полезною: видно молитва моя услышана. Какъ-же отказываться? Завтра непремѣнно отправляюсь. Только — какъ мнѣ быть съ тобою, другъ мой Сонечка? Ѣхать со мной тебѣ не льзя, а отпустить тебя

домой я не хочу, да и не съ кѣмъ. Путешествіе мое можетъ продолжиться не болѣе недѣли, взадъ и впередъ. Едгаровы живутъ отсюда съ небольшимъ въ двухъ стахъ верстахъ, и я поѣду на почтовыхъ.

— Да неугодно-ли будетъ сестрицѣ Софьѣ Васильевнѣ переѣхать на это время къ намъ? — сказала Ѳедосья Весталкова. Сестра ея подтвердила, что онѣ были-бы очень рады, и что хотя у нихъ не очень просторно, но помѣститься кое-какъ можно. Софья отвѣчала, что съ удовольствіемъ приняла-бы это предложеніе, но боится обеспокоить ихъ. Обѣ сестры увѣряли, какъ обыкновенно водится, что никакого безпокойства имъ не будетъ. Такимъ образомъ, рѣшено было, чтобы Софья, проводивъ Свіяжскую въ дорогу, переѣхала на все время ея отсутствія къ Весталковымъ. Онѣ, вскорѣ послѣ обѣда, уѣхали домой.

«Вотъ преимущество дѣвической, независимой жизни!» сказала Свіяжская, оставшись одна съ Софьею. - «Ежели-бы я была за-мужемъ, то, не смотря на все душевное желаніе мое, и готовность быть полезною другимъ, я не имѣла-бы тогда средствъ послѣдовать влеченію моего сердца. Можетъ быть, мужу моему не захотѣлось-бы, чтобы я ѣхала, или болѣзнь дѣтей моихъ остановила меня; да и мнѣ самой было-бы тягостно разстаться съ семействомъ. Впрочемъ, все это доказываетъ только то, что всякое состояніе имѣетъ свои особенныя удобства и неудобства. Признаюсь однакожъ, я такъ привыкла, и такъ хорошо мнѣ было жить съ тобою, что очень не хочется разставаться, потому-же болѣе, что я предвижу... тебѣ не такъ-то будетъ весело въ обществѣ Весталковыхъ. Старшая угрюмаго и холоднаго характера, а другая, напротивъ, веселаго. Онѣ вѣрно будутъ стараться разсѣять тебя,

и доставишь, *по своему*, всякія удовольствія. Вѣроятно, и то и другое будетъ тебѣ непріятно; но вели перевезть фортепіано, запасись поболѣе книгами, а я попрошу ихъ, чтобы онѣ дали тебѣ свободу. Впрочемъ, пребываніе на нѣкоторое время въ ихъ домѣ будетъ имѣть для тебя свою пользу. До сихъ поръ ты видѣла дѣвическую, одинокую жизнь съ хорошей стороны; погостивъ у нихъ, можетъ быть, ты перемѣнишь свой образъ мыслей». Софьѣ хотѣлось лучше отправиться въ Пріютово къ Катеринѣ, но ей совѣстно было противорѣчить Свіяжской, и нарушать планъ, по которому было положено ѣхать туда вмѣстѣ, весною.

На другой день, рано утромъ, Свіяжская отправилась въ дорогу. Софья проводила ее до заставы, и потомъ прямо проѣхала къ Весшалковымъ. Обѣ сестры приняли ее съ большою привѣтливостію, хотя каждая сообразно своему характис-

ру: старшая важно, съ церемоніею, младшая свободно и непринужденно. Но вообще, домъ ихъ и образъ жизни имѣлъ разительную противоположность съ домомъ Свіяжской. Софья очень желала, чтобы время *искуса* ея, какъ можно скорѣе, кончилось.

Тѣсный, низенькій домикъ Весталковыхъ расположенъ былъ очень безпокойно. Во всемъ видны были безпорядокъ, неопрятность и недосмотръ. Меньшая сестра уступила Софьѣ свою комнату, и сама на это время переселилась въ гостиную; но дурной запахъ отъ кухни производилъ головную боль у Софьи, тараканы и клопы мучили ее по ночамъ; притомъ-же комната была окнами на дворъ, и собаки мѣшали ей спать. Днемъ, въ этой, съ маленькими окнами, комнатѣ такъ было темно, что невозможно было ничѣмъ заняться; по тѣснотѣ дома всякое слово было слышно, а обѣ сестры почти безпрестанно бранились, или между собою, или на дѣвку и кухарку свою.

Столъ у нихъ былъ очень дуренъ. Это-бы еще не бѣда, что кушанья невкусно приготовлены, но припасы были не свѣжіе, и Софья, привыкшая дома и у Свіяжской къ столу вкусному, не могла почти ничего ѣсть. Къ счастію, добрая и заботливая Свіяжская, вѣроятно, предвидѣвъ это, велѣла зелень и прочіе припасы, привозимые къ ней еженедѣльно изъ подмосковной, отсылать къ Беспалковымъ.

Все было мрачно и печально въ ихъ домѣ, и вездѣ былъ видѣнъ отпечатокъ характера обѣихъ сестеръ. Канарейки пѣли изрѣдка; даже самая кошка, любимица старшей сестры, имѣла видъ важный, и все почти лежала; одна только любимая, старая Болонская собачка меньшой сестры иногда бѣгала, лаяла, или ласкалась къ тому, кто входилъ въ комнату, въ надеждѣ, что ее накормятъ.

Софья покорилась необходимости, сносила все терпѣливо, умѣла поладить

съ обѣими сестрами, и въ особенности поправилась имъ великимъ *искусствомъ слушать* вздорные ихъ разсказы и старинные анекдоты. Это совсѣмъ не бездѣлица, и иногда бываетъ самымъ надежнѣйшимъ средствомъ къ пріобрѣтенію благосклонности разскащиковъ.

Обѣ сестры, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, остались въ дѣвкахъ. Старшая, Ѳедосья, была дурна собою, ряба и коса; никто не обращалъ на нее вниманія. Младшая, Надежда, напротивъ того, смолоду была довольно хороша собою: ей представлялись женихи, но она была слишкомъ разборчива, перебирала, разбирала, и нечувствительно въ этомъ переборѣ увяла ея красота, и она состарѣлась. Послѣ того, охотно желала-бы она выйдти за-мужъ, но уже было поздно. Ѳедосья, еще съ молодости, не очень любила меньшую сестру: она завидовала, что ей представлялись женихи, а на нее никто не смотрѣлъ. Пропивъ воли онѣ были обязаны жить

вмѣстѣ, и обходились между собою съ какою-то странною церемоніею и холодностію. Вѣкъ свой говорили онѣ одна другой: *вы, сестрица.* Можно было замѣтить, что онѣ терпѣть не могли другъ друга.

Время проходило въ несносномъ для Софьи единообразіи. Обѣ сестры вставали рано, и ничего болѣе не дѣлали, какъ только, или бранились и говорили колкости другъ другу, или раскладывали гранъ-пасьянсъ. Старшая Весталкова любила карты, и почти каждый вечеръ уходила къ одной старушкѣ, сосѣдкѣ своей, играть въ бостонъ, по двѣ копѣйки; меньшая оставалась съ Софьею, садилась подлѣ форшеніано, и слушала ея прелестную игру. Только въ это время отдыхала Софья.

На третій, или на четвертый день послѣ ея переселенія къ Весталковымъ, сосѣдка, Марья Львовна Кирбитова, прислала спросить:» будутъ-ли онѣ вечеромъ дома? « — Скажи, что будемъ и

просимъ ее къ ссбѣ — отвѣчала Надежда. — Это премилая и превеселая женщина — продолжала она, обращаясь къ Софьѣ. — Мы съ удовольствіемъ проведемъ съ нею время. —

Кирбитова была также пожилая дѣвушка; она походила обращеніемъ, разговоромъ, и даже нѣсколько лицомъ, на Свіяжскую, и это заставило Софью съ перваго раза полюбить ее. Софья также понравилась Кирбитовой, и онѣ въ полчаса такъ познакомились и подружились, какъ будто вѣкъ жили вмѣстѣ.

Послѣ обыкновеннаго разговора, началась между ними рѣчь о супружествѣ. Весталкова не могла скрыть сожалѣнія своего, что осталась въ дѣвкахъ.

« Конечно, » сказала она, « я могу избѣгнуть всегдашнихъ ссоръ и непріятностей моихъ съ сестрицею, а живши съ мужемъ, можетъ быть, вѣкъ-бы должна была я терпѣть ихъ. Правда, что я могу располагать собою, и ни отъ кого не-

завишу, но за всѣмъ тѣмъ очень пріятно быть окруженною дѣтьми, и особенно въ старости. Воля ваша, а я никакъ немогу повѣрить, чтобы пожилая дѣвушка не сожалѣла, что не вышла замужъ. Я думаю даже, что сама пастушка Прасковья Васильевна раскаявается въ этомъ. Въ особенности, жизнь старой дѣвки въ бѣдномъ состояніи очень тягостна.

— Ты ошибаешся, Надежда Филипповна — сказала Кирбитова. — Мнѣ представлялось нѣсколько партій; но божусь тебѣ, что я предпочла по разсудку остаться лучше въ дѣвкахъ. Не смотря на то, что весь доходъ мой состоитъ въ 1500 рубляхъ, которые получаю, и то еще не всегда, съ моего дома, я почитаю себя очень счастливою, и благодарю Бога. Доходъ мой не великъ, но я могу располагать имъ, какъ мнѣ хочется. Не обязана я спрашиваться у мужа о всякомъ вздорѣ, и ожидать, что онъ, можетъ быть, мнѣ откажетъ, или

дашь денегъ съ неудовольствіемъ, упрекая въ мотовствѣ. Никто не станетъ повѣрять моей расходной книги, и ворчать на меня. Нѣтъ человѣка, у котораго я была-бы обязана освѣдомишься, ежели захочу куда идти, или ѣхать. Правда, когда возвращаюсь я домой, и встрѣчаетъ меня только одна моя кошка, и старая моя Улита — мнѣ скучно; зато однакожъ никто и не браншпъ меня, что я поздно пріѣхала. Повѣрь: многое можно сказать въ пользу и прошивъ дѣвической одинокой жизни. Одно только вѣрно, что мы никогда не можемъ быть счастливыми ни въ какомъ состояніи, ежели не будемъ сносить съ покорностью и благодарностью къ Провидѣнію пріятности и непріятности, соединенныя съ каждымъ званіемъ, потому, что совершеннаго счастія нѣтъ въ здѣшнемъ мірѣ!

Софья провела очень пріятно вечеръ съ Кирбитовою; но за то на другой день испытала она самую мучительную

скуку, въ обществѣ, собравшемся на *званый вечеръ* къ Веспалковымъ, по случаю дня рожденія старшей сестры.

Иванъ Кузмичъ Кохтинъ, отставной, раненый, драгунскій Капитанъ, игралъ первую ролю въ этомъ обществѣ. Онъ провелъ большую часть жизни въ казармахъ и на бивакахъ, никогда не бывалъ въ кругу женщинъ хорошаго тона, и думалъ, что имѣетъ право обходиться со всѣми, какъ бывало въ старину обходились въ Польшѣ съ паняпками, въ обществѣ экономовъ и шляхтичей. Ни о чемъ болѣе говорить онъ не умѣлъ, какъ только о походахъ своихъ, или о проказахъ, въ то блаженное время, когда полкъ ихъ стоялъ въ разныхъ мѣстахъ Польши. Ѳедосья имѣла отдаленный планъ, не смотря на свои 45-ть лѣтъ, рябое лице и косые глаза, выйдти замужъ за Кохтина, а потому не только часто приглашала его къ себѣ, но сносила разныя глупыя, и неумѣстныя его шутки, позволяя ему безпрестанно

курить трубку, безъ которой онъ не могъ обойдтись. Частыя посѣщенія Кохтина продолжались уже болѣе двухъ лѣтъ; но до сихъ поръ драгунское его сердце оставалось нечувствительно къ прелестямъ Ѳедосьи; однакожъ она не унывала, и надѣялась достигнуть своей цѣли.

За Кохтинымъ слѣдовалъ Климъ Гавриловичъ Тарпюфовъ, отставной Секретарь. Онъ почитался оракуломъ въ своемъ переулкѣ, восклицалъ противъ всеобщихъ злоупотребленій и беззаконій, говорилъ, что настали послѣднія времена, безпрестанно ставилъ себя въ примѣръ безкорыстія и честности, и повторялъ обыкновенныя фразы, свойственныя лицемѣрамъ и плутамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ онъ злорѣчивъ и нравился Ѳедосьѣ Весталковой разными слетнями, клеветами и выдумками на счетъ сосѣдей и знакомыхъ ея. Отвратительное лицо, на которомъ начернана была черная его душа, поразило и привело въ

какое-то содроганіе Софью, при первомъ на него взглядѣ.

Тартюфовъ пришелъ прежде всѣхъ, пилъ чай, съ Французскою водкою, и злословилъ, въ то время, когда Кохтинъ явился въ ихъ общество. Онъ началъ тѣмъ, что всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ вздумалъ цѣловать въ губы, говоря, что это старинное Русское обыкновеніе, а онъ *Рускій*, и иностранцамъ подражать не хочетъ. Съ этимъ-же подошелъ онъ къ Софьѣ, которая, какъ можно себѣ вообразить, не привыкши къ такому странному обращенію, покраснѣла, смѣшалась, и отошла отъ него. Потомъ, не смотря на пѣсню комнаты, и не спросивъ позволенія, набилъ и закурилъ онъ трубку, запивая пуншемъ, который, по приказанію хозяйки, тотчасъ ему подали.

Терпѣніе Софьи истощилось. Злословіе Тартюфова, наглость Кохтина, глупое болтанье женщинъ, и сильная головная боль, отъ табачнаго дыма, въ маленькой,

душной комнатѣ, заставили ее воспользоваться первою возможностію, когда всѣ сѣли играть въ ламушъ и бостонъ, и оставить это пріятное общество. Она ушла къ себѣ въ комнашу, гдѣ бросилась на постелю и, нюхая спирпъ, чтобы облегчить головную боль, раскаявалась, что не поѣхала въ Пріютово къ Катеринѣ, на время отсупісшвія Свіяжской. Надежда Весталкова не играла въ карпы, и замѣтивъ, что Софья ушла изъ гостиной, тотчасъ явилась къ ней. Она нашла ее въ слезахъ; но Софья, сама стыдясь слабости своей, скоро ободрилась, и очень была рада предложенію Надежды: идти къ Кирбитовой, которая жила черезъ нѣсколько домовъ отъ нихъ и, по нездоровью своему, отказалась отъ приглашенія на вечеръ къ Весталковымъ.

Онѣ нашли Кирбитову читающею духовныя сочиненія Тихона, Епископа Воронежскаго. Чулокъ, который она вязала, лежалъ на столикѣ; подлѣ находился серебряный колокольчикъ, для призыва дѣ-

вки; бѣлая кошка, любимица ея, покоилась у нея въ ногахъ, на подушкѣ. Все въ комнатахъ было чисто, опрятно, и на своемъ мѣстѣ. Казалось, вездѣ у Кирбитовой были тотъ порядокъ, тишина и спокойствіе, которые замѣтны были на лицѣ этой почтенной женщины.

Надежда Всеволкова не упускала ни одного случая пожаловаться на свою сестру и побранить ее. Она поспѣшила сообщить Кирбитовой о наглостяхъ Кохтина и злословіи Тарпюфова, прибавивъ къ тому, что когда Софья ушла изъ гостиной, то они оба хвалили красоту ея. «Теперь я увѣрена, что они всякій день будутъ посѣщать насъ,» сказала Надежда, «и я, право, не знаю, что дѣлать, и какъ избавить Софью Васильевну отъ ихъ общества. А сестрицу никакимъ образомъ не приведешь въ *резонъ!*»

— Сожалѣю, что сестрица твоя вздумала пригласить къ себѣ этихъ двухъ молодцовъ. Я ихъ обоихъ знаю—отвѣчала

Кирбитова. — Общество ихъ, ни въ какомъ отношеніи, не можетъ быть пріятно Софьѣ Васильевнѣ. Знаю также и то, что ежели будешь ты настаивать, чтобы не принимать ихъ, то это ничего болѣе не произведетъ, какъ только ссору. Но чтобы избавить Софью Васильевну отъ удовольствія видѣть вашихъ гостей, вотъ что я думаю — продолжала Кирбитова.— Несогласитесь-ли вы, милая, новая моя знакомая, переѣхать ко мнѣ, покамѣстъ возвратится ваша почтенная тетушка, о которой хотя и не имѣю я чести быть знакомою, наслышалась много хорошаго? Мнѣ совѣстно, что не могу васъ принять и угостить, какъ-бы желала; но надобно избирать изъ худшаго лучшее. По крайней мѣрѣ, вамъ у меня будетъ спокойнѣе, нежели въ обществѣ такого наглеца, какъ Кохтинъ, и такого злоязычника, какъ Тарпюфовъ.

Софья отъ души благодарила Кирбитову за ея дружеское приглашеніе, и,

не только съ одобренія, но по совѣту Надежды Весталковой (которая, доброжелательствуя сестрѣ, напередъ восхищалась мыслію сдѣлать ей неудовольствіе и возспановить Свіяжскую противъ нея) обѣщалась воспользоваться предложеніемъ ея, при первой дерзости Кохтина. За этимъ дѣло не стало, и Софья, на другой-же день, переселилась къ Кирбитовой. Надежда сама проводила ее. Ѳедосья тотчасъ явилась, съ убѣдительнѣйшею просьбою возвратиться; но Софья холодно благодарила ее, и объявила рѣшительное намѣреніе ожидать возращенія тетушки у Кирбитовой. Со стыдомъ должна была Ѳедосья отправиться домой, но за то сестра ея торжествовала. «Вотъ, *сестрица*, вѣдь я *вамъ* нѣсколько разъ говорила, что любимые ваши гости, Кохтинъ и Тартюфовъ, такіе мерзавцы, что ихъ ни въ какое порядочное общества пускать не льзя?» сказала она. «Нѣтъ, *вы* мнѣ невѣрили. *Вы* все хотите дѣлать

по своему. Вотъ теперь, чѣмъ *вы* оправдаетесь передъ тетушкою Прасковьею Васильевною? Поблагодаритъ она *васъ*, что такъ хорошо угостили и успокоили *вы* Софью Васильевну! И какой срамъ: что будутъ говорить объ этомъ? Меня никто не обвинитъ; сама Софья Васильевна заступится за меня. Но посмотримъ, чѣмъ-то *вы* оправдаетесь!» прибавила она съ торжествующимъ видомъ. Ѳедосья молчала, и плакала отъ досады.

Въ жилищѣ Кирбитовой была во всемъ большая разница противъ житья Весталковыхъ. Старинныя мебели ея содержались въ чистотѣ; вездѣ видно было какое-то пріятное единообразіе и порядокъ. Кирбитова, по небольшому состоянію своему, должна была во многомъ отказывать себѣ; но такъ у нее все было хорошо устроено, что Софьѣ нѣчего было желать лучше. Хозяйка умѣла отдать справедливость Софьѣ, не обременяла ее безпрестанными извине-

ніями на недостатокъ того или другаго, и не перемѣнила ни въ чемъ обыкновеннаго образа жизни своей.

«Располагайтесь, какъ вамъ хочется»— сказала она Софьѣ. — «Почитайте мой домъ вашимъ собственнымъ. Я увѣрена, что вы примете это не за обыкновенный комплиментъ, а точно за настоящее предложеніе, которое дѣлаю вамъ отъ чистаго сердца. Я не богата, не имѣю средствъ угостить васъ, какъ-бы мнѣ хотѣлось; но, кажется, если я не ошибаюсь, вы на самомъ опытѣ увѣритесь, что и въ бѣдномъ состояніи можно прожить спокойно и счастливо.» Софья пробыла три дня у Кирбитовой, до возвращенія Свіяжской, и на самомъ опытѣ испытала истину сихъ словъ. Она пользовалась въ полной мѣрѣ свободою и спокойствіемъ въ мирномъ жилищѣ новой своей знакомки.

ГЛАВА III.

« Weiber die man sieht, sind doch
« mehrentheils weniger gefahrlich, als
« die Weiber an die man denkt. »

Zimmermann.

« Женщины, которыхъ мы видимъ,
« не столько опасны, какъ тѣ, о ко-
« торыхъ думаемъ. »

Циммерманнъ.

Чадскій удалился изъ Москвы, въ надеждѣ, что уединеніе, время и отсутствіе изгладятъ изъ сердца его любовь къ Софьѣ. Хотя онъ былъ въ службѣ, но состоялъ по кавалеріи, и имѣлъ право

располагать собою. Изъ Москвы поѣхалъ онъ къ себѣ въ деревню. Жизнь въ деревнѣ, одинокая, зимою, и для всякаго непріятна; тѣмъ болѣе она была тягостна для человѣка, привыкшаго къ лучшему общеспіву столицы. Отъ нѣчего дѣлать, Чадскій слушалъ разнообразные анекдоты и исторіи отъ прикащицы своей, о жишьѣ-бышьѣ старой барыни (такъ называла она покойную его мапь), курилъ трубку, бесѣдовалъ съ прикащикомъ, выслушивалъ просьбы, проспилъ крестянамъ многія недопмки, начиналъ читашь нѣсколько книгъ, и училъ свою лягавую собаку. Но черезъ нѣсколько дней, все это навело на него нестерпимую тоску. Онъ уѣхалъ къ сестрѣ своей. Одпакожъ надежда его не свершилась; образъ Софьи не изглаживался изъ его сердца, и страсть къ ней еще болѣе усиливалась: Софья безпрестанно предспавлялась его воображенію, въ особенности-же у сестры, которая была счастлива въ супружествѣ своемъ. Нѣсколько милень-

кихъ дѣней увеличивали ея семейное благополучіе. Смотря на нихъ, Чадскій еще болѣе бѣсился на Угарова. « Можно-ли равнодушно перенесть, что этотъ негодяй предупредилъ меня! « думалъ Чадскій. « Можно-ли повѣрить, чтобы Софья, совершенство красоты и любезности, отдала сердце свое такому ничтожному человѣку? » Все это приводило его въ большое уныніе. Сестра замѣтивъ грусть брата, просила его быть съ нею откровеннымъ. Онъ признался ей въ любви своей къ Софьѣ, и показалъ записку Угарова, отданную ему Графинею Хлестовою. Сестра, прочитавъ эту записку, просила, чтобы онъ подробнѣе разсказалъ о сношеніяхъ своихъ съ Софьею и образѣ ея жизни. Выслушавъ все, она сказала ему: « Я не знаю твоей Софьи, но, послѣ всего слышаннаго, увѣрена, что Графиня Хлестова воспользовалась твоимъ легковѣріемъ и безсовѣстно обманула тебя. Прочитай самъ, со вниманіемъ и хладнокровіемъ, за-

писку. Вѣроятно-ли, чтобы дѣвушка, которую такъ ты описалъ, могла имѣть интригу съ ничтожнымъ и глупымъ мальчишкою? Да и почему ты увѣренъ, что эта записка писана точно къ ней? Посмотри самъ: часть листа, на которой былъ адресъ, оторвана. Притомъ-же Софья Холмская живетъ въ домѣ тетушки Прасковьи Васильевны, и пользуется—чего ты мнѣ не сказывалъ, но что я знаю—не только покровительствомъ, но и дружбою этой почтенной женщины. А Хлестова открыла тебѣ ея интригу! Тетушка, можетъ быть, изъ сострадания приняла-бы къ себѣ Софью, но не могла-бъ быть въ дружеской связи съ нею. Разсуди самъ: Хлестова всѣмъ извѣстна. Можно-ли ей вѣрить?»

Какъ громомъ, пораженъ былъ Чадскій основательнымъ и справедливымъ сужденіемъ сестры. Онъ удивлялся, какъ все это прежде не пришло ему въ голову. По своей пылкости и нетерпѣливости, онъ въ ту-же минуту рѣшился ѣхать, опы-

скать Угарова, и отъ него самаго узнать развязку. Тщетно уговаривали его зять и сестра остаться хотя до завтрашнаго утра, представляя, что ночью, по проселочной дорогѣ, онъ можетъ сбиться и ночевать гдѣ нибудь въ оврагѣ. Чадскій не внималъ ничему, и въ ту-же ночь отправился, прямо въ полковую квартиру того полка, въ которомъ служилъ Угаровъ.

Полковой Командиръ былъ сослуживецъ и хорошій пріятель Чадскаго. Онъ удивился, когда Чадскій спросилъ у него объ Угаровѣ. « На что тебѣ этого шалуна? И какія сношенія можешь ты имѣть съ нимъ? » — сказалъ Полковникъ. — Мнѣ сей часъ должно видѣться съ Угаровымъ. Вотъ все, что могу сказать тебѣ — отвѣчалъ Чадскій. « Теперь здѣсь нѣтъ его: нѣсколько дней тому назадъ освобожденъ онъ изъ-подъ ареста съ полковой гауптвахты, которая есть почти всегдашнее мѣсто его жительства. Мнѣ досадно, что я велѣлъ его выпустить. Если-бы я зналъ, что

небѣ такая нужда видѣться съ нимъ, то продержалъ-бы его еще здѣсь. Теперь онъ высланъ въ деревню, въ свой взводъ, верстъ за 40 отсюда, съ строжайшимъ подтвержденіемъ никуда не выѣзжать. Этотъ шалунъ выводитъ меня изъ всякаго терпѣнія: я насилу могъ уговорить корпусъ офицеровъ, чтобы простили его въ послѣдній разъ. Уже была готова подписка о представленіи его, за дурное поведеніе, въ отставку.»

Чадскій позавтракалъ; лошадей привели; онъ тотчасъ отправился въ деревню, гдѣ стоялъ взводъ Угарова. Узкая, просѣлочная дорога приводила въ бѣшенство нетерпѣливаго Чадскаго. Онъ сердился, и внутренно клялся непремѣнно вызвать Угарова на дуэль, если откроется, что онъ точно въ интригѣ съ Софьею. Но тщетно бранился онъ на извощика, и понуждалъ ѣхать скорѣе: приспѣшныя безпрестанно вязли въ снѣгу; наконецъ, должно было отпрячь ихъ и ѣхать гуськомъ. Не-

привыкшія къ такой ѣздѣ, почтовыя лошади помипутно сбивались съ дороги, и уже начинало смеркаться, когда Чадскій совершилъ свое путешествіе: 40 верстъ показались ему 500-ми. Онъ былъ въ самомъ дурномъ расположеніи, и если-бы въ это время попался ему Угаровъ, то не такъ-то легко отдѣлался-бы онъ него. Гусаръ, ѣхавшій проводникомъ впереди, въ крестьянскихъ саняхъ, привелъ его прямо къ корнетской квартирѣ.

Откидная повозка Чадскаго, медвѣжья шуба, красная шаль, повязанная на шеѣ, бѣлая фуражка, два колокольчика на дугѣ—все это произвело большое волненіе въ деревнѣ. Отъ роду не видывали тамъ подобныхъ рѣдкостей. Бабы и мальчишки сбѣжались смотрѣть, и Чадскій вышелъ изъ повозки окруженный большою толпою. Старый слуга Угарова, родъ дядьки, приставленнаго къ нему матерью, встрѣтилъ Чадскаго у воротъ. «Здѣсь-ли стоитъ корнетъ Угаровъ?»—

Здѣсь, Ваше Превосходительство! — отвѣчалъ оторопѣвшій слуга. «Домали онъ?» — Никакъ нѣтъ-съ, В. Пр.! Онъ изволилъ пойдти на взводную конюшню! — «Пошли сей часъ за нимъ!» Гусаръ, вѣстовой, давно побѣжалъ отыскивать его. — Не угодно-ли, В. Пр., взойдти въ избу, погрѣться? —» «Хорошо; только вели поскорѣе отыскать своего барина.»

Чадскій вошелъ въ избу, снялъ шубу свою и съ нетерпѣніемъ началъ ходить; но пространство было не слишкомъ велико, и у него закружилась голова. Между тѣмъ становилось уже темно. Каммердинеръ Чадскаго вынулъ изъ повозки восковую свѣчку, съ дорожнымъ подсвѣчникомъ, зажегъ, и поставилъ на столъ. Чадскій опять сталъ ходить по избѣ, и опять закружилась у него голова. Отъ нѣчего дѣлать онъ началъ разсматривать украшенія корнетскаго жилища, и увѣрился, что *хозяинъ не великій господинъ*. На окнахъ

стояло нѣсколько глиняныхъ трубокъ, съ длинными чубуками, безъ мундштуковъ; на стѣнѣ висѣли сабля, шашка, завернутая въ бумагу, и киверъ. Большой, крестьянскій столъ исписанъ былъ мѣловыми цыфрами; видно было, что на немъ недавно только окончилось карточное побоище. Табачной золы также еще не успѣли смести со стола. Красная ермолка, шлафрокъ и Турецкіе, желтые сапоги лежали на шифлѣ, покрытомъ изодраннымъ, ситцевымъ одѣяломъ. Въ головахъ постели стояла шкатулка, и на ней хранилась вся библіотека Угарова, то есть: нѣсколько рукописныхъ, извѣстныхъ гусарскихъ стиховъ, какъ то: »*Въ дымномъ полѣ, на бивакѣ*, и проч., рекрутская школа, о шереножномъ ученьѣ, командныя слова взводнаго офицера, и два или три Французскіе романа Пиго-Лебрёна.

Между тѣмъ слуга Угарова не зналъ, что ему дѣлать. Мундирный сюртукъ, большіе эполеты, кресты, а болѣе все-

го высокій ростъ и сердитый видъ Чадскаго, приводили его въ изумленіе. Онъ не могъ понять: зачѣмъ пріѣхалъ къ нимъ этотъ Генералъ? Наконецъ, онъ осмѣлился подойдти къ пріѣзжему съ вопросомъ: « Не прикажете-ли, Ваше Превсех., чаю, съ дороги-съ? »— Хорошо. Дай чаю. Да гдѣ-же твой баринъ? — « Вѣстовой еще не отыскалъ его, Ваше Превосх. Но онъ вѣрно сей часъ будетъ.» Послѣ этого слуга сталъ разводить огонь, и поставилъ на него чайникъ; но согласіе Чадскаго пить чай, привело добраго старика въ большое затрудненіе, потому, что у нихъ не было ни чаю, ни сахару, ни рому. Все было выпито, а купить, хотя-бы и нашлись деньги, въ которыхъ баринъ его имѣлъ всегдашній недостатокъ, въ деревнѣ было негдѣ. Онъ сдѣлалъ предложеніе, въ надеждѣ, что Чадскій откажется, а теперь не зналъ какъ быть! Рѣшился было налить въ фаянсовый чайникъ воды, разбить его, какъ

будто нечаянно, и чрезъ пожертвованіе чайникомъ спасти отъ посрамленія честь своего барина, скрывъ, что у него въ домѣ недостатокъ во всемъ; но вдругъ вздумалось ему подняться на хитрость, и испытать еще одно средство. Онъ пошелъ къ каммердинеру Чадскаго. « Съ чѣмъ кушаетъ вашъ баринъ чай? » спросилъ онъ у него. — Со сливками. — «Какъ жаль! А у насъ прекрасный ромъ: я хотѣлъ было поподчивать его. Да кстати: какой чай онъ кушаетъ? » — Обыкновенно, черный. — « Ахъ, Боже мой! Черный у насъ весь вышелъ, а остался самый лучшій цвѣточный, зеленый. Баринъ мой купилъ по 20 рублей фунтъ: самъ большой охотникъ до него, и подчиваетъ имъ гостей своихъ.»— Бѣда не велика, что у васъ нѣтъ чернаго чаю — отвѣчалъ каммердинеръ. — Согрѣй, только воды, и достань хорошихъ сливокъ. У насъ есть все свое. — Съ сими словами, онъ вынулъ дорожный погребецъ изъ повозки. Слуга

Угарова, въ восторгѣ, что такъ удачно выпутался изъ затруднительнаго положенія, выпросилъ у хозяйки самыхъ густыхъ сливокъ.

Нѣсколько чашекъ чаю, выпитыхъ Чадскимъ, который порядочно прозябъ дорогою, немного успокоили его. Но онъ опять взбѣсился, и чуть не прибилъ вѣстоваго, возвратившагося съ извѣстіемъ, что помѣщикъ Рубакинъ присылалъ за Угаровымъ сани, тройкою, и что Угаровъ, прямо съ конюшни, уѣхалъ къ нему въ деревню. «Какой Рубакинъ, и гдѣ? Сей часъ пошлите туда за нимъ!» вскричалъ Чадскій, вскочивъ съ скамейки. — Сей часъ, Ваше Превосходительство!—отвѣчалъ слуга. — Мы выпребуемъ у старосты подводу, и пошлемъ гусара за барином. — « Далеко-ли это, отсюда? » — Не такъ далеко, В. Пр., всего верстъ 7-мь или 8-мь — » Да когда же-онъ будетъ? » — Сей часъ, В. Пр.! Сію минуту мы выпребуемъ подводу — отвѣчалъ испуганный слуга.

«Богъ знаетъ, когда онъ пріѣдетъ,» думалъ Чадскій. «Притомъ-же, если ему скажутъ, что я пріѣхалъ, и требую его къ себѣ, то онъ догадается, и выдумаетъ что нибудь, чтобы скрыть интригу свою съ Софьею, съ которою онъ, можетъ быть, въ перепискѣ. Мнѣ надобно напасть на него въ расплохъ, и не дать ему времени одуматься. Сей часъ самъ поѣду къ этому Рубакину!» Вздумать, рѣшиться, исполнить, нужно было Чадскому только одно мгновеніе. Лошадей изъ его повозки еще не успѣли отпрячь. Онъ надѣлъ шубу, посадилъ вѣсноваго къ себѣ на облучокъ, показывать дорогу, подарилъ попавшуюся ему первую десяти-рублевую ассигнацію слугѣ Угарова, и, не смотря на то, что ночь была темная, и начинала мятель, отправился въ путь. Извощикъ сталъ было отговариваться, представлять, что лошади устали, что поземокъ заметаетъ дорогу, и они могутъ сбиться съ пути; но Чадскій обѣщалъ ему четверные про-

гоны. Этого было достаточно для убѣжденія извощика. Русскій народъ часто пускается во всякія опасности на *авось*. Это слово важное въ нашемъ языкѣ. Извощикъ ударилъ по лошадямъ.

Хотя странствователи нѣсколько разъ сбивались съ дороги, однакожъ доѣхали благополучно. Одно только было приключеніе: при въѣздѣ въ деревню завязли они въ снѣгу, нанесенномъ въ околицѣ, и насилу, съ пособіемъ людей Рубакина, за которыми Чадскій долженъ былъ посылать, выбились изъ сугроба. Между тѣмъ Чадскій вспомнилъ, что фамилія: Рубакинъ, какъ-то ему знакома. — Неуже-ли это онъ, тотъ отчаянный, храбрый повѣса — думалъ Чадскій — который служилъ у меня въ эскадронѣ, во время кампаніи 1812-го года? Хорошъ я буду, ежели это точно онъ, и я застану у него старинную гусарскую попойку! — Чадскій зналъ, что если это знакомый ему Рубакинъ, то презвый, онъ славный, умный, пріятный малый.

Онъ былъ преданъ Чадскому, и любилъ его. Но когда онъ подпивалъ, то такого буяна и забіяки не было, навѣрно, *во всѣхъ друзьяхъ минувшихъ лѣтъ, во всѣхъ гусарахъ коренныхъ*. Не смотря на то, что Рубакинъ оказывалъ отличную храбрость въ военное время, онъ былъ несносенъ, когда полкъ стоялъ на квартирахъ. Безпрестанныя жалобы и непріятности заставили наконецъ полковаго командира попросить его оставить полкъ.

Повозка подъѣхала къ крыльцу. Все было освѣщено. Пѣсельники, пляски крестьянскихъ бабъ, хохотъ, шумныя восклицанія гуляющихъ уже были слышны Чадскому. Узнавъ отъ вѣстоваго, что этотъ Рубакинъ точно прежде служилъ въ гусарахъ, Чадскій думалъ воротиться, но уже было поздно. Хозяинъ слышалъ колокольчикъ; люди, помогавшіе выбиваться изъ сугроба въ околицѣ, успѣли уже сказать ему, что какой-то баринъ, съ усами, и въ медвѣжьей шубѣ, завязъ было въ снѣгу, и онъ послалъ

просить его къ себѣ. «Укрыться», думалъ Чадскій, «уже теперь не льзя. Если я поѣду ночевать на крестьянскій дворъ, то онъ тамъ отыщетъ меня, и это будетъ еще гораздо хуже.» По необходимости долженъ былъ Чадскій рѣшиться вступить въ общество веселящихся гусаровъ, отъ котораго давно было отвыкъ.

ГЛАВА IV.

« Ну, скорѣе: трубку дай,
« Спавь бутылки передъ нами,
« Всѣхъ друзей сюда сзывай,
« Съ закрученными усами!
« Чтобы хоромъ здѣсь гремѣлъ
« Эскадронъ гусаръ летучихъ;
« Чтобы до неба взлетѣлъ
« Я на яхъ рукахъ могучихъ;
« Чтобы стѣны отъ *ура*
« И тряслись и трепетали.... »

Гусарскій пиръ, Д. В. Давыдова.

« Какъ это? Не во снѣ-ли я вижу? Это вы, старый мой командиръ, вы, Александръ Андреевичъ?» вскричалъ Рубакинъ, бросившись цѣловать Чадскаго, который съ сострадапіемъ смотрѣлъ на

него: онъ такъ перемѣнился, состарѣлся и потолстѣлъ, что его съ прудомъ можно было узнать. Красный носъ, прыщики, багровый цвѣтъ лица, все, все показывало, что онъ съ такимъ-же усердіемъ служилъ Вакху и нынѣ, какъ прежде. Въ особенности замѣтно было, что теперь онъ принесъ ему обильную жертву.

«Какими судьбами вижу я васъ здѣсь, у себя въ домѣ?» продолжалъ Рубакинъ, поправляя, по давнишней привычкѣ, закрученные, чернобурые съ просѣдью усы свои. «Вотъ, пословица справедлива: гора съ горой не сойдется, а человѣкъ съ человѣкомъ когда нибудь свидится. Мнѣ Богъ привелъ принимать у себя въ домѣ, въ день моихъ именинъ, почтеннаго моего стараго друга и командира. Жена, дѣти! сюда! Посмотрите, какого Богъ далъ намъ нежданнаго, молодецкаго гостя!» Женщина довольно молодая, и пріятной наружности, но блѣдная и худая, подошла къ нимъ. «Рекомендую

вамъ жену мою. Мы такъ давно съ вами не видались, что я успѣлъ жениться и нажить дѣтей. Эй, Боринька! вытянись и кричи: здравія желаю, Ваше Высокоблагородіе!»

Хорошенькій мальчикъ, лѣтъ шести, одѣтый въ красную, гусарскую курточку, съ золотыми снурками, подошелъ къ Чадскому. Онъ взялъ его на руки и расцѣловалъ; женѣ своего сослуживца успѣлъ онъ также сказать нѣсколько привѣтствій. Но Рубакинъ не умѣлъ долго мѣшкать. «Шампанскаго!» закричалъ онъ. Чадскій видѣлъ, что попалъ въ бѣду. Ему не хотѣлось объяснять настоящей причины своего посѣщенія, и онъ выдумывалъ средства избавиться отъ питья.

«Я ѣду въ деревню къ сестрѣ, изъ Москвы,» сказалъ онъ Рубакину, «сбился съ дороги, и очень радъ, что попалъ нечаянно къ старинному товарищу. Если-бы я зналъ, что ты такъ близко живешь, то нарочно-бы заѣхалъ.» Въ это

время подали большой бокалъ Шампанскаго. «Послушай, любезный другъ,» сказалъ Чадскій: «одинъ бокалъ я выпью, на радости, что такъ нечаянно свидѣлся съ старымъ товарищемъ; но, пожалуста, больше не принуждай меня. Ты знаешь, что я никогда не могъ много пить, а особенно не могу теперь, когда послѣ моей тяжелой раны мнѣ именно запрещено пьянство.»

— Ежели такъ, то Богъ съ вами! Я знаю, что вы и прежде бывали плохимъ гусаромъ въ нашемъ веселомъ обществѣ; за то, помню, какъ всегда были вы молодцомъ въ атакѣ. «Впереди всѣхъ, какъ свѣчка, нашъ эскадронный командиръ!» говорили гусары, которые безъ памяти любили васъ. Я помню, когда вы были ранены, и самъ я въ тоже время получилъ этотъ значекъ (показывая рубецъ на своей щекѣ). Помню, что вы упали съ лошади, и Польскій уланъ хотѣлъ доканать васъ; но мы всѣ бросились спасать любезнаго начальника. Улана не стало въ минуту

на семъ свѣтѣ, и васъ на плечахъ вытащили мы съ мѣста сраженія. Господа! — продолжалъ Рубакинъ, обращаясь къ гостямъ своимъ — вотъ Полковникъ Чадскій, о которомъ я такъ часто разсказывалъ вамъ: это онъ самъ. Ура! подымай его на руки; давай качать по гусарски!» — Съ сими словами офицеры бросились и подняли Чадскаго на руки. Пѣсельники запѣли: «А дай, Боже, здравствовать командиру - што нашему!» Всѣ офицеры, вмѣстѣ съ пѣсельниками, закричали: Ура! Ура! и восклицанія ихъ слышны были въ отдаленныхъ избахъ. Въ Чадскомъ еще кипѣла гусарская кровь, и воспоминаніе о прежней, веселой жизни въ кругу добрыхъ товарищей не совсѣмъ еще исчезло. Онъ былъ тронутъ, и когда перестали его качать, то, подавъ вверхъ бокалъ съ Шампанскимъ, почти со слезами сказалъ онъ: «Благодарствуйте, благодарствуйте, господа! За здоровье ваше!» Чадскій выпилъ бокалъ до дна, опрокинулъ его, какъ водится по

гусарски, на голову, погремѣлъ имъ по пуговицамъ, и съ улыбкою сказалъ: «Жаль, что сапоги мои безъ шпоръ, а то по гусарски надобно-бъ было и окончить.» — За этимъ дѣло не станетъ!— прервалъ его Рубакинъ, выхватилъ бокалъ и разбилъ въ дребезги, бросивъ на полъ. — Ура! ура! раздалось вновь. Чадскій вынулъ бумажникъ, и подарилъ пѣсельникамъ сто рублей. Новое: Ура! было изъявленіемъ ихъ благодарности.

Все понемногу начало успокоиваться. Офицеры, игравшіе въ карты, отошли къ мѣстамъ своимъ. Чадскій, чтобы отдѣлаться отъ липнья, сказалъ хозяину, что онъ давно не слыхалъ Русскихъ пѣсенъ, и, желая отвлечь его вниманіе отъ себя, подошелъ къ пѣсельникамъ. «Спойте, ребята, если знаете, мою любимую пѣсню: *За горами, за долами, Бонапарте съ плясунами*» — сказалъ онъ имъ.—Какъ не знать, Ваше Высокоблагородіе!—отвѣчалъ запѣвало, и тотчасъ началъ эту лучшую изъ всѣхъ народныхъ и солдат-

скихъ пѣсенъ, сочиненныхъ въ 1812-мъ году. Тушъ куда-то отозвали хозяина, и къ Чадскому подошелъ старый гусарскій офицеръ, съ сѣдыми усами. «Узнаете-ли вы меня?» сказалъ онъ. «Давно уже вы, не видали меня и вѣрно забыли: я Храбренко, бывшій Вахмистромъ въ вашемъ эскадронѣ.» — Какъ: это вы? Здравствуй, здравствуй, любезный мой! Но ты, братъ, такъ постарѣлъ, что насилу можно узнать тебя. Какъ поживаешь? — «Я уже дослужился до чина Ротмистра, переведенъ въ этотъ полкъ, и командую теперь эскадрономъ; квартира моя въ здѣшнемъ селѣ.» — Слава Богу! Очень радъ, что встрѣтился съ тобою. Но смотри, братъ, не забывай своего прежняго обѣщанія: переѣхать ко мнѣ, когда захочешь оставить службу. Мой домъ, все содержаніе и пансіонъ до конца жизни— ты обѣщался все это принять отъ меня. — «Я въ вѣкъ милостей вашихъ не забуду,» отвѣчалъ Храбренко.—Да знае-

ше-ли, Александръ Андреевичь»—прибавилъ онъ — «что у насъ въ полку есть еще старый вашъ знакомый, Левъ Ѳедоровичъ Пальмирскій, котораго вы записали въ службу, и вывели скоро въ офицеры? Онъ уже теперь Маіоръ. Его произвели при послѣднемъ смотрѣ, въ манёврахъ, за отличное состояніе его эскадрона, съ переводомъ къ намъ въ полкъ. Онъ часто вспоминаетъ объ васъ и страстно васъ любитъ. Эскадронъ его верстахъ въ 20-ти отсюда; я сей часъ пошлю къ нему, и онъ вѣрно завтра къ свѣту явится сюда.» — Какъ! Левушка Пальмирскій такъ близко?—вскричалъ Чадскій.—Пожалуста пошли, братъ, поскорѣе. Я страхъ какъ радъ буду видѣть его.—Храбренко тотчасъ приказалъ одному изъ пѣсельниковъ отправиться къ Пальмирскому, взявъ лошадь и сани съ его конюшни. «Какъ время летитъ! — продолжалъ Чадскій. — Давно-ли, кажется, онъ былъ мальчикъ Левушка, и ты училъ его ѣздить верхомъ? Экіе, братъ, мы

старики съ тобою! Но покамѣстъ, по старой дружбѣ, помоги мнѣ какъ нибудь вырваться отсюда. Я право совсѣмъ отвыкъ отъ питья; у меня и съ одного бокала голова кружится, а я знаю, что отъ Рубакина однимъ бокаломъ не отдѣлаешься.» — Подождите немного — отвѣчалъ Храбренко. — Онъ теперь не то, что бывалъ въ старину: гораздо спалъ слабѣе. Еще одинъ, или два стакана пуншу, и онъ свалится, какъ снопъ. Уѣхать теперь невозможно: онъ тотчасъ хватится, разбранитъ, и, можетъ быть, съ пьяна еще прибьетъ свою бѣдную жену, за то, что не умѣла удержать васъ, а самъ со всѣми пѣсельниками, поѣдетъ васъ отыскивать. Вотъ что надобно дѣлать: когда вамъ будутъ подносить, то, чтобы не разсердить Рубакина, берите. Я стану заслонять васъ, а вы становите на окно, или отдавайте пѣсельникамъ. Онъ такъ пьянъ, что ничего не замѣтитъ.—Чадскій поступалъ по совѣту Храбренки Меж-

ду тѣмъ онъ просилъ показать ему: который изъ офицеровъ корнетъ Угаровъ. Ему указали, сидѣвшаго за картами молоденькаго офицерика, не дурнаго собою, но уже весьма пьянаго. «И это мой соперникъ!» подумалъ Чадскій. «Сестра права: не можетъ быть, чтобы Софья была въ интригѣ съ нимъ.»

Вскорѣ явился Рубакинъ, и за нимъ человѣкъ съ подносомъ, на которомъ стояло нѣсколько стакановъ пуншу. «Отецъ и командиръ, Александръ Андреевичъ! выпейте еще хотя одинъ стаканчикъ; болѣе просить не буду!» — Ей Богу, никакъ не въ силахъ — отвѣчалъ Чадскій. — «Сдѣлайте одолженіе.» — Право не могу. — «Жена! дѣти!» — закричалъ Рубакинъ — «сюда: становившись на колѣни, и просите Александра Андреевича, чтобы выпилъ.» При сихъ словахъ, онъ самъ хотѣлъ броситься передъ нимъ на колѣни. Чадскій удержалъ его. «Полно, братецъ! Какъ тебѣ не стыдно?» Зная однакожъ, что онъ него ничѣмъ отдѣ-

латься не льзя, Чадскій сказалъ: «Пушпу, воля твоя, никакъ пить не могу, а ежели непремѣнно требуешь, то дай рюмку какого нибудь вина.» — Право пуншъ лучше! — отвѣчалъ Рубакинъ. — Но, такъ и быть: выпейте хотя еще стаканъ Шампанскаго, или . . . постойте: у меня есть заповѣдная наливка! Сей часъ самъ принесу!

Чадскій думалъ воспользоваться его уходомъ, и, полагая, что онъ съ-пьяна все перезабудетъ, поручилъ Храбренкѣ заговорить его и удержать въ залѣ, а самъ пошелъ къ дамамъ, въ диванную. Онъ надѣялся въ кругу ихъ найдти убѣжище, подошелъ къ нимъ, и сѣлъ подлѣ жены Рубакина. Разговаривая съ нею, Чадскій увѣрился, что она очень порядочная женщина, хорошо воспитана и, слѣдовательно, ведетъ несчастную жизнь съ такимъ пьяницею.

Но хитрость Чадскаго неудалась. Тщетно Храбренко хотѣлъ заговорить Рубакина, и самъ выпилъ съ нимъ по

большой рюмкѣ наливки. Онъ помнилъ, что хотѣлъ подчивать Чадскаго, и пошелъ отыскивать его. — «Выкушайте, Александръ Андреевичъ!» сказалъ онъ. «Это чудо: вы отъ роду не пивали такого нектара. И называется-то *птичье молоко*. Попробуйте только: сами еще попросите.» Безполезны были всѣ отговорки. Жена Рубакина хотѣла было также убѣждать мужа не принуждать Чадскаго. Но это посредничество до такой степени взбѣсило его, что онъ бросился бить ее. Чадскій поспѣшилъ выпить, чтобы успокоить его и избавить жену отъ побоевъ. Рубакинъ былъ доволенъ, и самъ выпилъ за здоровье Чадскаго; но вскорѣ послѣ того упалъ на полъ, безъ чувствъ.

Всѣ дамы, и въ особенности жена его, перепугались до чрезвычайности: она плакала, и не знала что дѣлать. Чадскій позвалъ людей; подняли Рубакина и отнесли на постелю. Между тѣмъ Чадскій велѣлъ подать уксусу и холодной воды;

намочили ему голову и терли виски. Онъ вскорѣ очнулся и сталъ понемногу говорить. Ему было чрезвычайно совѣстно передъ Чадскимъ: называя его Петромъ Евдокимовичемъ, онъ просилъ у него прощенія, и хотѣлъ цѣловать его руки. Чадскій совѣтовалъ ему успокоиться и заснуть, а самъ, вскорѣ послѣ этого, вмѣстѣ съ Храбренкою, уѣхалъ отъ него.

Храбренко уступилъ Чадскому свою квартиру, и самъ ушелъ въ другую избу. По жилищу бывшаго своего Вахмистра, Чадскій видѣлъ, что хозяинъ также *не великій господинъ*. Но, по крайней мѣрѣ, все было у него чисто, изба бѣлая и просторная. Каммердинеръ Чадскаго постлалъ своему барину дорожный его тюфякъ; онъ закурилъ трубку, и вскорѣ крѣпко заснулъ, утомленный дорогою и гусарскою гуля́нкой.

ГЛАВА V.

« La corruption du cœur est la source
« de nos erreurs. »

Barthélemy.

« Развращеніе сердца есть источ-
« никъ нашихъ заблужденій. »

Бартелеми.

Съ вечера приказалъ Чадскій своему Каммердинеру, на другой день рано, отыскать и пригласить къ нему Угарова. Лишь только онъ проснулся, ему доложили, что Угаровъ его дожидается. Онъ тотчасъ велѣлъ позвать его къ себѣ. « Вашей-ли руки эта записка, и къ кому вы ее писали? » сказалъ Чадскій, съ

сверкнувшими отъ гнѣва глазами, лишь только Угаровъ успѣлъ войдти къ нему. — Моя, сударь — отвѣчалъ Угаровъ, изумленный такою встрѣчею — «Къ кому вы ее писали? Извольте говорить правду!» повторилъ Чадскій грознымъ голосомъ. — Помилуйте, Полковникъ, я не намѣренъ васъ обманывать. Но ежели вамъ угодно узнать что нибудь отъ меня, то прошу васъ перемѣнить тонъ.— «Извините!» сказалъ Чадскій, насилу удерживая бѣшенство свое. «Я васъ прошу сказать: ваша-ли эта записка, и къ кому вы ее писали?» — Я имѣлъ честь объявить вамъ, что записка моя. Исторія эта гласна въ здѣшнихъ мѣстахъ. Я писалъ къ Графинѣ Софьѣ Хлестовой.— «Какъ: къ Графинѣ Софьѣ Хлестовой?» вскричалъ Чадскій, внѣ себя отъ радости, и чуть не бросившись цѣловать Угарова. «Ахъ, Боже мой! какъ я глупъ: она сама при мнѣ называла ее Сонечкою, а я не могъ догадаться!... Извините, что я васъ обезпокоилъ!» про-

должалъ онъ. « Такъ эта записка точно къ Графинѣ Софьѣ Хлестовой? » — Точно къ ней. Быль молодцу не укора — отвѣчалъ Угаровъ ободрившись. — Вы, Полковникъ, еще сами молоды, и съ вами вѣрно тоже случалось. Графиня Хлестова родная племянница здѣшняго богатаго помѣщика, Князя Рамирскаго. Мы были всѣ приглашены на праздникъ къ нему. Вальсируя съ Графинею, я почувствовалъ, что она жметъ мнѣ руку, и этого было довольно. Я самъ тѣмъ-же отвѣчалъ; часъ отъ часу знакомились мы съ нею короче, и стали даже передавать записочки другъ другу. Видно хозяйка замѣтила это, и, можетъ быть, нарочно занемогла; только намъ всѣмъ должно было отправляться отъ Князя Рамирскаго. На прощаньѣ, подарила мнѣ Графиня вотъ это кольцо, и мы условились переписываться съ нею, черезъ ея горничную дѣвушку. Въ запискахъ нашихъ мы клялись другъ другу въ вѣчной вѣрности; но при первомъ свиданіи, въ са-

ду, когда мы условливались было бѣжать, и тайно обвѣнчаться, дядя ея подслушалъ насъ и внезапно явился. Мнѣ запретилъ онъ ѣздить къ нему въ домъ, жаловался на меня Полковнику, словомъ: самъ сдѣлалъ эту исторію гласною. Всякій въ здѣшнихъ мѣстахъ подтвердитъ все, что я вамъ разсказываю. Впрочемъ, я точно думалъ было жениться. Меня увѣряли, что Графиня богата; но послѣ я узналъ, что все имѣніе принадлежитъ ея матери, а у нея ничего нѣтъ. Она-же старѣе меня, и большой привлекательности не имѣетъ. Я оставилъ теперь мысль объ ней, и на нѣсколько писемъ ея даже не отвѣчалъ. —

«Вамъ сказали неправду,» возразилъ Чадскій, повинуясь чувству мщенія, за то, что Хлестова такъ безсовѣстно обманула его. «Она богата, а, напротивъ, ея мать ничего не имѣетъ. Мать все свое промотала, но у вашей Софьи отцовское большое состояніе. Женитесь на ней, милый мой! женитесь, ежели

только можете возобновить прежнюю вашу связь.» — О! за этимъ дѣло не станетъ — отвѣчалъ Угаровъ.

«Но что-жъ мы стоимъ? Садитесь, сдѣлайте одолженіе садитесь, любезный Г. Угаровъ! Эй, Вася!» сказалъ Чадскій каммердинеру своему—«давай намъ чаю и трубокъ. Да, послушай: извощикъ, который везъ насъ, здѣсь еще, или уѣхалъ?» — Еще здѣсь—отвѣчалъ Вася. Я ему заплатилъ четверные прогоны отъ послѣдней деревни сюда, а онъ говоритъ, что вы обѣщались ему за всю станцію, отъ самаго города, и хочетъ самъ просить васъ. — «Онъ вретъ; но заплати ему, что онъ требуетъ, только съ тѣмъ, что если его лошади издохнули, то онъ долженъ везти меня и отсюда. Я сей часъ ѣду въ Москву. Укладывайся, и вели запрягать.»

Чай и трубки были тотчасъ поданы. Въ это время вошелъ Храбренко, въ полномъ мундирѣ, съ рапортомъ, и съ ординарцемъ. «Полно, старикъ, церемонить-

ся со мною,» сказалъ Чадскій, пожавъ ему руку. «Отпусти ординарца, сними съ себя киверъ, и садись пить чай съ нами.» Ординарцу Чадскій подарилъ рубль серебромъ.

Въ слѣдъ за симъ вошелъ Маіоръ Пальмирскій, за которымъ Храбренко посылалъ съ вечера. «Ахъ, милый Левушка!» вскричалъ Чадскій, бросившись цѣловать его. «Это ты? Какъ я радъ, что такъ нечаянно увидѣлся съ тобою!» Они оба нѣсколько разъ принимались цѣловать другъ друга. «Ну, что, любезный другъ? Какъ поживаешь? Ты ни сколько не перемѣнился: такой-же свѣжій и краснощокій, какъ былъ прежде. А какъ давно не видались мы съ тобою... Извини, братъ, что я назвалъ тебя Левушкою. Теперь это уже негодится, но я такъ привыкъ, что невольно вырвалось это, когда я увидѣлъ тебя.»

— Сдѣлайте милость и не отвыкайте. Называйте меня всегда Левушкою: это напоминаетъ мнѣ мою молодость,

и то, чѣмъ я вамъ обязанъ. Я въ вѣкъ не забуду вашихъ одолженій.—

«Э, полно, брашецъ, какія одолженія! Ежели разобрашь, то ты гораздо болѣе меня одолжалъ, чѣмъ я тебя. Ты всѣмъ заправлялъ, и все дѣлалъ въ моемъ эскадронѣ. Безъ тебя я совсѣмъ-бы пропалъ. А вмѣсто благодарности, еще я-же часто, по бѣшеному моему характеру, тебя бранивалъ, и ты по дружбѣ своей все сносилъ отъ меня. Вотъ ужъ мнѣ точно не льзя вѣкъ забышь кротости и терпѣнія твоего. Что: ты все такой-же служака, какъ былъ прежде? Я увѣренъ, что у тебя чудесный эскадронъ. Досадно, что нѣкогда мнѣ заѣхашь полюбоваться, въ какомъ у тебя все порядкѣ!»

— Надобно отдашь справедливосшь Льву Ѳедоровичу—сказалъ Храбренко.— Ему досшался худшій эскадронъ въ полку, но онъ, въ самое коротkое время, такъ его поправилъ, что узнашь невозможно.—

«Доставшійся мнѣ эскадронъ былъ недуренъ людьми и лошадьми,» отвѣчалъ Пальмирскій — «но въ немъ все было до такой степени разстроено и избаловано, что повѣрить не льзя. Вообразите себѣ, Александръ Андреевичъ—вы сами долго служили и командовали эскадрономъ—слыхали-ль вы когда нибудь такія проказы, какія дѣлалъ мой предмѣстникъ? Я не говорю уже о томъ, что для сбереженія аммуниціи, гусары его носили тулупы и кафтаны хозяевъ, у которыхъ они спояли. Но онъ еще принудилъ крестьянъ выстроить на ихъ счетъ особыя конюшни и манежъ; бралъ у нихъ фуражъ даромъ; за провіянтъ никогда ничего не платилъ; для своего стола собиралъ также все въ реквизицію, и заставлялъ несчастныхъ крестьянъ, на ихъ-же собственныхъ лугахъ, косить ему сѣно; словомъ: онъ распоряжался какъ ему хотѣлось, а къ довершенію всего довелъ до того гусаръ, что ни одинъ изъ нихъ, ни въ караулъ, ни въ

манежъ, не ходилъ пѣшкомъ: для этого наряжались подводы. Напрасно крестьяне приносили нѣсколько разъ жалобы Исправнику. Всякій мѣсяцъ пріѣзжалъ самъ Исправникъ въ тѣ деревни, гдѣ стоялъ эскадронъ, и, по предварительному условію съ предмѣстникомъ моимъ, принуждалъ крестьянъ подписывать квитанціи о добропорядочномъ квартированіи. Мнѣ очень трудно было, когда я принялъ эскадронъ, разрушить этотъ *порядокъ* и растолковать гусарамъ, что мы стоимъ не въ завоеванной, непріятельской странѣ, а въ своемъ отечествѣ. И за всѣмъ тѣмъ, вообразите себѣ, что мнѣ теперь получать квитанціи гораздо затруднительнѣе, нежели моему предмѣстнику: дѣлиться съ Земскимъ Судомъ мнѣ не изъ чего, и черезъ это я терплю всѣ возможныя притѣсненія.»

—Хорошъ молодецъ!—сказалъ Чадскій.—Отъ роду не слыхивалъ я такихъ чудесъ, и, признаюсь, ежели-бы не ты го-

ворилъ, но я никакъ-бы не повѣрилъ. Не уже-ли все это даромъ сошло ему съ рукъ?

«Разумѣется, нѣтъ! — отвѣчалъ Пальмирскій. — Полковой Командиръ получалъ, въ свое время, положенныя квитанціи, жалобъ отъ Земскаго Суда никакихъ не было, такъ ему и въ голову не могло придти, чтобы такое грабительство совершалось, почти подъ его глазами. Когда онъ пріѣзжалъ осматривать эскадронъ, то Вахмистръ опрягалъ унтеръ-офицера и нѣсколько гусаръ, чтобы не допускать до него крестьянъ. Нѣсколько мѣсяцовъ продолжались эти проказы. Но однажды, при въѣздѣ Полковника въ село, увидѣлъ онъ нѣсколько рядовыхъ, ѣдущихъ на подводахъ. Остановленный имъ, одинъ изъ нихъ, поступившій недавно только изъ рекрутъ, чистосердечно объявилъ, что они ѣдутъ въ манежъ, и въ дальнѣйшихъ распросахъ выболталъ, что они въ манежъ и въ караулъ, и даже другъ къ

другу по селу, ѣздятъ на крестьянскихъ подводахъ. Вы не можете повѣрить, до какой степени былъ взбѣшенъ Полковникъ! Тотчасъ призвалъ онъ Старосту, и собралъ сходку, на которой наконецъ все открылось ему. Послѣ того велѣлъ онъ сдѣлать, законнымъ порядкомъ, настрожайшее изслѣдованіе, хотѣлъ представить о преданіи суду этого, какъ вы сказали, чудеснаго молодца, и единственно только по просьбѣ офицеровъ, и чтобы не разрушить отличія, которымъ пользуется нашъ полкъ, что у насъ никогда и никого нѣтъ подъ судомъ, согласился на то, чтобы эскадронный командиръ тотчасъ удовлетворилъ обывателей, и самъ подалъ въ отставку.»

Въ продолженіе этого разговора, Чадскій замѣтилъ, что Пальмирскій и Храбренко съ изумленіемъ смотрѣли на Угарова, сидящаго вмѣстѣ съ ними и курящаго трубку.

«Вы удивляетесь, что видите здѣсь Г-на Угарова?» сказалъ Чадскій. «Я

пригласилъ его къ себѣ: мнѣ нужно было переговорить съ нимъ, и объясненіе наше благополучно кончилось. Послушайтесь меня, любезный Угаровъ: возобновите, если можно, то дѣло, о которомъ мы говорили» — продолжалъ Чадскій, сохраняя еще чувство мщенія къ Графинѣ Хлестовой, за клевету ея на Софью. Вмѣстѣ съ шѣмъ хотѣлось ему еще болѣе увѣриться: точно-ли интрига Угарова такъ гласна, какъ онъ говорилъ ему? «У васъ въ полку эдакъ Г-нъ Корнетъ молодецъ: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!»

— Да, и за побѣду свою еще просидѣлъ нѣсколько дней подъ арестомъ — сказалъ Храбренко, съ улыбкою, догадываясь о чемъ идетъ дѣло, потому, что исторія Угарова точно была всѣмъ извѣстна. «Какъ? — возразилъ Чадскій. — Это несправедливо! За такія дѣла гусара не должно сажать подъ арестъ. Видно, вашъ Полковникъ забылъ, что гусаръ *проклятью предается, если лошадь*

осадить, или миленькой плутовкѣ сердце даромъ подарить. Какъ-же это было? Не ты-ли, старый грѣховодникъ, виноватъ въ этомъ?» — Точно я — отвѣчалъ усмѣхаясь Храбренко. — Г-нъ Угаровъ въ моемъ эскадронѣ; я командировалъ его съ бракованными лошадьми, а ему не хотѣлось опоздать на свиданіе. Мы съ нимъ повздорили: служба службою, а дружба дружбою. Я настоятельно послалъ его, а ему, чтобы не опоздать къ назначенному времени, вздумалось увѣрить Полковаго Адъютанта, что я не далъ ему описи лошадямъ. Полковникъ велѣлъ сдать лошадей покамѣстъ въ Лейбъ-эскадронъ, и самому возвратиться домой, а мнѣ прислалъ выговоръ. Скоро все открылось, и Г. Угаровъ погостилъ довольно долго на гауптвахтѣ.» Чадскій смѣялся; но Пальмирскій, съ важнымъ видомъ, оборотился къ Угарову.

«Вы опять напроказили — сказалъ онъ ему —» и теперь, можетъ быть, не

шакъ-то легко отдѣлаетесь. Не понимаю! Ежели вы не любите сами себя, то, по крайней мѣрѣ, хотя-бы вы пощадили сшариковъ своихъ, отца и мать. Каково имъ будетъ видѣть васъ солдатомъ? А вы непремѣнно этимъ кончите!» — Что такое?—спросилъ Чадскій. — «Вы хорошо сдѣлали, что скоро уѣхали отъ Рубакина — отвѣчалъ Пальмирскій. — Тамъ была порядочная комедія, и праздникъ его кончился очень непріятно. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ, молодецъ хоть куда, прострѣленный насквозь, и нѣсколько разъ бывшій уже на смертномъ одрѣ отъ дуэлей, поссорился за картами съ однимъ помѣщикомъ, какимъто отставнымъ 14-го класса, Г-мъ Простаковымъ. Слѣдствіемъ этой ссоры была полновѣсная пощечина Г-ну Простакову. Жена его упала въ обморокъ. Всѣ дамы перепугались, въ особенности-же бѣдная хозяйка, которая только было успокоилась, уложивъ спать пьянаго своего мужа. Къ счастію, бывшій тутъ

Маіоръ Любскій постарался кое-какъ прекратить шумъ, и не допустилъ до драки штатскихъ и помѣщиковъ съ нашими, а уже нѣкоторые изъ офицеровъ вынули было и сабли, и въ томъ числѣ изъ первыхъ Г. Угаровъ!»

—Помилуйте, Левъ Ѳедоровичъ! Какъ-же мнѣ было не заступиться за товарища?—

« Эта непріятная исторія будетъ имѣть дурныя послѣдствія — продолжалъ Пальмирскій. — Любскій, проѣзжая въ городъ къ полковому командиру, разсказалъ мнѣ все происшествіе. Онъ предлагалъ кончить, какъ надобно между благородными людьми; обѣщалъ Простакову, что нашъ офицеръ дастъ ему все преимущество передъ собою; предлагалъ, чтобы онъ первый выстрѣлилъ по немъ, а нашъ будетъ стрѣлять на воздухъ. Но все напрасно! Секретарь Земскаго Суда сердитъ на Полковаго Командира, и подбилъ этого Простакова. Ему сочинили ужаснѣйшую просьбу. Любскій сказывалъ, что и вы, и Храбренко,

поставлены въ свидѣтели. Это очень непріятно. Надобно постараться, чтобы васъ какъ нибудь не замѣшали въ эту исторію.» — Чего-же такъ бояться?— возразилъ Чадскій.—Насъ вѣдь не было.— «Это правда; но злоумышленные подъячіе способны ко всякой клеветѣ и козиямъ. Они могутъ запутать дѣло, и ввернутъ такой крючекъ, котораго предвидѣть не льзя. Гораздо-бы лучше было, ежели-бы вашего имени совсѣмъ не упоминали. Штатскіе въ здѣшнихъ мѣстахъ — прибавилъ Пальмиръскій — чрезвычайно зляпся на нашего Полковника; но злоба ихъ дѣлаетъ ему честь. Онъ изобличилъ и вывелъ наружу такія злодѣйства, такія ужасныя преступленія, которыя превышаютъ всякое вѣроятіе. Для примѣра, должно разсказать вамъ о нѣкоторыхъ подвигахъ бывшаго здѣсь Исправника. Кажется, не льзя вообразить себѣ, чтобы злоумышленность могла простираться до такой степени. Однажды, самъ Асмодей впушилъ ему

мысль нажить нѣсколько десятковъ тысячъ рублей слѣдующимъ средствомъ. Отыскавъ двухъ собратіовъ своихъ, такихъ-же злодѣевъ, какъ онъ самъ, командировалъ онъ ихъ въ лѣсъ, къ большой дорогѣ, и велѣлъ имъ сдѣлать нѣсколько нападеній на проѣзжихъ, такъ, чтобы разнесся слухъ по уѣзду о разбояхъ и грабежѣ. Послѣ этого онъ донесъ высшему Начальству, и просилъ воинской команды, въ пособіе къ поимкѣ разбойниковъ. Все тотчасъ было ему прислано. Онъ окружилъ лѣсъ командою, и, съ нѣсколькими человѣками, *подвергая жизнь свою опасности*, какъ онъ доносилъ Губернатору, отправился въ середину лѣса ловить. Разумѣется, разбойники его тотчасъ были пойманы и закованы. При допросахъ, которые были имъ дѣлаемы со всею возможною *справедливостію* и *безпристрастіемъ*, открывалось, какъ будто нарочно, что самые богатые и исправные обыватели въ уѣздѣ были *пристанодержателями*.

Исправникъ поминасъ посылалъ хватать ихъ, и представлялъ въ городъ, скованныхъ, для очныхъ ставокъ. Тщетно доказывали эти несчастные совершенную невинность свою: ихъ до тѣхъ поръ держали въ тюрьмѣ, въ цѣпяхъ, покуда они не представляли другихъ доводовъ, гораздо *краснорѣчивѣйшихъ* и *убѣдительнѣйшихъ*. Тогда открывалось, что они правы, и разбойники сознавались, что показывали ложно, или по *ошибкѣ*, или по *злобѣ* на нихъ. И новые, такіе-же приставодержатели являлись на сцену. Съ ними поступали точно также. Такимъ образомъ весь уѣздъ былъ *обработанъ*, всѣмъ богатымъ обывателямъ досталось по-ровну, и кончилось тѣмъ, что разбойники какъ-то *нечаянно* бѣжали изъ тюрьмы, а Исправникъ приобрѣлъ черезъ-то нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Тѣми-же правилами руководствовался онъ въ слѣдствіяхъ о найденныхъ въ уѣздѣ мертвыхъ тѣлахъ. Это называлось здѣсь *сѣнокосомъ*. Исправникъ,

Стряпчій и Уѣздный Лекарь, какъ голодныя, хищныя птицы, бросались на жертвы свои. Несчастные обыватели, у которыхъ во владѣніяхъ сыскивались мертвыя тѣла, старались, какъ нибудь поприхоньку, свозить ихъ съ своей земли. Земскому Суду было это извѣстно: ихъ ловили, предавали суду и, обобравъ, оправдывали. Притомъ-же, вообще зажиточные крестьяне были непремѣнно замѣшаны при сихъ слѣдствіяхъ, и безъ представленія особыхъ, краснорѣчивыхъ доказательствъ никакъ оправдаться не могли. Подушныя деньги собиралъ Исправникъ также съ необыкновеннымъ искусствомъ. Ежели недоставало хотя какой нибудь бездѣлицы для полной уплаты, то онъ настоятельно требовалъ ее, не принимая никакихъ отговорокъ. Никакія *словесныя* просьбы объ отсрочкѣ, хотя на короткое время, не принимались въ уваженіе: онъ угрожалъ сельскихъ начальниковъ заковать и посадить въ тюрьму. Но тотчасъ со-

глашался онъ на просьбы ихъ, получивъ лично себѣ въ подарокъ значительную часть денегъ, собранныхъ на подушныя, и тогда давалъ отсрочку, и уѣзжалъ изъ селенія. Такимъ образомъ мірская сумма уменьшалась. Должно было вновь дѣлать раскладку, для пополненія того, что подарено Исправнику, и опять вся тягость падала на зажиточныхъ крестьянъ. Неисправные плательщики, то есть лѣнивые и пьяницы, опять ничего не платили. Мірской суммы на подушныя недоставало. Вскорѣ Исправникъ вновь являлся, опять бралъ взятки за обожданіе, и, слѣдовательно, большая часть мірскихъ денегъ поступала въ собственность Исправника, а недоимка на селеніи оставалась, и постепенно отъ пени увеличивалась. Оканчивалось тѣмъ, что отправлялась, какъ въ здѣшнихъ мѣстахъ называется, вмѣсто экзекуціи, *сѣкуція*, состоявшая въ томъ, что у несчастныхъ крестьянъ, за которыми считалась недоимка, продавали не боль-

ко хлѣбъ и скотъ, но и послѣднее ихъ имущество, за совершенный безцѣнокъ. Вмѣстѣ съ пѣмъ доставалось и прочимъ: и ихъ грабили и обирали пѣ, кто былъ употребляемъ на *секуцію*. Слѣдствія такихъ распоряженій были всегда полезны наиболѣе цѣловальникамъ. Нашъ народъ, и съ горя и съ радости, любитъ выпить. Часто, когда у крестьянъ отбирали имущество ихъ на пополненіе недоимки, то и послѣдніе кафтаны переходили въ собственность цѣловальника. Словомъ: какіе ужасы совершались при этомъ душегубцѣ — повѣрить невозможно! Въ примѣръ можно поставить здѣшнее селеніе, изобилующее землею, лѣсомъ и всѣми угодьями, сверхъ того имѣющее, по мѣстному положенію своему вблизи торговыхъ городовъ, большія удобства, но, не смотря ни на что, оно пришло при немъ въ совершенный упадокъ.»

— Да этотъ злодѣй хуже всякаго разбойника, который грабитъ на боль-

шой дорогѣ!—сказалъ Чадскій.—Тотъ гораздо великодушнѣе: онъ, по крайней мѣрѣ, подвергаетъ жизнь свою опасности.

«И конечно» — продолжалъ Пальмирскій. — «Но сколько вору ни воровать, а висѣлицы не миновать. Полковникъ нашъ довелъ до свѣдѣнія начальства всѣ злодѣйства Исправника. Сдѣлано было наистрожайшее изслѣдованіе, и онъ предпринялъ, самымъ прямымъ трактомъ, путешествіе въ страну, завоеванную Ермакомъ, гдѣ каторжная работа была ему вознагражденіемъ за его подвиги.»

— Послушай, любезный Левушка — сказалъ Чадскій. — Ахъ, извини меня! Я такъ привыкъ называть тебя Левушкою... Все, что ты мнѣ разсказывалъ, во всякое другое время заставило-бы меня ужаснуться; но послѣ того, что со мною самимъ случилось, я не расположенъ уже болѣе ничему удивляться, и не могу ничѣмъ оскорбиться. Вообрази себѣ, что въ мою деревню пріѣхалъ Сельскій Засѣдатель, извѣстный во всемъ

уѣздѣ пьяница—просто, грабить моихъ крестьянъ! Разсказывать весь ходъ дѣла, и почему послѣдовалъ набѣгъ на мое имѣніе, было-бы продолжительно. Къ счастію, меня въ то время не было дома. Ты знаешь мой характеръ: безъ смертоубійства не кончилось-бы, и меня, по всей справедливости, сослали-бы въ Сибирь. Самъ Богъ помиловалъ меня. Но я, какъ помѣщикъ, уполномоченный самыми законами быть покровителемъ своихъ крестьянъ, поставилъ себѣ долгомъ защищить ихъ, и, по крайней мѣрѣ, хотя на будущее время, предохранить отъ нашествія самыхъ ожесточенныхъ враговъ ихъ — подьячихъ. По принесенной мною жалобѣ, произведено было слѣдствіе. Разумѣется, изъ кармана Засѣдателя перелилось въ карманъ Слѣдователя все, что онъ пріобрѣлъ въ продолженіе всей жизни своей. Засѣдатель найденъ совершенно правымъ, и къ довершенію всего меня-же обвинили, не пребуя никакихъ

оправданій и доказательствъ, за то что я осмѣлился возвысить голосъ и искать правосудія. Такая, можно сказать, неслыханная и невѣроятная шалость произвела надо мною дѣйствіе совсѣмъ противоположное тому, чего ожидать было должно. Я не разсердился, но тяжело, и очень тяжело вздохнулъ о томъ, что чиновники, поставленные для соблюденія правосудія и охраненія нашего спокойствія, не только употребляютъ во зло сдѣланное имъ довѣріе, но сами охотно причисляютъ себя къ сословію грабителей на большой дорогѣ. Впрочемъ, хотя и утверждаютъ, что въ пословицахъ заключаются всѣ истины, я на собственномъ опытѣ увѣрился въ противномъ. Напримѣръ, говорятъ: «Плачься Богу, а слезы вода—До Бога высоко, а до Царя далеко.» Неправда! Слезы невинно-страждущихъ совсѣмъ не вода: онѣ доходятъ до Бога, и хотя Онъ высоко, но рано или поздно всякій изъ насъ на эту *вышину* дол-

женъ явиться и отдашь отчетъ въ дѣлахъ своихъ. До Царя также совсѣмъ не такъ далеко, какъ воображаютъ себѣ злодѣи. Я это испыталъ по моему дѣлу, получивъ самое гласное и справедливое удовлетвореніе въ нанесенномъ мнѣ оскорбленіи. Право, въ наше время надобно имѣть необыкновенную отважность, и, какъ говорятъ, очертя голову пускаться *на проказы*. Рѣдко кому сходитъ даромъ съ рукъ. Однакожъ еще есть молодцы...

Въ это время каммердинеръ Чадскаго пришелъ ему доложить, что лошади готовы. Чадскому страстно хотѣлось поскорѣе въ Москву. Онъ спѣшилъ одѣваться, и не смотря на замѣчаніе каммердинера, что морозъ ужасный, кинулъ на полъ приготовленное ему, дорожное, теплое платье, надѣлъ только одну шубу, расцѣловался, и простясь съ Пальмирскимъ, Храбренкою и Угаровымъ, побѣжалъ садиться въ повозку. «Послушайте, Александръ Андреевичъ,» ска-

залъ Пальмирскій. «Мнѣ кажется, вамъ, хоть на минуту, надобно заѣхать къ Рубакину, за тѣмъ, чтобы попросить его постараться выпутать васъ изъ непріятной исторіи съ этимъ Простаковымъ. Ему знакомы Исправникъ и Судья: они для него все сдѣлаютъ.

— Правда — отвѣчалъ Чадскій. — Только это много отниметъ у меня времени.

«Вы поѣдете мимо самаго дома Рубакина.» — Ежели такъ, то поѣдемъ вмѣстѣ къ нему. Ахъ! Да я и забылъ, что ты съ нимъ не знакомъ! Хоть ты, любезный Храбренко, проводи меня.—Онъ вновь поцѣловался съ Пальмирскимъ, и отправился.

— Хорошъ, я думаю, теперь Рубакинъ—продолжалъ Чадскій, сѣвши вмѣстѣ съ Храбренкою. — Любо дорого посмотрѣть на него, послѣ вчерашней попойки. Какъ жалка жена его!—прибавилъ онъ. — Мнѣ показалась она очень порядочною женщиною. Каково ей жить съ

нимъ, и всякій день опасаться, что онъ умретъ отъ пьянства!

«Она точно жалка,» отвѣчалъ Храбренко. «Эта милая и добрая женщина была-бы достойна лучшей участи. Я бываю у нихъ часто, и вижу, какую горькую чашу пьетъ она. Родители ея, бѣдные здѣшніе дворяне, пожертвовали ею богатству Рубакина. Она только что пріѣхала изъ Петербурга, изъ Института, гдѣ воспитывалась. Рубакинъ увидѣлъ ее и влюбился. Отецъ и мать пропивъ воли принудили ее выйдти за него, по старинному обыкновенію и предразсудку: *не обѣгать перваго жениха*. Притомъ-же онъ богатъ; чего лучше хотѣть? говорили они ей. Теперь сами сожалѣютъ, но помочь нечѣмъ. Впрочемъ, когда Рубакинъ не пьянъ, то онъ очень милъ и хорошъ съ нею, но ежедневно, по пословицѣ, *какъ ни бьется, а къ вечеру напьется*. По этому вы можете судить: каково бѣдной его женѣ жить вѣкъ съ пьяницею!» — Вотъ

слѣдствія предразсудковъ, и мнѣнія, что богатство есть первое условіе для благополучной супружеской жизни! — сказалъ Чадскій.

Они нашли, что въ комнатахъ у Рубакина не успѣли еще прибрать остатковъ вчерашняго гулянья. Вмѣстѣ съ хозяиномъ, и люди его были всѣ пьяны. Въ залѣ было натоптано и не подметено; пятенъ на полу, отъ пролитаго пуншу и вина, еще не успѣли смыть; нѣсколько разбитыхъ стеколъ заткнуто было салфетками; въ гостиной на полу валялись разорванныя карты, щепочки и сломанные кусочки мѣла; трюмо было разбито; нѣсколько стакановъ съ недопитымъ пуншемъ спяли въ горшкахъ съ цвѣтами; словомъ: вездѣ видѣнъ былъ безпорядокъ — обыкновенное слѣдствіе пьянства.

Хозяина нашли они въ спальнѣ, съ завязанною головою. Насилу могъ онъ встать съ кресель: такъ вчерашняя попойка отдѣлала его. Жена, съ запла-

канными глазами, встрѣтила Чадскаго. Онъ нашелъ еще нѣсколько вчерашнихъ гостей; у всѣхъ были разспроенныя лица; однакожъ на столѣ стояли, для похмѣлья, водка, травникъ, пиво, соленые огурцы, селедки и ветчина.

«Что, братъ, постарѣлъ?» сказалъ Чадскій Рубакину. «Не такъ легко сходитъ тебѣ съ рукъ попойка, какъ бывало въ старину. Полно, любезный мой, пора перестать; вспомни, что у тебя жена и дѣти.» — Ахъ, правда ваша, Александръ Андреевичъ! Прошли видно эти времена, когда, бывало, вдвое выпьешь, а на другой день такъ свѣжъ, какъ ни въ чемъ не бывало! Что я вынилъ вчера? Вздоръ! Не болѣе 8-ми или 10-ти стакановъ пуншу, а такъ голова ломитъ, что мочи нѣтъ. Притомъ-же это безпокоитъ бѣдную мою Варвику — сказалъ онъ цѣлуя руку у жены, которая залилась слезами. — Вотъ видите: она плачетъ и разстроиваетъ свое здоровье. Полно — перестану со-

всѣмъ пить!—воскликнулъ онъ, наливъ и выпивъ большую рюмку правнику. — «Какъ-же ты хочешь переспать, а сейчасъ выпилъ такой ужасъ, что мнѣ кажется, у меня сожгло-бы всю внутренность?» спросилъ Чадскій. — Не льзя: надобно опохмѣлиться, и, какъ говорятъ, колъ коломъ выгонять. Притомъ-же это цѣлебная настойка — продолжалъ Рубакинъ. — Не хотите-ли и вы чего нибудь закусить? — «Нѣтъ, мой любезный, я сей часъ пилъ чай, и заѣхалъ только на минуту повидаться, проспиться съ тобою, и попросить, чтобы ты постарался выпутать меня и Храбренку изъ непріятной исторіи, случившейся вчера въ твоемъ домѣ. Насъ обоихъ не было въ это время, а говорятъ, что мы поставлены въ просьбѣ свидѣтелями.» — Какой вздоръ! Объ васъ вѣрно нѣтъ ни слова. — «Нѣтъ, мы знаемъ навѣрное, что насъ также помѣстили.» — Да и дѣло все пустое—прибавилъ Рубакинъ.—Подарить Секретарю

рублей сто, такъ все и кончится. Я совѣтовалъ Любскому сдѣлать это. Онъ поѣхалъ въ городъ, и, вѣрно, вскорѣ возвратится съ изодранною просьбою. — «Дай Богъ, чтобы такъ кончилось!» сказалъ Чадскій. «Однакожъ, прощай, любезный другъ! Мнѣ пора ѣхать.» Съ симъ словомъ онъ всталъ, разцѣловался съ нимъ, подошелъ къ рукѣ его жены, раскланялся со всѣми и отправился въ путь.

Храбренко провожалъ его до выѣзда изъ селенія. «Я было и забылъ поблагодарить тебя»—сказалъ Чадскій, прощаясь съ нимъ — «за ночлегъ. Но ты, смотри, не забывай обѣщанія своего переѣхать ко мнѣ, когда оставишь службу. Покойный, теплый уголъ, и все содержаніе готовы для тебя, старый товарищъ!» Храбренко, со слезами на глазахъ, благодарилъ его.

Глава VI.

« Une belle femme, avec les qualités
« d'un honnête homme est la perfection
« de l'espèce humaine. »

Jouy.

« Прелестная женщина, съ свой-
« ствами добродѣтельнаго мужчи-
« ны — перхъ человѣческаго совер-
« шенства. »

Жуи.

Чадскій пріѣхалъ въ Москву на Спрасстной недѣлѣ, и тотчасъ отправился къ Свіяжской, горя нетерпѣніемъ поскорѣе увидѣть Софью. Но Свіяжская имѣла обыкновеніе два раза говѣть, на первой и Спрастной недѣлѣ Великаго по-

спа. Это время жила она въ глубокомъ уединеніи, и никого къ себѣ не принимала. Съ досадою долженъ былъ Чадскій вернуться отъ ея крыльца, и велѣлъ везти себя къ Князю Фольгину. Съ нимъ былъ онъ родня, и довольно друженъ.

«Что съ тобою сдѣлалось? «спросилъ Князь Фольгинъ, расцѣловавшись съ Чадскимъ. «Вдругъ ускакалъ ты изъ Москвы, не простившись, и не сказавъ никому ни слова. Гдѣ ты пропадалъ все это время? И что значитъ странный и внезапный твой отъѣздъ? Я не былъ на балѣ у Графини Хлестовой, о Масляницѣ, а мнѣ сказывали, что ты получилъ какую-то записку, ускакалъ съ бала, какъ сумасшедшій, и съ тѣхъ поръ—будто въ воду канулъ! Знаешь-ли? О тебѣ сказали, что ты точно помѣшался въ умѣ, и что тебя, *по секрету*, здѣсь въ Москвѣ лечатъ. Многіе добрые люди говорили даже, что слышали это отъ Доктора, который къ

тебѣ ѣздитъ. Я думаю: потрудилась распустить всѣ такіе слухи милая Графиня Хлестова: она ко всему способна.» — При имени Графини Хлестовой, гнѣвъ и бѣшенство Чадскаго излились въ ужаснѣйшихъ на нее ругательствахъ. «Это гнусная клеветница!» вскричалъ онъ. «Но я отплачу ей.» Потомъ все разсказалъ онъ Князю Фольгину, объяснилъ страстную любовь свою къ Софьѣ, и просилъ совѣта: какъ ему дѣйствовать?

«Послушай: ежели хочешь, чтобы я откровенно говорилъ съ тобою,» сказалъ Князь Фольгинъ, «то вотъ мое мнѣніе: оставь Хлестову въ покоѣ, пренебреги ея клеветою; она лицемѣрна, хитра, успѣетъ какъ нибудь вывернуться, и дать этой исторіи совсѣмъ другой видъ. Можетъ быть, она обратитъ еще все къ твоему-же предосужденію, или какъ нибудь повредитъ *репутаціи* невинной Софьи и Свѣжской: распуститъ слухъ, что онѣ, желая отвлечь тебя

отъ ея дочери, выдумали *интригу* съ этимъ мальчишкою, Угаровымъ. Хлестова мастерица на такія дѣла, а ты самъ знаешь, что всякая исторія такого рода разсказывается долго, и еще съ прибавленіемъ. Графиня вѣрно преклонитъ многихъ въ свою пользу. *Кумушекъ* обоего пола въ Москвѣ много. Гораздо скорѣе распространяются худые слухи; люди охотнѣе вѣрятъ дурному, нежели хорошему, а честь дѣвушки такой цвѣтокъ *деликатный*, до котораго прикасаться не должно.»

— Ты говоришь правду — отвѣчалъ Чадскій. — Благодаренъ тебѣ, что ты предосперегъ меня. Я готовъ былъ надѣлать большихъ глупостей: вездѣ говорить, и самой Хлестовой въ глаза сказать, что она *безстыдная клеветница*. — «Ты поступилъ-бы неловко и неосторожно,» отвѣчалъ Князь Фольгинъ. «Но, поговоримъ о страсти твоей, и о намѣреніи жениться на Софьѣ. Свіяжская имѣетъ весьма невыгодное

мнѣніе о супружествѣ, и, кажется, прочитъ Софью въ такія-же Весталки, какъ она сама. Надобно дѣйствовать съ большимъ искусствомъ. И того уже будетъ много, ежели она не станетъ отсовѣтывать Софьѣ отдать тебѣ свою руку, а на пособіе надѣлься нѣчего. Слѣдовательно, ты долженъ скрыть отъ Свіяжской клеветы Хлестовой, настоящую причину твоего отъѣзда, вразумленіе тебя сестрою, поѣздку для отысканія Угарова, и проч. Все это послужило-бы Свіяжской оружіемъ противъ тебя. Она тотчасъ объяснитъ Софьѣ, что хотя поступки твои и произошли отъ страстной любви, но показываютъ неразсудительность, пылкость и нетерпѣливость, а эти качества не предвѣщаютъ хорошаго мужа. Потому — отнюдь не говори ты о подвигахъ твоихъ, и придумай какой нибудь предлогъ внезапнаго твоего отъѣзда. Скажи, что ты пріѣзжалъ проститься съ Свіяжскою, но не засталъ ея дома. А самое главное—

и вотъ, что худо: мнѣ кажется, Софья никакой взаимности къ тебѣ не чувствуетъ; это самъ ты долженъ былъ замѣтить. Во все время отсутствія твоего, только разъ, или два вспомнила она о тебѣ. «Гдѣ Александръ Андреичъ Чадскій? Что его давно не видать?» сказала она, весьма равнодушно. Ты знаешь, что Прасковья Васильевна была опекуншею моей жены, и точно она благодѣтельница ея; мы у ней бываемъ почти всякій день; но и она также не часто вспоминала о тебѣ, и то потому только, что ты уѣхалъ изъ Москвы не простясь съ нею. Она говорила, что этого никогда съ тобою не бывало прежде. Къ счастію еще, что она не любитъ въ обществѣ своемъ никакого злословія. Всѣмъ, кто къ ней ѣздитъ, это извѣстно, и слухи, распущенные, вѣроятно, Графинею Хлестовою, о твоемъ сумасшествіи, не могли до нея достигнуть.»

Симъ кончилось объясненіе Чадскаго

съ Фольгинымъ. Начался обыкновенный разговоръ, объ общественныхъ и городскихъ новостяхъ, а между тѣмъ Князь Фольгинъ обдумалъ и сдѣлалъ планъ, основанный на собственной его пользѣ. Это увидимъ мы въ послѣдствіи. Въ слѣдствіе сего плана, Фольгинъ снова обратилъ разговоръ на прежній предметъ.

« Однакожъ, ты говоришь такъ сильно о страсти своей къ Софьѣ, и увѣряешь, что безъ нея жить не можешь » — сказалъ Князь Фольгинъ. — Надобно тебѣ помочь тронуть ея нечувствительное сердце. Вотъ, что я думаю: послѣ Святой недѣли, у меня въ подмосковной, которая, какъ ты самъ знаешь, близко отсюда, всего только въ 10-ти верстахъ, будетъ праздникъ, и благородный спектакль. Я приглашалъ уже къ себѣ Прасковью Васильевну, и твою Софью. Ежели погода будетъ хороша, то онѣ вѣрно пріѣдутъ. Нарочно нѣсколько дней продлю я праздникъ, и удержу ихъ у себя, подъ тѣмъ предло-

гомъ, что театръ мой не готовъ. Ты воспользуйся этимъ временемъ. Въ деревнѣ, на свободѣ, бывши безпрестанно вмѣстѣ, найдешь ты вѣрно средство открыться Софьѣ въ страстной любви своей, и—я не вѣрю, чтобы въ твои лѣта, съ твоею фигурою, и съ большимъ твоимъ состояніемъ, ты не тронулъ ея сердца.»

Чадскій благодарилъ за участіе, разцѣловалъ Князя, и нашелъ, что выдуманный имъ планъ прекрасенъ. Однакожъ, ему ужасно хотѣлось видѣть Софью. На другой день поѣхалъ онъ къ обѣднѣ, въ церковь того прихода, въ которомъ жила Свіяжская, чтобы, хотя издали, посмотрѣть на Софью. Онъ увидѣлъ ее въ углу, въ отдаленіи отъ всѣхъ. Усердно молилась она Богу, и это чрезвычайно понравилось Чадскому. Онъ самъ былъ добрый Христіанинъ, и всегда держался того мнѣнія, что и мужчина-вольнодумецъ непріятенъ, а

женщина - вольнодумка — самое отвратительное и несносное пвореніе.

При выходѣ изъ церкви, приближился онъ къ Свіяжской и къ Софьѣ, когда онѣ шли садиться въ карету. «А! здравствуй Александръ Андреевичъ!» сказала ему Свіяжская. «Давно-ли пріѣхалъ?» — Только вчера, тетушка. Я былъ у васъ; но мнѣ объявили, что вы никого не принимаете. — «Да, извини меня, мой любезный. Я говѣю, и потому никого не велѣла принимать. Ты вѣрно былъ у сестры своей? Что, здорова-ли добрая моя Вѣра Андревна, и дѣточки ея?» — Слава Богу! Она свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе. — Съ симъ словомъ, Свіяжская садилась въ карету. Софья пріятно улыбнулась, также сказала Чадскому нѣсколько привѣтствій, и обошлась съ нимъ, какъ съ старымъ знакомымъ.

Время карантина, покамѣстъ не пускали Чадскаго въ домъ Свіяжской, провелъ онъ очень скучно. Бывалъ у Князя

Фольгина, и вмѣстѣ съ нимъ обдумывалъ, какъ побѣдить нечувствительность Софьи. Князь Фольгинъ ободрялъ его, и отвѣчалъ за вѣрный успѣхъ. «Знаешь-ли?» сказалъ онъ. «Ежели-бы можно было уговорить ее — взять ролю въ какой нибудь комедіи, и вмѣстѣ съ тобою играть, то вотъ-бы самый лучшій способъ объясниться съ нею. На репетиціяхъ, ты могъ-бы свободно говорить, и никто-бы не замѣчалъ за вами; потомъ, играя роль любовника съ жаромъ, могъ-бы ты нечувствительно внушить этотъ жаръ и въ ея сердце. Да, вотъ самое вѣрное средство! Только, я думаю, врядъ-ли она согласится взять ролю.. Однакожъ, я буду ее уговаривать.»

Въ первый день праздника, очень рано, Чадскій явился къ Свіяжской съ поздравленіемъ. Она никого не велѣла принимать; однакожъ приказала, чтобы изъ числа тѣхъ, кто будетъ пріѣзжать, пригласить нѣкоторыхъ обѣдать; въ

семъ числѣ былъ и Чадскій. Онъ пріѣхалъ опять ранѣе всѣхъ, и никого еще не нашелъ въ гостиной, даже и сама хозяйка не выходила еще изъ своихъ комнатъ: послѣ обѣдни Свіяжская отдыхала, и не была одѣта въ то время, когда ей доложили о пріѣздѣ Чадскаго. Софья вышла въ гостиную принять его, обошлась съ нимъ просто, безъ церемоній, какъ съ знакомымъ и роднею Свіяжской; но Чадскій, бывши съ нею наединѣ, чрезвычайно смѣшался, не могъ ни слова сказать, и сердился самъ на себя за свою робость. Впрочемъ, скоро ободрился онъ, наговорилъ Софьѣ нѣсколько комплиментовъ, на счетъ усталости, замѣтной на ея лицѣ, отъ говѣнья и богомолья. «Но это дѣлаетъ васъ еще *интереснѣе*,» прибавилъ онъ. Софья отвѣчала, что она точно утомилась, потому, что должна была вставать очень рано. «Особенно-же сегодня устали мы,» сказала она. «Тетушка насилу выдержала. Не выходя изъ

церкви, мы отслушали заутрню и обѣдню, и все это продолжалось часа четыре; тетушка насилу доѣхала домой; но теперь она отдохнула, и сей часъ выйдетъ.» — При сихъ словахъ вошелъ Князь Фольгинъ, съ женою. Онъ былъ очень радъ, что нашелъ Софью съ Чадскимъ наединѣ; подошелъ къ ней христосоваться, и пребовалъ, чтобы она исполнила обязанность Христіанки, какъ надобно, то есть, чтобы три раза поцѣловала его въ губы. Софья отдѣлалась отъ его *любезности*, и поцѣловала его въ щеку. «А ты, братъ, Александръ Андреевичъ, христосовался-ли съ Софьею Васильевною? И почему ты съ нами не цѣлуешся? Прошу, по Русскому обыкновенію: начни съ дамъ, a pour la bonne bouche со мною!» Чадскій подошелъ къ дамамъ къ рукѣ, и Софья, закраснѣвшись, поцѣловала его въ щеку. Самъ Чадскій насилу могъ скрыть свое замѣшательство. Князь Фольгинъ, какъ опытный сватъ, видѣвъ смятеніе ихъ, тот-

часъ обратилъ разговоръ на другіе предметы. Вскорѣ за симъ вошла въ гостиную Свіяжская, и со всѣми перецѣловалась. Приглашены были обѣдать къ ней только Князь Фольгинъ съ женою, Чадскій, новая знакомая ея, Кирбитова, и еще нѣсколько бѣдныхъ старушекъ и дѣвушекъ, которымъ она благодѣтельствовала. Обѣдъ продолжался недолго; замѣтно было, что хозяйка нездорова, и черезъ силу сидитъ за столомъ. Всѣ скоро разъѣхались.

На другой день, Свіяжская и Софья приглашены были обѣдать къ Князю Фольгину. Жену его нашли онѣ въ задумчивости и унынiи; но за то *добрый* и *гостепрiимный* хозяинъ, по обыкновенію, былъ милъ и привѣтливъ. Слѣдуя обѣщанію своему — помогать Чадскому, онъ выискивалъ разныя средства, чтобы сблизить его съ Софьею. Между прочимъ сказалъ онъ ей, съ коварною улыбкою: «Знаете-ли: я замѣтилъ въ васъ со вчерашняго дня большую перемѣну.

Что это значитъ?» Софья покраснѣла, и ничего ему не отвѣчала. Въ самомъ дѣлѣ чувствовала она что-то необыкновенное. Она не умѣла отдать себѣ отчета, отъ чего ей грустно, но была въ какой-то задумчивости, которая однакожъ не тяготила ее. Ночь худо спала она, и сама не понимала, отъ чего не можетъ обходиться и говорить съ Чадскимъ такъ-же свободно, какъ прежде. Съ нею происходило что-то странное, чего она не умѣла постигнуть. Но Чадскій, и въ особенности опытный Князь Фольгинъ, очень это понимали. Князь поздравлялъ Чадскаго, потихоньку, съ успѣхомъ, и самъ Чадскій сдѣлался гораздо свободнѣе и смѣлѣе съ Софьею.

Послѣ обѣда, Свіяжская, по обыкновенію своему, пошла немного отдохнуть, а Князь Фольгинъ убѣдилъ Софью играть на фортепіано и пѣть. Прежде, безъ запрудненія могла она пѣть при всѣхъ; теперь Чадскій стоялъ подлѣ нея, и она робѣла, голосъ ея дрожалъ; наконецъ

она паки смѣшалась, что не могла продолжать далѣе.

Князь Фольгинъ, слѣдуя плану своему, атаковалъ ее предложеніемъ взять ролю въ благородномъ спектаклѣ, который былъ у него назначенъ въ подмосковной. «Опъ этого я рѣшительно отказываюсь,» отвѣчала Софья. «Вы сей часъ видѣли опыпъ моей застѣнчивости. Хороша я буду на сценѣ: все испорчу, и смѣшаю другихъ актеровъ!»—Напрасно вы не падѣетесь на себя—сказалъ Князь Фольгинъ. — Съ вашею прелестною наружностію, и прекраснымъ голосомъ, вы плѣните всѣхъ. Лишь только покажетесь вы на сценѣ, то всеобщее одобреніе придастъ вамъ смѣлости. Я увѣренъ, что вы прекрасно сыграете. — «Вы можете говорить мнѣ комплименты, сколько вамъ угодно,» возразила Софья, «но никакъ не убѣдите меня. Я сроду только раза два, или три, играла въ маленькихъ комедіяхъ Беркеня и Жанлисъ, въ деревнѣ, въ дѣнь именинъ маменьки,

когда мы бывало дѣлали ей сюрпризы. И тутъ акперами были мои сестры и братъ, а зрителями маменька и нѣсколько ближнихъ родныхъ. Выйдти на сцену при спа человѣкахъ незнакомыхъ — надобно имѣть большую отважность.»— Тщетно уговаривалъ ее Князь Фольгинъ. Чадскій, напротивъ, находилъ сужденіе Софьи справедливымъ, и соглашался съ нею, къ удивленію и досадѣ своего свата. — По крайней мѣрѣ, не опикажите вотъ въ какой просьбѣ (продолжалъ Князь Фольгинъ): мы будемъ играть извѣстную вамъ комедію: *Молодые супруги.* Кузина моя, Княжна Зизи Тугоуховская, взяла роль Эльмиры; ей надобно пѣть, а она на свой голосъ не надѣется; сдѣлайте намъ одолженіе, за кулисами, возмите на себя трудъ пропѣть вмѣсто ее.—

«Ежели никого лучше меня не найдете, такъ и быть — на это я могу рѣшиться,» отвѣчала Софья. «Только за кулисами, такъ, чтобы никто не ви-

далъ меня. Впрочемъ, я не могу вамъ дать вѣрнаго слова: ежели петушка не поѣдетъ къ вамъ, то и я не буду.»

Вскорѣ послѣ того вышла Свіяжская, и на приглашеніе Князя отвѣчала, что ежели будетъ здорова, то непремѣнно пріѣдетъ. Она одобрила отказъ Софьи взять ролю, говоря, что точно надобно имѣть большую отважность молодой дѣвушкѣ, выставляя себя на показъ, и подвергаясь нескромнымъ замѣчаніямъ и критикѣ незнакомыхъ людей. «Позволительно въ кругу семейства своего» — продолжала Свіяжская—«чтобы сдѣлать удовольствіе отцу и матери, выйдти на сцену, когда напередъ мы увѣрены въ добромъ расположеніи и снисходительности зрителей; но во всякомъ другомъ случаѣ должно удивляться рѣшительности и отважности молодыхъ дѣвушекъ. «Впрочемъ» — прибавила она — «мой образъ мыслей не закопъ: всякій думаетъ и дѣйствуетъ по своему.»

Свіяжская хотѣла ѣхать домой; но Князь Фольгинъ упросилъ ее остаться, и сдѣлать *партію* въ вистъ старой тетушкѣ его, Княжнѣ Загорѣцкой. Еще не доставало одного. Чадскій ненавидѣлъ карты, и тѣмъ болѣе теперь, когда ему хотѣлось быть съ Софьею; но, по настоятельной просьбѣ Князя Фольгина, долженъ былъ и онъ сѣсть играть.

Софья, съ двоюродною сестрою Князя, Варварою Осиповною Столицыною, остались вдвоемъ, въ диванной. «Ежели бы вы были свидѣтельницею ужаснѣйшей ссоры между нашими хозяевами!»— сказала Столицына.— «Они только передъ вашимъ пріѣздомъ перестали. Но Князь во всемъ правъ: онъ сохранилъ хладнокровіе, вѣжливость и веселость свою, а Княгиня плакала, укоряла его въ неразсчетливости, роскоши и мотовствѣ; говорила, что они раззоряются, и оставятъ дѣтей безъ куска хлѣба, что доходы ихъ уменьшились, а онъ хочетъ вести все прежній образъ жизни, и дол-

ги ихъ безпрестанно увеличиваются. Князь обращалъ упреки ея въ шутку. И въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ правъ: будто дѣтей у нихъ множество! Всего только трое. Ежели они и проживутъ большую часть имѣнія, то все еще останется довольно. Чтожъ дѣлать? Не всѣмъ быть богатыми. Ахъ! какъ-бы я благодарила Бога, ежели-бы мой мужъ, хотя нѣсколько, былъ похожъ на милаго и добраго Князя Бориса Ильича.»

Софья хотѣла было возражать, доказывать, что предусмотрительность Княгини, на счетъ будущей судьбы дѣтей, достойна похвалы, и что вообще родители, проживая имѣніе, достававшееся имъ отъ ихъ предковъ, поступаютъ, такъ сказать, *безчестно*, потому, что пріобрѣли имѣніе не собственными трудами, и слѣдовательно, обязаны передать, ежели не съ присовокупленіемъ, то, по крайней мѣрѣ, хотя въ томъ-же положеніи своему потомству. Но, зная ограниченность ума и непонятливость

своей собесѣдницы, она рѣшилась ничего не говорить.

«А, кстати!»—сказала Столицына.—«Знаете-ли? Пропивъ васъ есть умыселъ — только въ вашу пользу! Я подслушала разговоръ Князя Бориса Ильича съ Чадскимъ: Чадскій въ васъ влюбленъ. Они думали, что я не понимаю по-Англійски, и свободно разговаривали между собою. Предупреждаю васъ»..... Но Свіяжская окончила партію, и прервала бесѣду, позвавъ Софью ѣхать домой.

Софья сожалѣла, что ей не удалось дослушать разсказа Столицыной; но и того, что узнала она, было уже достаточно. Она вникнула въ сокровенныя чувства сердца своего, и перемѣна, которой до сихъ поръ она не понимала, объяснилась ей: она увѣрилась, что Чадскій сдѣлалъ большое на нее впечатлѣніе. Любовь усиливается и быстро превращается въ страсть, или, просто, въ какое-то очарованіе, въ такомъ только случаѣ, когда мы дѣйствуемъ безъ размыш-

ленія, и совсѣмъ предадимся сему—впрочемъ весьма сладостному чувству. Тогда любовь, точно такъ-же, какъ и другія страсти — корыстолюбіе, картежная игра, и проч. и проч., постепенно беретъ поверхность надъ разсудкомъ, и совершенно овладѣваетъ всѣми умственными способностями человѣка. Слѣдствія всякой страсти одинаковы: физическое и моральное разслабленіе силъ. Софья слыхала часто отъ матери, и Свіяжская тоже въ разговорахъ своихъ повторяла, что всякая страсть есть ослѣпленіе, а слѣпой человѣкъ самъ не знаетъ, и не можетъ видѣть, что онъ дѣлаетъ, и что весьма тягостно бываетъ тогда, когда онъ *прозритъ*, и глаза его откроются. Она призвала на помощь весь разсудокъ свой, и, руководствуясь также совѣтами матери, чтобы во всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ жизни, прежде всего, прибѣгнуть къ Богу и просить Его помощи, она, оставшись одна, молилась съ усердіемъ и сле-

зами. Молитва подкрѣпила ее, и, хотя эту ночь спала она дурно, но основательность ея разсудка внушила въ нее силу, если не совсѣмъ преодолѣть любовь къ Чадскому, и рѣшительно отдалиться отъ него, то, по крайней мѣрѣ, не совершенно предаваться страсти своей, надзирать за собою, разсматривать, внимательно и хладнокровно, характеръ и душевныя свойства Чадскаго, и не иначе, какъ по долговременномъ наблюденіи, рѣшиться отвѣчать его любви, и навѣкъ ввѣрить ему судьбу свою.

На другой день, увидѣвшись съ нимъ, она не была уже такъ застѣнчива, какъ вчера, не приходила въ какое-то странное замѣшательство, когда онъ начиналъ разговаривать съ нею, и чувствовала въ себѣ силу обращаться съ нимъ по прежнему, не подавая ему, и не лишая его совсѣмъ надежды.

Погода на Святой недѣлѣ была прекрасная. Время стояло такое хорошее и такое теплое, какъ въ Іюнѣ. Вся Мо-

сковская лучшая публика обратилась на гулянье подъ Новинское. Утромъ, съ 12-ти до 3-хъ часовъ, дамы лучшаго тона собирались тамъ, ходили пѣшкомъ, и даже, слѣдуя модѣ, *для дѣтей*, посѣщали лубочныя комедіи. Князь Фольгинъ предложилъ Свіяжской и Софьѣ ѣхать на гулянье.

Свіяжская отказалась; но Софья, съ Княгинею Фольгиною и другими знакомыми ей дамами, отправилась. Чадскій, лишь только ихъ увидѣлъ, тотчасъ къ нимъ присоединился. Вскорѣ встрѣтилась имъ Графиня Хлестова, съ дочерью. Она не могла скрыть своего замѣшательства и смущенія, увидѣвъ, что Чадскій ведетъ Софью подъ руку. «Ахъ! здравствуйте, Софья Васильевна!» — сказала она, поцѣловавшись съ нею.—«Какъ давно мы не видались! Здоровы-ли вы?» И въ то время, когда дочь ея цѣловалась, и говорила обыкновенныя фразы и привѣтствія Софьѣ, Графиня Хлестова обра-

тилась къ Чадскому, который едва могъ удерживать свое негодованіе, при взглядѣ на Графиню. « Давно-ли вы здѣсь? » — Дней десять — отвѣчалъ онъ, съ сверкающими отъ гнѣва глазами. — « Вы совсѣмъ насъ забыли, и ни разу не были у меня съ пріѣзда вашего. » — Да, сударыня, не былъ — продолжалъ Чадскій, задыхаясь отъ бѣшенства. — Здѣсь не мѣсто изъясняться, и много говорить мнѣ нѣкогда; но, послушайте— сказалъ онъ, отведя Графиню нѣсколько въ сторону, въ то время, когда всѣ прочіе пошли далѣе — я все знаю: клевета ваша открылась. Не только самъ Угаровъ разсказалъ мнѣ, но исторія и интрига вашей дочери всѣмъ извѣстны въ нашемъ сторонѣ. Я не буду пользоваться правомъ изобличить, и разгласить, что знаю, однакожъ съ однимъ только условіемъ, чтобы вы не позволяли себѣ никакихъ гнусныхъ выдумокъ противъ Холмской. Если-же вы нарушите это условіе, то не пѣняйте на

меня: я щадить васъ болѣе не стану! Записка Угарова останется у меня, и, въ случаѣ нужды, я могу представить еще нѣсколько доказательствъ. Надѣюсь, Графиня, что собственныя ваши выгоды заставятъ васъ быть скромною. — «Я увѣрена въ вашемъ великодушіи, любезный Александръ Андреевичъ» — отвѣчала ему Графиня Хлестова, съ притворными на глазахъ слезами. — «Вижу, что вамъ все извѣстно! Не погубите моей дочери; судьба ея отъ васъ зависитъ; надѣюсь, что глупость и безразсудность ея не будутъ имѣть дальнѣйшихъ слѣдствій. Она, дастъ Богъ, выйдетъ за мужъ, и будетъ счастлива; но еще повторяю: будьте великодушны!» — Даю вамъ честное слово — отвѣчалъ Чадскій — ежели только вы ничего не предпримете противъ Холмской, то никто ничего не узнаетъ отъ меня. — «А я клянусь быть вамъ вѣкъ благодарною! — отвѣчала Графиня Хлестова. — Послѣ сего объясненія поспѣшила она

догнать другихъ, и тотчасъ, съ дочерью своею, уѣхала съ гулянья.

Софья хотѣла было также уѣхать; но Князь Фольгинъ уговорилъ ее, вмѣстѣ съ другими дамами, зайдти посмѣяться въ лубочную комедію. Убѣжденіе это было слѣдствіемъ плана, сдѣланнаго имъ, вмѣстѣ съ Чадскимъ. Они утромъ имѣли совѣщаніе между собою. Князь Фольгинъ, замѣтивъ, что Чадскій сдѣлалъ нѣкоторое впечатлѣніе на сердце Софьи, и что Свіяжская, какъ видно было изъ ея обхожденія, довольно хорошо расположена къ нему, совѣтовалъ не мѣшкая объясниться съ Свіяжскою, и просить ея пособія. Но чтобы имѣть возможность свободно говорить съ нею, должно было выискать время, когда Софьи не будетъ дома. Такимъ образомъ, Князь Фольгинъ, убѣдивъ всѣхъ дамъ зайдти въ лубочную комедію, сказалъ на ухо Чадскому, что теперь самый удобный случай, и чтобы онъ тотчасъ ѣхалъ къ Свіяжской.

Къ счастію, Чадскій нашелъ ее дома. У ней никого не было, и, собравшись съ духомъ, Чадскій признался Свіяжской въ страстной любви къ Софьѣ, убѣждая содѣйствовать къ полученію ея руки.

«Я буду говорить откровенно съ тобою, любезный другъ,» отвѣчала Свіяжская. — «Родители твои были добрые и почтенные люди; съ твоею матушкою, кромѣ родства, были мы довольно дружны, но тебя я почти совсѣмъ не знаю. До сихъ поръ вижу, что и ты хорошій человѣкъ; ничего дурнаго я о тебѣ не слыхала. Но, любезный мой, этого очень недостаточно, чтобы совѣтовать дѣвушкѣ, которую я люблю, какъ дочь мою, повѣрить навсегда судьбу свою тебѣ. Когда потомъ— сохрани Богъ—будетъ она несчастлива, надобно принять на себя тягостную отвѣтственность, и мучиться вѣкъ, тѣмъ, что я способствовала несчастной ея жизни — нѣтъ, нѣтъ! Притомъ-же, ты

долженъ знать, что Софья почти ничего не имѣетъ. »

— Я это знаю — возразилъ Чадскій — но мнѣ ничего, кромѣ ея, не надобно. « Это говорятъ обыкновенно всѣ влюбленные, » отвѣчала Свіяжская. « У тебя, конечно, хорошее состояніе, но и ты, вѣрно, какъ всѣ молодые люди, не занимаешься своимъ хозяйствомъ: оно идетъ кое-какъ. Мнѣ также извѣстно, что ты много долженъ, но и это еще не большая бѣда. Кто изъ Русскихъ дворянъ, особенно-же въ военной службѣ, не долженъ? Поправишь все можно. У меня, слава Богу, состояніе порядочное; Софья моя крестница; я люблю ее, какъ дочь; притомъ-же она мнѣ ближняя родня; заплатишь долги твои, и устроишь васъ, я взяла-бы на себя, и за этимъ единственно не раздумаю... Но, любезный другъ, не сердись на меня: мнѣ совершенно неизвѣстенъ характеръ твой, и свойства твои. Софьи также ты почти совсѣмъ не знаешь —

размысли, разсмотри себя и ее. Вотъ, теперь приглашеніе Князя Бориса Ильича, къ нему въ подмосковную, очень кстати. Вы будете, нѣсколько дней сряду, безпрестанно вмѣстѣ: самый удобный случай покороче узнать другъ друга. Но, я напередъ предупреждаю: не буду ни помогать, ни мѣшать тебѣ. Дай Богъ, чтобы это дѣло устроилось, а я дала себѣ клятву: никогда въ такія дѣла не вступаться. Къ несчастію, я опытна, по есть, какъ говорится, порядочно учена. И теперь у меня на глазахъ устроенная мною партія, за которую буду вѣкъ упрекать себя.» — Для меня очень довольно будетъ и того, ежели вы не станете препятствовать — отвѣчалъ Чадскій, цѣлуя ея руку.

Вскорѣ возвратилась Софья. Она нашла Свѣжскую съ заплаканными глазами, а Чадскаго въ большомъ смущеніи, догадалась, о чемъ идетъ дѣло, но, по

скромности своей, молчала. Свіяжская также, давъ обѣщаніе ни помогать, ни мѣшать Чадскому, не говорила ни слова, ожидая, что сама Софья спросишъ ее.

Между тѣмъ, Чадскій продолжалъ ѣздить всякій день, часъ отъ часу становился свободнѣе съ Софьею, и даже иногда позволялъ себѣ гнѣваться на нее, когда она нескоро выходила въ гостиную, въ то время, когда онъ пріѣзжалъ, или занималась кѣмъ нибудь другимъ, кромѣ его. Дальнѣйшее-же объясненіе, и настоящее предложеніе, рѣшился онъ сдѣлать въ подмосковной, у Князя Фольгина. Однакожъ люди въ домѣ Свіяжской начали толковать между собою, и Анпушка, горничная дѣвушка Софьи, написала домой къ матери и сестрѣ своей, что барышня ея выходитъ за-мужъ, за знатнаго, богатаго и красавца. Тѣ поспѣшили сообщить своимъ знакомымъ, и многіе сосѣди на-

чали даже поздравлять Холмскую. Сундукова и Фіалкина бѣсились отъ зависти. «Каково счастіе этой Холмской!» говорили онѣ. «И что за отличныя красавицы ея дочери!»

ГЛАВА VII.

« Il n'y a point de vertu sans force. »
ROUSSEAU.

« Безъ силы — нѣтъ добродѣтели. »
РУССО.

Наконецъ — приближился день, назначенный для праздника у Князя Фольгина. Свіяжская и Софья пріѣхали къ нему въ подмосковную наканунѣ. Чадскаго, и многихъ другихъ гостей, онѣ нашли уже тамъ.

Въ огромномъ домѣ, построенномъ отцомъ Князя Фольгина, можно было

многимъ помѣститься спокойно. Свіяжской и Софьѣ отвели лучшія комнаты. Впрочемъ, кромѣ большаго дома, обширнаго сада, оранжерей, и хорошаго мѣстоположенія, подмосковная Князя не представляла никакихъ выгодъ, и даже была ему въ тягость, съ тѣхъ поръ, какъ онъ почти весь прожился. Дѣлая праздникъ, и созвавъ къ себѣ много гостей, имѣлъ онъ въ виду, что если Чадскій, съ пособіемъ его, женится, то уговоришь его основаться навсегда въ Москвѣ, и продать ему подмосковную, въ которой положено было начало его благополучія. По легкомыслію своему, Князь Фольгинъ былъ увѣренъ, что когда Чадскій и Софья будутъ помолвлены, то непремѣнно убѣдитъ Свіяжскую на такую покупку, и это была *настоящая причина* его дѣятельнаго участія въ сватовствѣ.

На другой день гостей стало прибавляться часъ отъ часу болѣе и болѣе. Князь Фольгинъ, слѣдуя своему плану, чтобы дать больше времени Чад-

скому сблизишься съ Софьею, отложилъ спектакль на нѣсколько дней, подъ предлогомъ, что еще не всѣ твердо знали свои роли. Но притомъ онъ такъ умѣлъ занять гостей своихъ, что всѣмъ, кромѣ бѣдной его жены, было у него весело.

Погода стояла прекраснѣйшая; весна была въ полномъ цвѣтѣ. Прогулка, пѣшкомъ, верхами, и въ экипажахъ, нечувствительно сокращала утро; потомъ вистъ, мушка, билльярдъ, шарады въ дѣйствіи, живыя картины, и танцы оканчивали день. Князь Фольгинъ славился необыкновеннымъ искусствомъ давать праздники. Всѣ говорили, что на сей разъ онъ превзошелъ самаго себя. Сколько остроумныхъ выдумокъ, сколько забавныхъ сценъ и сюрпризовъ было у него приготовлено гостямъ! Самъ Князь являлся, то Итальянцомъ трактирщикомъ, то странствующимъ музыкантомъ. Все это было подробно описано въ одномъ изъ тогдашнихъ

Журналовъ, при чемъ даже помѣщенъ былъ, къ общему свѣдѣнію, порядокъ и ходъ праздника, что именно въ какой день происходило, и какіе остроумные каламбуры сказаны были припомъ Княземъ Фольгинымъ. Гости его не видали, какъ летѣло время. Это стоило ему довольно дорого; но, въ твердой увѣренности, что Чадскій, или Свіяжская, за все заплатятъ, купивъ у него подмосковную, Князь не жалѣлъ денегъ, которыя доставалъ — заложивъ послѣдніе брилльянты своей жены.

Чадскій пользовался этимъ временемъ, и говорилъ Софьѣ, почти уже прямо, о любви, и о намѣреніи своемъ. Но она не отступала отъ принятаго ею плана, не льстила ему надеждою, и не совсѣмъ лишала его оной, предоставляя времени узнать лучше его характеръ. Осторожность Софьи отнимала у Чадскаго смѣлость сдѣлать ей настоящее предложеніе.

Черезъ три дня, послѣ пріѣзда Свіяжской въ подмосковную, Князь Фольгинъ объявилъ, что все готово, и вечеромъ будетъ спектакль. Репетиціи, и вообще все шло *своимъ порядкомъ*. Нѣкоторые актеры, и особенно актрисы, перессорились между собою; другіе обижались, что имъ даны не тѣ роли, которыхъ имъ хотѣлось. Князь Фольгинъ насилу успѣлъ согласить и уладить. Представленіе шло, такъ-же, какъ обыкновенно водится въ благородныхъ спектакляхъ: кромѣ Князя Фольгина — онъ былъ совершенный актеръ— прочіе играли кое-какъ, не твердо знали свои роли, совсѣмъ обезобразили, и не въ томъ видѣ, какъ должно, представляли пьесы; но зрители апплодировали, хвалили въ глаза, а потихоньку смѣялись между собою, и критиковали декламацію, голосъ, произношеніе, словомъ: все; особенно-же во Французской пьесѣ.

Лучшая актриса, *кузина* Князя Фоль-

гина, Княжна Зизи Тугоуховская, была поводомъ къ большой ссорѣ. Одному изъ зрителей не понравилась ея игра и самая фигура. Онъ вздумалъ довольно громко смѣяться, и сказалъ нѣсколько эпиграммъ на счетъ Княжны, не видя, что сзади сидитъ ея женихъ, который съ своей стороны наговорилъ откровенному рецензенту множество нѣжностей. Изъ всего этого вышла гласная исторія.

Одна только Софья, пѣвшая за кулисами, пріобрѣла общее одобреніе. Прекрасный, вѣрный голосъ ея привелъ всѣхъ въ восторгъ; ей два раза кричали: *фоpo!* Послѣ того, влюбленный и восхищенный Чадскій рѣшился, не далѣе, какъ въ тотъ-же вечеръ на балѣ, открыться въ любви своей, и предложить ей свою руку. Ему досадно было, что не скоро оканчивается спектакль; онъ ничего не слыхалъ, не отвѣчалъ на вопросы сосѣдей своихъ, предался своимъ мечтамъ, о томъ, что и

какъ онъ будетъ говорить Софьѣ, и что она станетъ отвѣчать. Воображеніе влюбленныхъ летаетъ всегда за тридевять земель: онъ представлялъ уже себѣ, какъ будетъ онъ женатъ; ничего не чувствовалъ, ничего не видалъ, и опомнился тогда, какъ по окончаніи спектакля Софья вошла въ залу, и аплодированіе ей вновь раздалось повсюду. Чадскому показалась она еще прелестнѣе. И въ самомъ дѣлѣ, скромность ея, разгорѣвшіяся щеки, уклончивость отъ похвалъ, все это еще болѣе придавало ей красоты.

Чадскій хотѣлъ нѣсколько успокоиться, и собраться съ мыслями. Когда начался балъ, Польскимъ, онъ подалъ Софьѣ руку, и ходя съ нею, во время танца, открылся прямо въ любви, предлагая соединить свою судьбу на вѣкъ. Софья пришла въ замѣшательство, и не могла ничего сказать. Это подавало большую надежду Чадскому. Наконецъ, ободрившись, отвѣчала Софья: «Сдѣ-

лапное вами предложеніе весьма важно: отъ него зависитъ счастіе или несчастіе всей моей жизни. Вы сами согласитесь, что я не могу дать вдругъ рѣшительнаго отвѣта; притомъ-же я сама отъ себя не завишу; да мы еще и не такъ хорошо знаемъ другъ друга.» — Вамъ давно можно было видѣть страстную любовь мою — сказалъ Чадскій. — Вы должны были ожидать того, что я теперь вамъ говорю, и вы имѣли все время обдумать. Къ чему-же продолжать мое мучительное положеніе неизвѣстности? Вы не кокетка, и вѣрно не будете находить удовольствія терзать меня, и водить пустыми надеждами. — « Все это справедливо; но, повторяю, вы сами согласитесь, что дать вдругъ рѣшительный отвѣтъ, о такомъ важномъ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ все благополучіе моей жизни, невозможно. Будемъ говорить откровенно: я еще мало знаю васъ, мнѣ неизвѣстенъ вашъ характеръ, ваши склонности, ваши ду-

шевныя свойства. Признаюсь: привязанность вашу ко мнѣ, конечно, не льзя мнѣ было не замѣтить; но я не предвидѣла и не приготовилась къ отвѣту на столь неожиданное предложеніе ваше. Мой образъ мыслей о любви и супружествѣ можетъ показаться вамъ страннымъ; но мнѣ надобно много времени, чтобы сообразить самое себя, и вникнуть во всѣ подробности важной обязанности супруги»—Можно-ли повѣрить, смотря на васъ — возразилъ Чадскій, съ нетерпѣніемъ и неудовольствіемъ — чтобы у васъ было такое нечувствительное сердце? Можно-ли подумать, чтобы подъ такою Ангельскою наружностію скрывалась—не только холодность, но и жестокость? — Однакожъ онъ тотчасъ одумался, преодолѣлъ себя, и продолжалъ умоляющимъ голосомъ: «Никого и никогда я не любилъ такъ страстно, какъ васъ. Онъ васъ завидетъ все счастіе моей жизни. Вы разсудительны, и, конечно, не повѣрите, ежели я скажу вамъ,

что отказъ вашъ есть смертный для меня приговоръ, и что я готовъ лишить себя жизни; но конечно повѣрите вы тому, что я буду очень несчастливъ. Правда, я самъ чувствую: характеръ у меня довольно пылкій и нетерпѣливый; но ваша кротость, ваша доброта.... —

«О, не надѣйтесь на это,» отвѣчала Софья, улыбаясь. «Я гораздо взыскательнѣе, нежели вы думаете. Я могу извинить какія нибудь невинныя ошибки, или неудовольствія, сдѣланныя мнѣ безъ мыслей; но для меня несносны капризы, своевольство, надменность и, такъ сказать, тиранское желаніе показывать власть свою.... а все это замѣтила я въ нѣкоторыхъ мужьяхъ.» — И эти ужасные пороки приписываете вы всѣмъ мужчинамъ, безъ исключенія? Неуже-ли вы думаете, что и я таковъ-же?—«На вашъ счетъ я не говорю ни слова; но признаюсь, что теперь сказала я вамъ, то замѣтила во многихъ мужьяхъ. Не стану оправдывать женъ: есть и изъ

нихъ довольно много съ такими-же недостатками.»

Чадскій готовилъ прекрасный отвѣтъ Софьѣ, хотѣлъ объяснить ей, что употребитъ всѣ усилія сосстановить ея благополучіе, и преодолѣетъ врожденную свою пылкость и нетерпѣливость. Къ несчастію, въ самое это время, Сердоликовъ, молодой офицеръ, хорошій знакомый Чадскаго, прошелъ мимо его, и по неосторожности наступилъ ему на ногу, прямо на мозоль, отъ которой Чадскій чрезвычайно спрадалъ. Хотя Сердоликовъ тотчасъ извинился, но Чадскій, забывшись, вскочилъ въ бѣшенствѣ со стула, съ глазами пылающими отъ гнѣва, и не помня самъ себя, не слушая никакихъ извиненій, насказалъ множество самыхъ оскорбительныхъ, самыхъ колкихъ и ядовитыхъ дерзостей. Сердоликовъ, также едва не задыхаясь отъ бѣшенства, схватилъ за руку Чадскаго. «Здѣсь не мѣсто изъясняться: мы поговоримъ послѣ. Вы

меня понимаете!» сказалъ онъ Чадскому, и бросивъ на него яростный взглядъ, отошелъ, и вскорѣ уѣхалъ съ бала въ Москву. Гостей было множество; хозяинъ и не замѣтилъ отсутствія одного изъ нихъ.

Софья, съ полными слезъ глазами, была свидѣтельницею этой непріятной сцены, долженствовавшей кончиться дуэлемъ. Чадскій опомнился, почувствовалъ всю безразсудность свою, просилъ у нея извиненія, укорялъ себя въ бѣшенствѣ, клялся, что этого впредь никогда не будетъ, и что онъ чувствуетъ себя совершенно виноватымъ, и даже готовъ просить прощенія при всѣхъ у Сердоликова. Онъ хотѣлъ возобновить прежній разговоръ съ Софьею.

«Разговоръ нашъ можетъ и долженъ окончиться здѣсь, и навсегда,» сказала она ему холодно. «Вы мнѣ на самомъ опытѣ показали, что характеры наши несходны между собою, и что мы не созданы другъ для друга.»

Чадскій хотѣлъ отвѣчать, но Софья встала и, не слушая его болѣе, пошла въ диванную, гдѣ Свіяжская играла въ вистъ. Чадскій преслѣдовалъ ее туда; но Софья объявила ему твердымъ голосомъ, чтобы онъ ее оставилъ, и что она ничего болѣе слышать не хочетъ.

Вниманіе Чадскаго къ Софьѣ, замѣченное всѣми, особенно въ продолженіе послѣдняго времени, и обыкновенныя двусмысленныя шутки и насмѣшки Князя Фольгина, показывали явно, что дѣло доходитъ до свадьбы. Но въ этотъ вечеръ, увидѣвъ, что Софья оставила Чадскаго, и не говоритъ съ нимъ ни слова, всѣ удивлялись и подшучивали надъ нимъ. Онъ самъ видѣлъ, что дѣла его идутъ плохо, но притворялся веселымъ, старался шутить на счетъ *ужаснаго* гнѣва Софьи, утверждая, что все это продолжится только до завтра, хотя внутренно сомнѣвался въ дальнѣйшихъ успѣхахъ. Онъ съ горестію замѣ-

шилъ, что Софья не разгорячилась, и что въ послѣднихъ словахъ своихъ показала она болѣе холодности и презрѣнія, нежели негодованія. Ему болѣе оставалось-бы надежды, если-бы онъ увидѣлъ, что Софья съ неудовольствіемъ и краснѣя отъ досады говорила ему. Напротивъ, черты лица ея сохранили обыкновенную свою прелесть и кротость; только въ глазахъ ея замѣтно было пренебреженіе къ запальчивости и бѣшеному его характеру.

Чадскій рѣшился сдѣлать на другой день послѣдній опытъ, и ежели будетъ имѣть неудачу, то прекратить навсегда знакомство съ этою *холодною, бездушною красавицею*. Сватъ его, Князь Фольгинъ, также замѣтилъ раздоръ ихъ. Онъ подошелъ къ Чадскому. «Что, братъ? Ты, кажется, сыгралъ, вмѣстѣ съ Софьею Васильевною, сцену изъ комедіи: *Le dépit amoureux* (Любовная ссора)?» сказалъ онъ. «Зачѣмъ дѣло стало? «Не взять-ли мнѣ роли примирителя?» —

Ничего, все вздоръ! — отвѣчалъ Чадскій, съ принужденною улыбкою. — Надѣюсь, къ завтрему жестокость ея смягчится; пожалуста не говори ей ни слова: я боюсь, что и ты сыграешь ролю *неудачнаго примирителя.* —

Однакожъ Князь Фольгинъ отыскалъ Софью въ другой комнатѣ. «Что вы не танцуете, Софья Васильевна?» сказалъ онъ. — Благодарю — такъ, что-то голова болитъ. — «Да отъ чего-же у васъ болитъ голова? По лицу вашему замѣтно что-то необыкновенное. Я никогда не видалъ васъ въ такомъ волненіи.» — Я не знаю, что вы замѣчаете. Въ залѣ очень жарко; отъ этого у меня разболѣлась голова — вотъ все. — «Нѣтъ, есть что нибудь другое,» продолжалъ Князь Фольгинъ, посмотрѣвъ ей, пристально, прямо въ глаза. «Воля ваша, а *я отъ удивленія становлюсь нѣмъ и восклицаю: ахъ, Милостивая Государыня!* Эту фразу, изъ одного старинаго романа, должно повторить, посмотрѣвъ

со вниманіемъ на васъ.» Софья улыбнулась, и ничего ему не отвѣчала.— «*Что я слышу? Безмолвіе* — сказалъ, или могъ сказать какой нибудь древній мудрецъ, напримѣръ, хотя Конфуцій!» прибавилъ Князь Фольгинъ, помирая со смѣху, и имѣя въ виду развеселить Софью.—Что мнѣ еще сказать вамъ? У меня опъ жара болитъ голова, и опъ этого я не танцую. Вотъ причина, по которой вы находите необходимымъ *восклицать въ онѣмѣніи и слышать безмолвіе* — отвѣчала съ усмѣшкою Софья. Тутъ Свіяжская окончила свою партію, и пошла къ себѣ въ комнату. Софья послѣдовала за нею.

Оставшись наединѣ, она разсказала Свіяжской всѣ подробности разговора своего съ Чадскимъ, и ссору его съ Сердоликовымъ. Свіяжская одобрила всѣ поступки и слова Софьи. «Повѣрите-ли, тетушка,» продолжала Софья, насилу удерживая свои слезы: «я готова была сдѣлаться жертвою его; думаю, что наконецъ я полюбила-бы его, и очень ему

обязана, что онъ такъ скоро снялъ съ себя маску, и открылъ въ настоящемъ видѣ свой характеръ. Нѣтъ! впередъ буду я осторожнѣе, буду умѣть избѣгать такой опасности, и наблюдать за собою, съ такимъ вниманіемъ, съ такою недовѣрчивостію къ самой себѣ, что вѣрно въ другой разъ не попадусь въ подобныя сѣти. Мы завтра утромъ уѣдемъ отсюда, тетушка? Не правда-ли?» прибавила Софья, и слезы невольно потекли изъ ея глазъ. — Непремѣнно завтра — отвѣчала Свіяжская.—Но прежде отъѣзда мнѣ надобно имѣть продолжительный и важный разговоръ съ Княгинею Фольгиною; притомъ-же, ты сама знаешь, я не могу вставать рано. Кажется, мы не можемъ выѣхать прежде, какъ часу въ первомъ, или во второмъ; однакожъ ежели тебѣ непріятно встрѣчаться съ Чадскимъ, то пробудь утро въ моей комнатѣ. —

«Встрѣча съ нимъ,» отвѣчала Софья, «ни сколько не безпокоитъ меня; напро-

нивъ, я очень рада показать ему, что бѣшенство и запальчивость его возвратили мнѣ прежнее равнодушіе къ нему. Если-же я стану избѣгать свиданія, то онъ можетъ подумать, что я только сержусь, и все еще сохраняю чувства привязанности. Къ несчастію, прежде онъ могъ это замѣтить. Теперь я хочу показать, что всѣ мои сношенія съ нимъ навсегда прерваны.»

Чадскій, возвратясь съ бала въ свою комнату, нашелъ нарочно присланную изъ Москвы, отъ Сердоликова, записку съ вызовомъ на дуэль. Сердоликовъ назначалъ мѣсто недалеко отъ города, увѣдомлялъ, что въ 6-ть часовъ утра ожидаетъ его, и хочетъ драться на пистолетахъ. Былъ уже третій часъ въ исходѣ. Чадскій пошелъ въ комнату къ пріятелю своему Стрѣльскому, бывшему въ числѣ гостей у Князя Фольгина, и просилъ его быть секундантомъ. Они не раздѣвались; спросили себѣ чаю; Чадскій осмотрѣлъ свои дорожные писто-

лены, и велѣлъ запрягать коляску. Въ назначенное время явились они на мѣсто, и нашли уже тамъ Сердоликова. Объясненіе продолжалось недолго. Чадскій не хотѣлъ просить прощенія, и дуэль окончился тѣмъ, что Сердоликовъ получилъ опасную рану въ бокъ. Его отнесли въ коляску. Черезъ нѣсколько дней послѣ того онъ умеръ. Чадскій былъ ранень легко въ руку. Пріѣхавшій изъ Москвы съ Сердоликовымъ лекарь перевязалъ имъ обоимъ раны, и Чадскій, все еще имѣя нѣкоторую надежду тронуть Софью, возвратился въ подмосковную Фольгина очень рано. Тамъ почти всѣ еще спали.

И такъ — Сердоликовъ, прекрасный молодой человѣкъ, одинъ сынъ у отца, полагавшаго на него всю надежду, окончилъ бѣдственно, въ ужасныхъ мученіяхъ, жизнь свою... И отъ чего? — Но тщетны будутъ всѣ усилія возставать противъ пагубнаго обыкновенія выходить драться, на смерть, за всякую без-

дѣлицу! Этотъ остатокъ варварства отдаленнѣйшихъ временъ еще долго будетъ господствовать между молодыми людьми. Многіе читали и будутъ читать пламенныя, излившіяся прямо изъ души, мысли добраго Руссо о дуэляхъ; многіе изъ читавшихъ вѣрно были убѣждены истинами, имъ представленными, и—при первомъ случаѣ, за малѣйшую бездѣлицу, готовы вызвать сами, или согласиться на дуэль!

ГЛАВА VIII.

« Il y a un lieu sur la terre, où les
« joies pures sont inconnues, où les re-
« mords et les inquiétudes, furies infatiga-
« bles, tourmentent les habitans. C'est
« la maison de deux époux, qui ne
« peuvent ni s'aimer, ni s'estimer. »

St. Lambert.

« Есть на земль мѣсто, гдѣ чи-
« стыя радости неизвѣстны, гдѣ
« угрызенія совѣсти и безпокойство,
« фуріи неутомимыя, преслѣдуютъ и
« терзаютъ обитателей. Это домъ
« супруговъ, которые ни уважать,
« ни любить другъ друга не могутъ. »

С. Ламбертъ.

Комната Софьи была подлѣ кабинета Княгини Фольгиной. Прежде, проснувшись, тотчасъ уходила она къ Свіяжской; но въ эту ночь Софья дурно спа-

ла, вспала рано, и зная, что Свіяжская еще не просыпалась, осталась противъ обыкновенія долго въ своей комнатѣ, успѣла одѣться, окончить свои утреннія молитвы, и принялась за чтеніе сочиненій Фенелона. Она сидѣла очень тихо, когда Княгиня Фольгина пришла къ себѣ въ кабинетъ. Вскорѣ послѣ того явился къ ней мужъ ея. Софья, совсѣмъ печально, услышала слѣдующій разговоръ между ними.

«Я получилъ сей часъ записку отъ Графини Юліи Станиславовны Лелевой,» сказалъ Князь, входя въ комнату. «Она сегодня пріѣдетъ къ намъ обѣдать, и пробудетъ нѣсколько дней. Прошу приказать приготовить для нея эту комнату. Вели вынесть все свое отсюда.»— И такъ, не смотря на всѣ слова мои, ты пригласилъ ее къ себѣ? — сказала ему жена его.—Но вспомни, по крайней мѣрѣ, условіе твое съ Прасковьею Васильевною: она рѣшительно объявила тебѣ, что прибытіе Лелевой сюда бу-

день знакомъ ея отъѣзда. Кажется, хотя изъ уваженія къ этой почтенной женщинѣ и благодѣтельницѣ нашей, могъбы ты не приглашать ее. — «А я, сударыня, пригласилъ, и хотѣлъ пригласить ее. Что мнѣ за нужда до вашихъ глупыхъ женскихъ прихотей! Я хозяинъ у себя въ домѣ,» возразилъ Князь грубымъ голосомъ, и съ неудовольствіемъ. «Опять слезы и слезы! Ты хоть кого выведешь изъ терпѣнія: ты мнѣ надоѣла жалобами и слезами своими. Я кончу тѣмъ, что буду гласно имѣть любовницу!» — Этой гласности только и недостаетъ! — отвѣчала Княгиня, заливаясь слезами, и почти задыхаясь отъ рыданій.—Я тебѣ надоѣла своими слезами и жалобами; но кто видалъ меня плачущую? Кому я жалуюсь? Оставшись одна, позволяю себѣ предаться моему справедливому горю; но никто, ничего не знаетъ, никто даже не подозрѣваетъ, до какой степени я несчастлива! Ты хочешь при всѣхъ казаться добрымъ и

угодливымъ мужемъ, и почти всѣ такъ о тебѣ думаютъ. На мой счетъ говорятъ Богъ знаетъ что: называютъ меня сумасбродною, и жалѣютъ о тебѣ; но я все терплю, и никому неизвѣстно, какъ ты лицемѣришь со мною при всѣхъ! Никогда и никому я не жаловалась, и съ покорностію несу тягостный крестъ мой. Настоящая истина отъ всѣхъ сокрыта! —

«Къ чему весь этотъ вздоръ, и кончится-ли твое болтанье?»

— Я знаю: все безполезно, что я тебѣ говорю; но вотъ, посмотри, какую я получила записку. Три мѣсяца тому назадъ сказывалъ ты мнѣ, что заплатилъ деньги въ Институтъ, за дочь нашу, и въ Пансіонъ, за сына. Теперь черезъ Полицію объявлено у насъ въ домѣ, въ Москвѣ, чтобы мы, или заплатили деньги, или взяли ихъ къ себѣ! —

«Ахъ! да, въ самомъ дѣлѣ, я забылъ, что деньги точно не заплачены. Въ этотъ день обѣдалъ я въ Англійскомъ Клубѣ,

игралъ несчастливо, и деньги, назначенныя для заплаты за дѣтей, всѣ спустилъ; но это небольшая бѣда—подождутъ—заплачу! Деньги и все деньги! Вѣкъ свой мучишь ты меня изъ денегъ, а откуда мнѣ взять ихъ?»

— О себѣ самой я не говорю ни слова; по твоей волѣ разлучена я съ дѣтьми моими. Ты самъ знаешь, что я во всемъ должна отказывать себѣ, не имѣю никогда копѣйки, и даже вчера, когда пришла ко мнѣ крестница, дочь старосты, на поклонъ, должна я была занять пять рублей у Софьи Васильевны, говоря, что у меня нѣтъ мѣлкихъ ассигнацій. Если-бы ей извѣстна была настоящая причина!—

«Большая важность — пять рублей!» сказалъ Князь Фольгинъ, вынимая книжку свою, наполненную ассигнаціями, которыя получилъ заложивъ брилльянты жены.—На, отдай эти пять рублей!»

— У тебя, кажется, теперь довольно

денегъ. Ради Бога, дай мнѣ отослать за дѣтей. —

« Ну, вздоръ! Тамъ еще потерпятъ, а мнѣ деньги нужны на другія издержки.»

— Прошу тебя, сдѣлай одолженіе, избавь меня и себя отъ стыда: отошли поскорѣе деньги за дѣтей! И того, кажется, слишкомъ довольно, что съ нашимъ состояніемъ ты не воспитываешь ихъ дома. —

« А я опять тебѣ повторяю, что ты говоришь все вздоръ. Не тебѣ вмѣшиваться въ мои дѣла. Я вдесятеро тебя умнѣе, и самъ знаю, что дѣлать надобно. Впрочемъ, ежели ты такъ упрямa, и непремѣнно все по своему хочешь поставить, я тебѣ не мѣшаю. Займи у твоей *старухи*, или у Холмской: ей старуха даетъ много денегъ; да Холмской даже не грѣхъ было-бы и подарить мнѣ. Я усердно хлопочу, чтобы она вышла за богатаго Чадскаго. Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что когда она будетъ помолвлена, то изъ благодарно-

сти уговоришь жениха своего купишь эту подмосковную. Тогда я успокоюсь и разплачусь съ долгами. — Но я долго заболтался съ тобою, а мнѣ нѣкогда. Вели непремѣнно приготовишь эту компату для Графини Лелевой.» Съ сими словами онъ вышелъ.

Софья долго слышала рыданія Княгини Фольгиной. При самомъ началѣ разговора, она хотѣла было выйдти, но боялась, что стукъ дверей, при уходѣ ея, откроетъ Князю Фольгину, что она все слышала, и что это еще болѣе можетъ повредить несчастной его женѣ: подастъ ему поводъ думать, что она нарочно просила Софью подслушать ихъ. Мысль сія удержала Софью; она не смѣла пошевелиться, и ушла тогда только, когда вошедшая къ Княгинѣ Фольгиной служанка сказала, что Прасковья Васильевна проситъ ее къ себѣ.

По выходѣ Княгини, отправилась Софья въ гостиную, гдѣ почти всѣ уже собрались. Князь Фольгинъ, какъ будто

ни въ чемъ не бывалъ, также шутилъ, смѣялся, былъ веселъ по обыкновенію. Софья не могла безъ ужаса смотрѣть на него.

Вскорѣ явился и Чадскій, съ подвязанною рукою. Всѣ обратились къ нему съ вопросомъ: что это значитъ? «Ничего,» отвѣчалъ онъ равнодушно. «Сего дня утромъ, я нечаянно упалъ и ушибъ себѣ руку; это скоро пройдетъ.» Между тѣмъ, бывшій у него секундантомъ Сипрѣльскій успѣлъ разсказать многимъ, *по секрету*, о дуэлѣ и ранѣ его; слышавшіе, также *по секрету*, сообщили другимъ, и дамы находили Чадскаго съ подвязанною рукою *очень интереснымъ*. Софья, догадываясь, что вчерашняя ссора съ Сердоликовымъ должна была окончиться дуэлемъ, почувствовала еще болѣе отвращенія къ Чадскому; она внутренно благодарила Бога, что не будетъ женою такого бѣшенаго и взбалмошнаго человѣка, за котораго всякій день должно было опасаться, что или

онъ кого нибудь лишитъ жизни, или его самаго убьютъ.

Однакожъ, слѣдуя намѣренію — испытать еще счастія своего у Софьи, Чадскій подошелъ къ ней, и возобновилъ извиненія во вчерашнемъ поступкѣ, говорилъ, что ему рѣдко случается забыться до такой степени, и предаться такъ сильно бѣшенству и нетерпѣливости. Онъ давалъ честное слово, что впередъ никогда этого не случится, и окончилъ рѣчь вторичнымъ предложеніемъ руки и всего состоянія своего. Софья холодно поблагодарила за сдѣланную ей честь, и рѣшительно объявила, что намѣреніе ея непоколебимо, и что она вѣкъ не перемѣнитъ того, что вчера сказала ему. Не смотря на данное слово никогда не горячиться, Чадскій взбѣсился, и ежели-бы Софья не ушла изъ гостиной въ комнату Свіяжской, то имѣла-бы съ нимъ очень непріятную сцену.

Все было готово къ отъѣзду ихъ. Свіяжская и Софья вошли въ гостиную

проспиться, въ то самое время, когда Графиня Лелева пріѣхала. Свіяжская обошлась съ нею очень холодно. Князь Фольгинъ смѣшался; совѣсть мучила его. Замѣшательство его еще болѣе увеличилось, когда Свіяжская бросила на него строгій, выразительный взглядъ, доказывавшій, что ей извѣстна связь его съ этою безстыдною кокеткою.

Съ большимъ удовольствіемъ оставила Софья домъ, гдѣ хозяинъ, по ея мнѣнію, былъ совершенный извергъ. Вообще всѣ мужчины казались ей вѣроломными, несправедливыми, настоящими чудовищами!

Чадскій съ горестію проводилъ Свіяжскую и Софью до кареты. Ему тягостно было лишиться всей надежды получить когда нибудь руку Софьи. Самолюбіе его было жестоко оскорблено. По отъѣздѣ Свіяжской, онъ притворялся равнодушнымъ, хотѣлъ казаться веселымъ, и, для разсѣянія, обратился къ волокитству за Графинею Лелевою. Интрига

ихъ кончилась, какъ обыкновенно, въ свое время; но прежде того Чадскій и Графиня перессорились и разстались на вѣкъ съ Княземъ Фольгинымъ.

Дорогою сообщила Софья Свіяжской послѣдній разговоръ свой съ Чадскимъ, прибавивъ къ тому, что если-бы она не поспѣшила уйдти изъ гостиной, то видно было, что взбѣсившись за рѣшительный отказъ ея, онъ готовъ былъ сдѣлать новую непріятную сцену. «Ты, мой другъ, на самомъ опытѣ видишь теперь,» сказала ей Свіяжская, «какъ хорошо дѣйствовала ты, умѣвъ покорить сердце свое разсудку. Чадскій точно былъ-бы самый дурной мужъ, и ты вѣкъ свой была-бы съ нимъ несчастлива.» Она разсказала ей, что онъ прежде пріѣзжалъ просить ея пособія; но что не знавши характера его, она обѣщалась только ни мѣшать, ни помогать ему, и что послѣ замѣчала она нѣсколько разъ чрезвычайную запальчивость и нетерпѣливость его, а потомъ

еще и Князь Фольгинъ, по нескромности своей, сообщилъ ей всѣ козни и клеветы Графини Хлестовой, также и подвиги Чадскаго, то есть все то, что мы уже знаемъ. «Я узнала только вчера обо всемъ этомъ,» прибавила Свіяжская. «Такая неразсудительность, легковѣріе, или просто сумасшествіе Чадскаго, не предвѣщали ничего, кромѣ самой бѣдственной жизни, если-бы ты за него вышла. Я хотѣла предостеречь тебя, но, къ счастію, онъ самъ скоро открылъ тебѣ глаза своими прекрасными поступками.»

Софья была поражена разсказомъ Свіяжской; она не могла постигнуть, за что ненавидѣла ее Графиня Хлестова, и для чего рѣшилась она на такую гнусную клевету. По добротѣ своей, не знала Софья, что свойства людей разнообразны, что точно такъ-же, какъ одни готовы на всякую помощь и добро, другіе напротивъ готовы вредить, и находятъ удовольствіе дѣлать зло. Поступкамъ

Графини Хлестовой тѣмъ еще менѣе должно было удивляться, что собственный интересъ подвигнулъ ее дѣйствовать такимъ образомъ. Она имѣла въ виду отбить у Софьи женіха, и выдать за богатаго и знатнаго человѣка свою дочь. *До интереса-жъ гдѣ коснется, не только тамъ гусямъ — и людямъ достается* — сказалъ И. А. Крыловъ.

Послѣ того Софья разсказала слышанный ею нечаянно разговоръ Княгини Фольгиной съ мужемъ. — «Я это знаю,» отвѣчала Свіяжская, со вздохомъ. «За дѣтей я заплачу, и сдѣлаю все, что отъ меня будетъ зависѣть, къ облегченію ея горестей. Но чѣмъ помочь въ несчастной ея жизни съ мужемъ? Ты, конечно, замѣтила связь нашу съ нею, и сердечное мое участіе въ судьбѣ этой несчастной женщины?» — Очень замѣтила — отвѣчала Софья. — Она воспитывалась въ вашемъ домѣ: вотъ все, что я знаю объ ней. Давно хотѣлось мнѣ спросить у васъ, но обеспокоивъ васъ прежде нескром-

нымъ вопросомъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ вашей жизни, послѣ того остерегалась я, чтобы не причинить вамъ новаго горя. — « Благодарю тебя за нѣжность твою », отвѣчала Свіяжская, « но еще повторяю: воспоминаніе о моемъ несчастіи не такъ уже тягостно для меня, какъ было прежде. Исторія Княгини Фольгиной имѣетъ нѣкоторую связь съ моею собственною. Я все разскажу тебѣ. »

ГЛАВА IX.

« What is life? A war,
« eternal war with woe.
JOUNG.

« Что есть жизнь? Война, вѣч-
« ная война съ несчастіемъ.
Юнгъ.

«Я была одна дочь у моихъ родите-
лей» — сказала Свіяжская.» Отецъ мой
занималъ довольно значительное мѣсто
въ Москвѣ, и имѣлъ большое состояніе.
Ты можешь повѣрить, что въ жени-
хахъ у меня не было недостатка. Те-
перь нѣтъ никакихъ слѣдовъ, но, гово-
рятъ, въ молодости я была не дурна

собою, слѣдовательно, являлось много и влюбленныхъ въ меня. Въ большомъ числѣ мнѣ легко можно было выбрать человѣка по сердцу. Родители страстно меня любили, были слишкомъ снисходительны, имѣя одну дочь, и, можетъ быть, и баловали меня. Какъ-бы то ни было, мнѣ предоставили совершенную свободу, и хотя избранный мною не очень имъ нравился, но они не прошиворѣчили, и я почитала себя совершенно счастливою.

«Графъ Ольгинъ былъ прекрасной наружности, уменъ, хорошо воспитанъ, ловокъ, лучшаго тона, и, казалось, спрастно былъ влюбленъ въ меня. Чего еще недоставало для 18-ти лѣтней дѣвушки? Мнѣ и въ голову неприходило разсмотрѣть его характеръ и душевныя свойства. Онъ былъ всегда любезенъ со мною, угодливъ, говорилъ, какъ тогда я думала, о привязанности своей прямо отъ сердца. Словомъ: Графъ соединялъ въ себѣ, по моему мнѣнію, отличнѣйшія

достоинства, и, казалось, лучше никого желать было не должно. Насъ скоро помолвили, однакожъ еще негласно, покамѣстъ получится согласіе отца его, жившаго въ Петербургѣ. Но въ этомъ никто не сомнѣвался, потому, что состояніе Ольгиныхъ было разстроено, и молодой Графъ имѣлъ въ виду богатую невѣсту. Онъ служилъ тогда въ Гвардіи, и пріѣзжалъ въ Москву въ отпускъ. Ему надобно было, по службѣ, и для того, чтобы получить скорѣе позволеніе отца, отправиться въ Петербургъ. Отсутствіе его должно было продолжиться едва-ли нѣсколько дней, но намъ обоимъ тяжело было разставаться. Онъ писалъ ко мнѣ съ каждой станціи; изъ Петербурга получала я, почти ежедневно, самыя милыя, нѣжныя письма. Онъ увѣрялъ меня въ страстной любви, жаловался на разлуку, и проч. На всякое письмо его отвѣчала я въ томъ-же тонѣ. Это продолжалось — съ *недѣлю*; потомъ замѣ-

тила я, что Графъ не въ такомъ уже сильномъ отчаяніи, какъ былъ прежде. Въ письмахъ его находила я *что-то такое*, что мнѣ не совсѣмъ нравилось. Однакожъ онъ продолжалъ довольно часто писать, все также изъяснялся въ любви своей; но мнѣ казалось, что онъ, можетъ быть, безъ всякой нужды продолжаетъ пребываніе свое въ Петербургѣ. Любовь недовѣрчива; всякая бездѣлица ее превожнитъ. Могу ошибаться, но, мнѣ кажется, однѣ только женщины способны чувствовать истинную любовь. У меня было какое-то мрачное предчувствіе. Я не умѣла отдать себѣ отчета въ томъ, что меня безпокоитъ, и что мнѣ не нравится въ письмахъ Графа. Мучительное положеніе мое продолжалось около двухъ мѣсяцевъ. Оно такъ было тягостно, что до сихъ поръ не могу я безъ слезъ вспомнить этого времени. Наконецъ—предчувствіе мое оправдалось самымъ дѣломъ: мы получили извѣстіе, что Графъ Оль-

гинъ женился въ Петербургѣ, и ѣдетъ въ чужіе края, для поправленія разстроеннаго здоровья жены, которая увѣрила его, что болѣзнь ея происходитъ отъ долговременной, страстной къ нему любви. Мы узнали, что отецъ Графа Ольгина гораздо прежде сваталъ за него дѣвушку знатной фамиліи, которая была при томъ гораздо богаче меня. Графъ былъ на это согласенъ, ѣздилъ часто въ домъ своей невѣсты; но его водили, и не давали рѣшительнаго отвѣта: онъ замѣтилъ, что имѣютъ въ виду другаго. Состояніе отца его было чрезвычайно разстроено; должно было принять рѣшительныя мѣры, чтобы поддержать себя, и *поправиться* выгоднымъ супружествомъ. Тогда было обыкновеніе: ѣздить для женитьбы изъ Петербурга въ Москву, гдѣ всегда находилось много богатыхъ невѣстъ, и промотавшіеся женихи спѣшили изъ Петербурга къ намъ. Графъ Ольгинъ, по совѣту отца, предпринялъ это путешествіе, съ намѣреніе-

емъ непремѣнно жениться, и достигнулъ своей цѣли. Но во время искательства моей руки, обстоятельства въ Петербургѣ перемѣнились: семейство, гдѣ онъ прежде свалался, было согласно отдать за Графа, потому, что тотъ, на кого имѣли виды— измѣнилъ. Опять возобновилось знакомство съ отцомъ Графа Ольгина, и по возвращеніи жениха моего въ Петербургъ все приняло другой видъ. Отецъ его убѣждалъ; въ домѣ будущей жены своей принятъ онъ былъ, какъ нельзя лучше; даже сама соперница моя рѣшилась откровенно сказать ему, что она давно и страстно влюблена въ него, что прежде не соглашались ея родители, и видѣвъ, что она таетъ отъ любви къ Графу, и здоровье ея совершенно разстроилось, теперь сами желаютъ имѣть его своимъ зятемъ. Послѣ открылось, что она никогда и никакой привязанности къ нему не имѣла, и желала только выйдти за него изъ отмщенія, за тѣмъ, что-

бы показать равнодушіе къ измѣнни-ку, въ котораго она точно была влюблена.

«Графъ Ольгинъ, въ самомъ дѣлѣ, имѣлъ нѣкоторую привязанность ко мнѣ; по крайней мѣрѣ, онъ долго колебался. По убѣжденія отца, эгоизмъ, и намѣреніе жениться по разсчету, т. е. взять за женою поболѣе приданаго — сдѣлали перевѣсъ въ пользу моей соперницы: она была гораздо богаче меня; интересъ восторжествовалъ надъ сердечною привязанностію!

«Не буду распространяться въ описаніи горести моей. Признаюсь: не смотря на вѣроломство и гнусный поступокъ Графа Ольгина, я не могла принудить себя забыть его. Многимъ покажется непонятно, что горесть моя усилилась, когда я узнала о несчастномъ его супружествѣ. Всѣ говорили о дурной нравственности, вѣтренности и капризахъ Графини Ольгиной. Чувство любви къ измѣнику пылось въ моемъ

сердцѣ; я приняла участіе въ немъ, противъ воли.

«Батюшка и, особенно, матушка, очень желали, чтобы я вышла за-мужъ. Сватовство Графа Ольгина было негласно, и ни сколько не могло повредить моей *репутаціи*. Но чувство привязанности къ Графу не изглаживалось изъ моего сердца, и ни о комъ другомъ я не могла помышлять. Родители мои не дѣлали мнѣ никакого принужденія.

«Вскорѣ послѣ этого происшествія, матушка скончалась. Отецъ мой, огорченный ея смертію, находилъ все утѣшеніе во мнѣ. Онъ не только одобрялъ мое намѣреніе, но даже былъ радъ, что я рѣшилась оставаться вѣкъ въ дѣвкахъ. Я приняла на себя все хозяйство, старалась по возможности усладить горесть его, и успокоивать остатки дней его. На рукахъ моихъ окончилъ онъ жизнь свою, благословляя меня, и поручая въ милость Божію. Между тѣмъ Графъ Ольгинъ былъ жестоко наказанъ.

Нѣсколько лѣтъ провелъ онъ въ ссорахъ и безпрестанныхъ непріятностяхъ съ женою. Случайно встрѣтилась она съ тѣмъ, въ кого прежде была влюблена. Слѣдствія этой встрѣчи были тѣ, какихъ должно было ожидать отъ женщины дурной нравственности: она возобновила прежнюю связь съ любовникомъ. Дуэль съ соперникомъ и разводъ съ женою довершили бѣдствіе Графа Ольгина.

«Года два спустя послѣ того, какъ дошли до меня слухи объ этомъ, получила я письмо. Почеркъ былъ мнѣ извѣстенъ, и не изгладился изъ моей памяти. Графъ Ольгинъ, приближаясь, какъ онъ писалъ мнѣ, къ концу жизни, заклиналъ меня именемъ Божіимъ увидѣться съ нимъ. Я не могла отказаться отъ свиданія, тѣмъ болѣе, что въ письмѣ своемъ объяснялъ онъ мнѣ, что всю надежду свою полагаетъ на мое великодушіе, и ничего болѣе не имѣетъ въ виду, кромѣ просьбы ко мнѣ, какъ къ Христіанкѣ — не

оставить покровительствомъ моимъ бѣдной сироты, дочери его. Я увидѣла Графа, блѣднаго, худаго, изнеможеннаго болѣзнію, почти умирающаго— одну тѣнь прежняго Графа Ольгина! Какая разница противъ того, когда мы въ первый разъ съ нимъ разстались! Онъ былъ тогда въ цвѣтѣ молодости, прекрасный собою, влюбленный, съ полнымъ увѣреніемъ въ предстоявшемъ ему счастіи. Разлука наша должна была продолжаться только нѣсколько дней... . Мы оба такъ перемѣнились, что насъ не льзя было узнать. Никогда незабуду я тягостнѣйшей сцены свиданія нашего! Графъ держалъ на рукахъ трехъ-лѣтнюю дочь свою, которая улыбалась, какъ Ангелъ, и протягивала ко мнѣ ручонки свои....это теперешняя Княгиня Ольгина! Отецъ ея просилъ меня принять сироту подъ мое покровительство, и быть ей вмѣсто матери. Я съ восторгомъ взяла на себя эту обязанность. Батюшка былъ еще въ то

время живъ, и одобрилъ мое намѣреніе. Черезъ нѣсколько дней потомъ услышала я, что Графъ Ольгинъ — окончилъ жизнь....Къ счастію, что смерть прекратила бѣдственное его существованіе. Какая жизнь, сколько горестей предстояли-бы ему, ежели-бы онъ остался живъ! За всѣмъ тѣмъ, смерть его поразила меня... Признаюсь, что воспоминаніе объ немъ до сихъ поръ еще мнѣ тягостно.

«Графъ Ольгинъ имѣлъ состояніе небольшое, и притомъ разстроенное. Бывшая жена его вышла за-мужъ за соблазнителя своего, и покинула дочь свою, бѣдную мою Машу, безъ всякаго вниманія. Графъ Ольгинъ, отдавая мнѣ ее, вручилъ нѣсколько десятковъ тысячъ, оставшихся отъ всего имѣнія, которое онъ успѣлъ продать при жизни своей. Я положила этотъ капиталъ на имя Маши, для приращенія въ Опекунскій Совѣтъ, не касалась до него, воспитывала и содержала ее на свой счетъ,

какъ родную дочь. Батюшка былъ на все согласенъ, и при смерти не забылъ ее въ своей духовной. Собственный ея капиталъ, увеличившійся въ продолженіе времени, также и состояніе, завѣщанное покойнымъ отцомъ моимъ, обеспечивали ее на всю жизнь. Пятнадцать лѣтъ прожила она со мною, утѣшала меня и составляла все мое счастіе.

« Въ это время увидѣла она въ первый разъ хитраго, искуснаго лицемѣра—Князя Фольгина. Ежели ты сама, бывши къ нему совершенно равнодушною, могла ошибиться, и почитала его добрымъ и прекраснымъ человѣкомъ, то можно себѣ вообразить, какое сильное впечатлѣніе сдѣлалъ онъ на сердце восмнадцатилѣтней дѣвушки! Онъ и меня обольстилъ наружностію своею, хотя довольно дорого заплатила я за горькую мою опытность....

« Удивляться не чему, что онъ завлекъ невинную, неопытную дѣвушку. Всѣмъ казалось тогда, что Маша моя

составляетъ *прекрасную партію*. Притомъ-же, въ это время только что получилъ онъ большое состояніе, въ наслѣдство послѣ отца, и вообще имѣлъ очень хорошую *репутацію*. Ты сама видѣла любезность его, веселый характеръ, остроуміе, и повѣришь, что Маша страстно любила его. Но — не долго носилъ онъ маску передъ нею! Вскорѣ мотовство его, роскошь, распутство — открыли глаза несчастной его женѣ. Маша — такъ привыкла я до сихъ поръ называть ее — никому не жалуется, сноситъ съ истинно Христіанскою твердостію бѣдствіе свое. Даже и мнѣ никогда и ничего не говоритъ она, но я привыкла съ дѣтства замѣчать по лицу ея чувства. Къ счастію, во время еще успѣла я предупредить ее, чтобы она сохранила капиталъ свой для дѣтей, и отнюдь не брала-бы егоизъ Опекунскаго Совѣта. Это обуздываетъ и удерживаетъ мужа ея отъ дальнѣйшихъ оскорбленій. Онъ промо-

шалъ почти все свое имѣніе, и предвидитъ, что скоро долженъ будешъ прибѣгнуть къ великодушію жены своей.

«Вотъ вся моя исторія. Она не длинна, но утомительна, и, кажется, что разсказъ мой намъ обѣимъ былъ тяготенъ.»

Въ продолженіе сего разговора, совсѣмъ не замѣтивъ, пріѣхали онѣ въ Москву. Въ домѣ нашли онѣ тотъ-же порядокъ и то-же спокойствіе, какіе были прежде.

Отдавая все преимущество жизни свободной и независимой, Софья утвердилась въ намѣреніи своемъ—не выходить никогда за-мужъ, и не предоставлять судьбы своей во власть какого нибудь своевольнаго и несправедливаго тирана. Такъ думала она тогда о всѣхъ мужчинахъ.

Вечеръ провели Свіяжская и Софья очень пріятно, вдвоемъ. Чтобы откло-

нишь влечанлѣніе, оставшееся отъ разговора дорогою, бесѣдовали онѣ о предстоявшемъ для нихъ путешествіи къ Аглаевымъ, располагали когда выѣхать, воображали, съ какимъ удовольствіемъ будутъ приняты, и какъ пріятно проведутъ время у Аглаевыхъ.

ГЛАВА X.

«Одинъ тотъ, кто способенъ на-
«слаждаться семейственною жиз-
«нію, есть прямо добрый, и, слѣ-
«довательно, прямо счастливый че-
«ловѣкъ. . . »

Жуковскій.

Черезъ нѣсколько дней по возвращеніи отъ Князя Фольгина, Свіяжская и Софья выѣхали изъ Москвы. Свіяжская всегда имѣла обыкновеніе, выѣзжая изъ Москвы и возвращаясь въ Москву, посѣщать могилы родителей своихъ. Въ Донскомъ монастырѣ отслужила она пан-

нихиду, и прямо оттуда отправилась въ путь. Свіяжская просила Софью заѣхать съ нею, на нѣсколько дней, въ ея подмосковную; это было по дорогѣ, и никакого крюку чрезъ то онѣ не дѣлали.

Панихида на гробѣ родителей возбудила горестныя воспоминанія въ Свіяжской; она поплакала, но вскорѣ отерла слезы, и съ чувствомъ сказала: «Дай Богъ всякому такъ умереть, чтобы по прошествіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ вспоминали о немъ со слезами!».. Это было поводомъ къ разговору о родителяхъ Свіяжской. Она разсказала, что ея родители, проживъ слишкомъ тридцать лѣтъ вмѣстѣ, не имѣли никогда ни малѣйшаго неудовольствія между собою. «Пріятно было смотрѣть на старичковъ» — продолжала она. — «Взаимная любовь и привязанность ихъ не ослабѣвали. Съ душевнымъ умиленіемъ видѣла я, какъ они старались угождать другъ другу. Батюшка былъ довольно горячаго

характера, но матушка умѣла укрощать и успокоивать его. Все хозяйство лежало на ней; невозможно, чтобы въ домѣ иногда не было какой нибудь непріятности отъ людей; но она умѣла все улаживать, не допускала до его свѣдѣнія, и ничѣмъ его не превожила. Все у нея было въ порядкѣ, напередъ обдумано и приспособлено, и никогда не бывало слышно никакого ворчанья на людей, жалобъ на хлопоты и неудовольствія отъ нихъ, что такъ часто слышимъ мы отъ другихъ хозяекъ. Она была не кропотлива, хотя взыскательна, и даже строга, только справедливо и безпристрастно; за то она заботилась о хорошемъ содержаніи домашнихъ, и люди не только боялись и уважали, но, можно сказать, боготворили ее. Самое большое наказаніе для служителя бывало то, ежели она отдаляла его изъ своего дома и отсылала въ деревню. И я до сихъ поръ слѣдую правиламъ матушки. Ты сама видѣла, что у меня въ домѣ, ка-

жется, все довольно въ порядкѣ, и на людей я жаловаться не могу.

«Съ величайшимъ вниманіемъ занималась она шѣмъ, чтобы все, что батюшкѣ нужно, и что онъ любилъ, было заблаговременно приготовлено. Въ полной мѣрѣ была она заботливымъ другомъ, доброю женою и помощницею мужа своего. Батюшка все это чувствовалъ, и умѣлъ отдавать ей должную справедливость. Никогда не выйдетъ изъ памяти моей тотъ день, когда праздновали они *серебряную свадьбу* свою. Это было въ подмосковной, куда мы теперь ѣдемъ. На праздникъ приглашены были родные, и многіе изъ сосѣдей. Послѣ обѣдни, молебна, и угощенія всѣмъ дворовымъ и крестьянамъ, когда за нашимъ обѣдомъ стали пить за здоровье виновниковъ праздника, я, по данному мнѣ отъ батюшки знаку, встала изъ-за стола, и вмѣстѣ съ нимъ подошла къ доброй нашей старушкѣ. Батюшка, съ бокаломъ въ рукѣ, нѣжно поцѣловалъ ее,

и со слезами сказалъ ей: «Двадцать «пять лѣтъ дѣлала ты меня совершен- «но счастливымъ; да наградитъ тебя «самъ Богъ! Призываю милость и благо- «словеніе Его на тебя, истинный, вѣр- «ный другъ мой! Тебѣ не страшно пред- «стать передъ престоломъ Божіимъ: ты «исполнила опредѣленіе твое на земли; «ты была доброю, примѣрною женою и «матерью. Объ одномъ только прошу «Бога, чтобы дочь наша была похожа «на тебя!» — «Можешь вообразить» — продолжала Свіяжская—«какъ была про- нуша матушка. Со слезами бросилась я цѣловать ея руки; она попеременно об- нимала, то меня, то батюшку, и отъ слезъ могла сказать только: «Другъ «мой, друзья мои, истинные мои друзья, «сокровище, счастіе мое на землѣ! чѣмъ «и какъ мнѣ благодарить Бога за ми- «лость Его!» Всѣ гости, и даже слу- жители, находившіеся при столѣ, были тронуты и плакали. Батюшка прекра- тилъ эту сцену, махнувши платкомъ.

Тайно приготовленные имъ музыканты заиграли, по старинному обычаю, *тушъ*; трубы и литавры загремѣли, и вдругъ кругомъ дома раздалось радостное: *Ура! Ура!* Этотъ сюрпризъ сдѣлалъ батюшкѣ старый его каммердинеръ, которому поручилъ онъ приготовить музыкантовъ, приведя ихъ во время обѣда, такъ, чтобы матушка не видала. Старикъ сказалъ потихоньку нѣкоторымъ изъ дворовыхъ, чтобы они стояли у окопъ подлѣ дома, и въ то время, когда музыканты заиграютъ, закричали: *Ура!* Но Старостпа, узнавъ объ этомъ отъ дворовыхъ, объявилъ крестьянамъ, и всѣ, отъ мала до велика, собрались, и мужики и бабы. Подлинно, они сдѣлали намъ настоящій *сюрпризъ:* такъ всѣ закричали, что затряслись окна, и мы вздрогнули отъ такой нечаянности! Окончился праздникъ, какъ обыкновенно—прибавила Свіяжская.—Батюшка открылъ балъ съ матушкою, Польскимъ; потомъ вся молодежъ, въ томъ числѣ и

я была, усердно танцовали, былъ фейерверкъ и иллюминація. Все это помнишь нѣчего; но сцены за обѣдомъ я въ вѣкъ не забуду!»

Въ подмосковную Свіяжской пріѣхали довольно рано. Вездѣ видѣнъ былъ отличнѣйшій порядокъ. Деревня была поселена по плану, съ большими промежутками между строеній; повсюду замѣтно было изобиліе и устройство: гумны у крестьянъ, огороды, задніе дворы, все было обгорожено; избы, овины, клѣти, анбары покрыты; передъ каждымъ дворомъ находился палисадникъ, и посажены были деревья; проулки между дворами представляли вездѣ прекрасныя аллеи; среди выгона построенъ былъ большой, запасный, каменный магазинъ, крытый желѣзомъ, и этотъ магазинъ носилъ не пустое названіе, но всегда наполнялся мірскимъ, общественнымъ хлѣбомъ, и обеспечивалъ крестьянъ на случай неурожая. Подлѣ магазина стояло, подъ навѣсомъ, нѣсколько пожарныхъ трубъ и

инструментовъ. По берегу рѣчки построено было нѣсколько крестьянскихъ бань, и вырыты въ землѣ лѣтнія печи, для печенья хлѣбовъ и приготовленія кушанья, потому, что по заведенному еще при отцѣ Свіяжской порядку, на все лѣто въ избахъ печки были запечатаны. Устроенныя, въ замѣнъ ихъ, землянки, и сдѣланные надъ ними, на случай непастья, навѣсы, представляли возможность крестьянамъ не разводить огня по избамъ, что очень часто бываетъ причиною пожаровъ въ деревняхъ, особенно-же въ рабочее время, когда остаются дома иногда одни только ребятишки и слабыя старухи.

Господская усадьба, садъ, оранжереи, гумно, анбары — все было въ хорошемъ видѣ; домъ, и прочія строенія, были старинныя, и нѣсколько уже ветхи, но поддерживались въ превосходномъ порядкѣ. Софья, безъ всякой лести, хвалила подмосковную Свіяжской. «Говорятъ, что женское управленіе всегда бываетъ дурно»—ска-

зала она. — «Дай Богъ, чтобы у иного мужчины въ такомъ-же было устройствѣ, какъ здѣсь я вижу.» — Все заведено покойнымъ батюшкою — отвѣчала Свіяжская. — Я ничего не перемѣнила, оставила того-же стараго управляющаго, и стараюсь только поддержать въ прежнемъ видѣ, какъ было при батюшкѣ. Я знаю, что ему сначала было очень трудно привесть все въ устройство; наши мужички не охотники до порядка, но за то послѣ, когда они привыкли, то, не только были ему благодарны, но чрезвычайно полюбили его устройство. Похороны отца моего останутся для меня на вѣкъ незабвенны! Онъ скончался зимою, въ Москвѣ. Въ день погребенія его собрались къ намъ на дворъ всѣ крестьяне, отсюда и изъ другихъ деревень нашихъ, находящихся не въ далекомъ разстояніи отъ Москвы. Всѣ просили позволенія проститься съ добрымъ ихъ помѣщикомъ. Слезы—и точно неличемѣрныя, потому, что нѣтъ нужды

лъстить мертвымъ—проливали крестьяне на гробѣ его; они взялись нести его на рукахъ своихъ въ церковь, и потомъ до могилы. Домъ нашъ былъ въ Басманной; оттуда, какъ ты сама знаешь, не близко до Донскаго монастыря. Все это далекое пространство несли они гробъ отца моего на рукахъ, перемѣняясь между собою поочередно.»

Свіяжская провела дней пять въ своей подмосковной; ѣздила осматривать лѣса и пашни; раза по два въ день бывала въ больницѣ, которую содержала она на свой счетъ, для больныхъ крестьянъ, своихъ и чужихъ. Потомъ, въ день рожденія своего, послѣ обѣдни, сдѣлала она угощеніе, по всегдашнему обычаю, дворовымъ и крестьянамъ. Пироги, щи, а болѣе всего вино и пиво, подносимыя мужикамъ, ленты, перстеньки и куски разныхъ матерій, розданныя бабамъ, орѣхи и пряники, данные ребятишкамъ — распространили общее веселіе въ этомъ шумномъ обществѣ. На ша-

кихъ пиршествахъ открываются истинныя, нелицемѣрныя чувства привязанности крестьянъ къ помѣщикамъ. Бабы величали барыню и плясали; старики изъяснялись въ любви своей. «Ты наша матушь,» кричали ей, «да и весь родъ вашъ таковъ; и покойный батюшка-то твой — что это былъ за человѣкъ!»

На другой день послѣ сего угощенія отправились въ Пріютово, къ Аглаевымъ. Погода была прекрасная, дорога просохла, и путешественницы благополучно совершили путь свой. Съ послѣдняго ночлега встали онѣ нарочно пораньше, и застали Аглаевыхъ за завтракомъ. Проѣзжая мимо сада, увидѣли хозяевъ въ бесѣдкѣ, за самоваромъ. Катерина наливала чай; подлѣ нея сидѣла матушь, и мужъ, куривши трубку. Болонская собачка Холмской первая замѣтила карету, залаяла, и обратила вниманіе всѣхъ. Софья и Свіяжская видѣли, что Аглаевъ, бросивъ трубку, побѣжалъ къ нимъ на встрѣчу. Катерина, на сносяхъ

беременная, бѣжать не могла, но, переваливаясь со стороны на сторону, также спѣшила идти изъ саду къ нимъ. Холмская, оставивъ чулокъ свой, и уговаривая Катерину не бѣжать и не спѣшить, сама перегоняла ее.

Свиданіе сестеръ было трогательно: обнявшись, цѣловали онѣ другъ друга нѣсколько минутъ. Катеринѣ, по ея положенію, такая радость была даже вредна, и ей сдѣлалось дурно. Мужъ тотчасъ побѣжалъ за Гофманскими каплями и свѣжею водою. Дурнота скоро прошла, и Катерина опять бросилась цѣловать Софью. Обѣ онѣ плакали, спрашивали другъ друга, и, не дожидаясь отвѣта, перебивали другимъ вопросомъ. Мать ихъ и Свіяжская не могли быть равнодушными при такой сценѣ. Наконецъ мать, отирая слезы, сказала: «Помилуй, Софья—да подойди-же ты ко мнѣ — ты меня совсѣмъ даже не примѣтила.»— Ахъ, матушка! не уже-ли я въ самомъ дѣлѣ къ вамъ не подходила? — вскрича-

ла Софья, и бросилась цѣловать ея руки. По немногу всѣ успокоились, и начался обыкновенный разговоръ. «Какъ ты перемѣнился и потолстѣлъ!» — сказала Софья Аглаеву. — «Какой свѣжій цвѣтъ лица! Теперь иные, въ самомъ дѣлѣ, найдутъ тебя даже красавцемъ.» — Какъ: *иные?*—возразила его жена — и *теперь?* — Онъ всегда былъ красавцемъ, хотя *нѣкоторыя*, дерзкія, осмѣливались спорить со мною, что онъ не такъ хорошъ лицомъ.

«Я тебѣ тоже скажу, любезная сестра»—отвѣчалъ Аглаевъ—«что ты также очень перемѣнилась, въ свою пользу. Впрочемъ, я никогда даже не дерзалъ ни съ кѣмъ спорить, чтобы ты не была красавица.»

— Видишь-ли?–продолжала Катерина. – Хотя мы живемъ и въ деревнѣ, но умѣемъ говорить комплименты. Однакожъ, мы заговорились; самоваръ нашъ еще не погасъ, и вамъ вѣрно съ дороги хочется чаю; пойдемте въ бесѣдку. — Маль-

чикъ!—продолжала она.—Принеси поскорѣе свѣжихъ, густыхъ сливокъ. Это любитъ Софья, а для васъ, тетушка, давно приготовлены у меня любимые ваши крендели и сухарики. Да, вели позвать повара: такихъ милыхъ гостей надобно хорошенько угостить. Къ счастію, у насъ поспѣлъ зеленый горохъ: вы, тетушка, до него охотница. Я думаю, мой дружочикъ — прибавила она, обращаясь къ мужу — у насъ есть въ парникѣ свѣжіе огурцы? Пожалуста, прикажи принесть къ салату.

Густыя, свѣжія сливки для Софьи, и сухарики для Свіяжской тотчасъ явились. «Я нигдѣ вкуснѣе твоихъ сухариковъ не ѣдала»—сказала Свіяжская.—«Благодарна тебѣ, милая Катинька, что ты вспомнила обо мнѣ. Ты все также мила и заботлива, какъ была прежде, и вниманіе твое очень пріятно. Многимъ покажется это бездѣлицею, но въ общежитіи, и въ кругу семейства, этѣ без-

дѣлицы гораздо важнѣе, нежели объ нихъ думаютъ. »

— Во всемъ этомъ должно брать примѣръ съ васъ, тетушка—сказалъ Аглаевъ.—Въ нѣжности и вниманіи вѣрно никто васъ не превзойдетъ. — Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, продолжалъ онъ, обращаясь къ Софьѣ: Скоро-ли мы увидимъ Г-на Чадскаго, или какого нибудь другаго несчастнаго, котораго ты мучишь своею жестокостію? —

« Не знаю, а думаю, что и всѣ *прочіе* пріѣдутъ сюда въ одно время съ Чадскимъ» —отвѣчала Софья, съ усмѣшкою.— «Отъ кого слышалъ ты этотъ вздоръ? »

— Какъ: отъ кого? Всѣ говорятъ, что Чадскій бывалъ у васъ всякій день, что ты, въ подмосковной у Князя Фольгина, играла съ нимъ на театрѣ, краснѣла и была прелестна, какъ Ангелъ, когда онъ подходилъ и говорилъ съ тобою!

« Въ самомъ дѣлѣ ты это слышалъ? Не уже-ли ты вѣришь этимъ вздорнымъ слухамъ? » сказала Софья, засмѣявшись.

— Очень вѣрю, и надѣюсь, что меня не обманули.

« Не отвѣчай ему ни слова» — сказала ей сестра. — « Открой мнѣ, *по секрету*, какъ все дѣло было. »

— Она хорошо вздумала—продолжалъ Аглаевъ.—Я все узнаю, а ты не будешь краснѣть, разсказывая мнѣ о своихъ подвигахъ.

« Краснѣть мнѣ не отъ чего»—возразила Софья.—«Я могу говорить при всѣхъ, что отъ роду никогда не играла на театрѣ съ Чадскимъ, и что я чрезвычайно равнодушна къ нему. »

— Ты не шутишь, сестра ? — сказалъ Аглаевъ, съ большимъ удивленіемъ.

« Совсѣмъ не шучу, а говорю настоящую правду. Но самъ ты разскажи мнѣ: отъ кого ты все это слышалъ? »

— Я видѣлъ одного пріѣзжаго изъ Москвы, у Князя Бориса Матвѣевича, въ Никольскомъ, и онъ разсказывалъ. Теперь я вижу, что мнимая привязанность твоя лишила тебя обожателя, гораздо

лучше и интереснѣе Чадскаго. Пронскій, какъ замѣтно было, говорилъ объ этомъ съ горестію, и даже съ отчаяніемъ.

« Пронскій? Это родной братъ Свѣтланиной? Мнѣ кажется, что я разъ, или два, видѣла его у тетушки въ домѣ. Совсѣмъ даже не помню я его въ лицо. Въ подмосковной у Князя Фольгина его не было. »

—Ты вѣрно-бы замѣтила, и не забыла его лица — сказала Свіяжская —если-бы вниманіе твое не обращено было тогда на Чадскаго. Пронскій не дуренъ собою, и точно добрый, прекрасный человѣкъ. Теперь объясняется мнѣ причина, отъ чего вдругъ пересталъ онъ ѣздить ко мнѣ, и скрылся изъ Москвы.

« Пронскій, прямо изъ Москвы, пріѣхалъ въ свою деревню, по близости Никольскаго. Онъ очень удивился, встрѣтившись тамъ съ твоею родною сестрою, и двумя зятьями. Я нечаянно сдѣлался наперсникомъ, или повѣреннымъ

сго. Если ты хочешь—я могу открыть тебѣ всѣ его тайны.»

Совсѣмъ я не любопытна знать ихъ— отвѣчала Софья. — И ты, Катинька, была также у сестры въ Никольскомъ? —

Въ это время, Холмская и Свіяжская ушли изъ бесѣдки въ комнату, имѣя много кос-чего переговорить между собою, наединѣ.

«Нѣтъ, я не была, и, признаюсь тебѣ — по письмамъ ея, и потому, что разсказывалъ мой Петруша, никакой охоты не имѣю ѣхать туда. Сестрица наша очень проказничаетъ, и, думаю, послѣ будетъ сама жалѣть и раскаяваться. Безпрестанныя ссоры и непріятности ея съ мужемъ должны дурно кончиться. Вообрази себѣ только одно то, что она уже два раза сряду, отъ неосторожности и невниманія своего, выкинула! Вообще, все она дѣлаетъ на перекоръ мужу своему, вошла въ тѣсную дружбу съ сосѣдями своими Арбатовыми, съ которыми онъ имѣетъ тяжбу,

и которыхъ ненавидитъ. Я писала къ ней нѣсколько разъ, но она не уважила не только моими, но и маменькиными совѣтами.»

— И такъ, маменька наконецъ рѣшилась съѣздить въ это Никольское? — спросила Софья.

«Она была тамъ, вмѣстѣ съ моимъ мужемъ, но возвратилась въ такомъ огорченіи, и съ такимъ негодованіемъ на Лизу и Князя, что вѣрно впередъ никогда къ нимъ не поѣдетъ. Скупость Князя, вздорливый характеръ, ябедничество, и вообще глупость его, такъ возспановили противъ него маменьку, что она въ душѣ своей, какъ мнѣ кажется, извиняетъ Елисавету, хотя не столько ей, но и мнѣ ни слова не говоритъ объ этомъ. Очень досадно, что братъ Алексѣй, который и безъ того порядочный эгоистъ, вошелъ въ короткую связь съ Княземъ Борисомъ Матвѣевичемъ, и беретъ его во всемъ себѣ въ примѣръ.

Аглаевъ подтвердилъ, что говорила жена его. Софья очень огорчилась этимъ извѣстіемъ. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Послѣ того пошла она въ домъ, перемѣнить дорожное свое платье.

Всѣ собрались къ обѣду. Столъ былъ не великолѣпный, и ничего необыкновеннаго не подавали, но всѣ кушанья были вкусны, и приготовлены изъ лучшей и свѣжей провизіи. Соусъ съ зеленымъ горохомъ всѣмъ понравился. Домашнія наливки, сдѣланныя милою хозяйкою, заслужили общее одобреніе.

Послѣ обѣда, обѣ старушки пошли отдыхать. Аглаевъ, посидѣвъ немного, отправился также куда-то по своему хозяйству; сестры остались вдвоемъ; Катерина разсказывала, какъ милъ и внимателенъ мужъ ея. « Онъ всегда таковъ, какъ ты видѣла его сегодня утромъ » — продолжала она. — « Съ нѣкъ поръ, какъ мнѣ стало тяжело, и я почти не могу ходить, онъ безпрестанно

дома, читаетъ, играетъ на фортепіано, ищетъ всѣхъ возможныхъ средствъ, чтобы угодить мнѣ.»—Съ радостію слушала ее Софья.

Служанка, по приказанію Катерины, пришла доложить, что Свіяжская проснулась. «Пойдемъ къ ним, » сказала она. « Маменька хошѣла непремѣнно, чтобы тетушка жила съ нею въ одной комнатѣ; онѣ теперь вмѣстѣ, и я отнесу къ нимъ вишни изъ нашей оранжереи, только что поспѣвшія; я берегла для вашего пріѣзда. Тетушка любитъ ихъ, и послѣ сна онѣ ее освѣжатъ.« Свіяжская точно любила вишни, и по раннему времени это была еще рѣдкость. Она благодарила Катерину за вниманіе.

Разговоръ обратился опять на тотъ-же предметъ, который порадовалъ Софью. Катерина повторяла, что она совершенно счастлива, и превозносила похвалами своего мужа. « Это настоящій Ангелъ!» прибавила она. « Не только ни-

какой ссоры и непріятности между нами не бывало, но мы даже ни разу не спорили съ нимъ, да и не за что! Лишь только я пожелаю чего нибудь, тотчасъ все исполнено. Хозяйство наше идетъ прекрасно, и въ такомъ отличномъ порядкѣ, что я сама удивляюсь, какъ умѣетъ Петруша мой такъ все устроить, что мы, съ небольшимъ нашимъ состояніемъ, живемъ, можно сказать, изобильно. Онъ точно мастеръ своего дѣла.» Софья удивлялась необыкновеннымъ способностямъ Аглаева; но Свіяжская не совсѣмъ раздѣляла ея восхищеніе, вздохнула, и ничего не отвѣчала.

Къ чаю собрались опять всѣ въ бесѣдку, въ садъ. Время до ужина провели очень пріятно, и совсѣмъ не замѣтили, что уже поздно. Наконецъ, въ 11-мъ часу увидѣли, что Катерина уснала, и разошлись спать. Вездѣ и во всемъ видны были заботливость и вниманіе хозяйки. Софья нашла приготов-

ленную для нея, въ мезонинѣ, комнату прелестною; фортепіано ея были привезены изъ Надежина. Катерина знала, что Софья не любитъ спать на пуховикѣ, и велѣла послать тюфякъ; на окнахъ повѣсила она гардины; даже большія креслы, къ которымъ Софья привыкла дома, поставлены были подлѣ балкона, точно такъ, какъ стояли они въ ея комнатѣ въ Надежинѣ. Все доказывало, что сестра заботилась сдѣлать Софьѣ удовольствіе, и напередъ приготовила все, что ей нравится. Такое нѣжное вниманіе тронуло Софью. Разсказы Катерины объ ея мужѣ, порядокъ, видѣнный ею повсюду, спокойствіе, счастливый образъ жизни Аглаевыхъ — все это нѣсколько поколебало *твердое* намѣреніе ея оставаться вѣкъ въ дѣвкахъ. Разговоръ о Пронскомъ какъ-то пришелъ ей на память, и она, стараясь вспомнить черты лица его, заснула крѣпкимъ и спокойнымъ сномъ.

ГЛАВА XI.

« Il y a un lieu sur la terre, où les
« passions tristes n'ont jamais d'empire,
« où le plaisir et l'innocence habitent
« toujours ensemble : c'est la maison de
« deux époux, qui s'aiment. »

St. Lambert.

« Есть мѣсто на землѣ, гдѣ пе-
« чальныя страсти никогда не имѣ-
« ютъ никакого владычества, гдѣ
« удовольствіе и невинность обита-
« ютъ всегда вмѣстѣ: это домъ
« супруговъ, любящихъ другъ друга. »

С. Ламбертъ.

На другой день разсматривали подарки, привезенные Свіяжскою и Софьею изъ Москвы. Какъ ребенокъ обрадовался

Аглаевъ прекрасной удочкѣ, купленной Софьею въ Англійскомъ магазинѣ, въ подарокъ ему. Онъ тотчасъ побѣжалъ пробовать ее, и обѣщался наловить множество рыбы къ обѣду. Катерина съ удовольствіемъ разсматривала самый тонкій батистъ и лучшія кружева, представленные ей въ подарокъ, въ разныхъ видахъ—въ бѣльѣ, платьѣ и чепчикахъ, собственно для нея, и для будущаго ея ребенка.

«Теперь не осмѣлюсь показать, что я сама приготовила,» сказала она матери. «Смотрѣть не льзя послѣ этѣхъ прелестей!»

— Твое собственное рукодѣлье, конечно, не такъ хорошо, какъ это—отвѣчала Холмская — но оно имѣетъ большую цѣну въ глазахъ друзей твоихъ: служитъ доказательствомъ, что ты занималась именно своимъ дѣломъ, и трудами своими сберегла деньги. —

Катерина не мастерица была танцовать, не съ большимъ искусствомъ игра-

ла на фортепіано и на арфѣ; но никто лучше ея не умѣлъ управлять домашнимъ хозяйствомъ, и во всѣхъ женскихъ рукодѣльяхъ была она отличная искусница.

Софья провóдила время въ Пріюшовѣ чрезвычайно весело. Московская жизнь и городская духота ей надоѣли; съ удовольствіемъ дышала она свѣжимъ, деревенскимъ воздухомъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда, въ самую полночь, Софья услышала ходьбу и смятеніе въ домѣ. Катерина во весь день чувствовала себя не очень хорошо. Софья вспомнила, что Аглаевъ не садился ужинать, былъ безпокоенъ, и что крытые дрожки его, тройкою, куда-то поскакали. Сообразивъ все это, Софья догадалась, отъ чего происходитъ смятеніе въ домѣ; сердце у нея чрезвычайно билось; кое-какъ одѣлась она и поспѣшила внизъ. Лампы вездѣ горѣли; слуги всѣ сидѣли въ передней; женщины суетились и бѣгали изъ дома въ

кухню, и оттуда назадъ. Матьсвоювстрѣтила Софья блѣдную и съ разстроеннымъ лицомъ. Она шла изъ спальни Катерины, скорыми шагами, прямо въ переднюю, и велѣла, первому попавшемуся ей человѣку, тотчасъ ѣхать верхомъ къ Священнику, и попросить, чтобы онъ отворилъ въ церкви Царскія Врата. «Что, маменька?» спросила у нея робкимъ голосомъ Софья.—Ничего, ничего, мой другъ! ложись спать.—«Я знаю и догадываюсь, что Катинька мучится; но скажите: здѣсь-ли бабушка, и какъ она себя чувствуетъ?»—Бабушка здѣсь, и все идетъ, слава Богу, хорошо; не безпокойся, и ложись спать. — Съ сими словами возвратилась Холмская въ спальню къ родильницѣ. Легко было сказать: *не безпокойся и ложись спать*—но не легко было для Софьи исполнить. На цыпочкахъ подкралась она къ двери спальни. Стоны родильницы, рыданіе ея мужа, увѣщанія матери, чтобы онъ не плакалъ, или вышелъ-бы вонъ, ежели не можетъ удер-

жаться, полурусскій разговоръ бабушки Нѣмки, которая очень равнодушно говорила: *Дербенье, судариня, дербенье!* ... все это такъ сильно поразило Софью, что она наслу могла устоять на ногахъ, бросилась, въ маленькомъ кабинетѣ Катерины, на колѣни передъ Образомъ, и со слезами молилась Богу. Молитва подкрѣпила ее; но оставаться далѣе по близости чувствовала она себя не въ силахъ, и вышла въ гостиную, гдѣ Свіяжская сидѣла съ старикомъ, Уѣзднымъ Докторомъ. «Что, тетушка,» спросила она по Французски, «что говоритъ Докторъ?»—Ничего — отвѣчала Свіяжская.—Его не призывали туда; видно, благодаря Бога, нѣтъ нужды.—Это нѣсколько успокоило Софью. Сама Свіяжская была также въ большомъ волненіи, но принуждала себя, и разговаривала съ Докторомъ о посторонникъ предметахъ.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ были испуганы старою Холмскою. Какъ сумасшедшая, пробѣжала она мимо, черезъ

гостиную въ залу. «Человѣкъ, человѣкъ!— закричала она—«скачи поскорѣе, и проси сюда Священника!» Съ сими словами старушка упала безъ чувствъ на полъ. Всѣ бросились къ ней. Докторъ давалъ ей нюхать спирпъ, и теръ виски; испугъ придалъ Софьѣ новыя силы: она держала мать на рукахъ. Докторъ скоро привелъ ее въ чувство. «Что такое случилось?» спросила растревоженная Свіяжская. — Слава Богу! Слава Богу! она родила счастливо!—отвѣчала Холмская. «Зачѣмъ-же ты насъ такъ испугала?» — Я дала обѣщаніе: отслужить, тотчасъ, какъ она родитъ, благодарственный молебенъ, и за нѣмъ послала поскорѣе просить Священника.—Вскорѣ послѣ сего выбѣжалъ Аглаевъ; онъ былъ радъ, можно сказать, до безумія, плакалъ, цѣловалъ всѣхъ, кто ему ни попадался, даже и Доктора обнималъ съ нѣжностію. «Слава Богу! все кончилось благополучно! Пожалуйте, Адамъ Францовичъ»—сказалъ онъ Доктору — «пожа-

луйше къ моей женѣ — бабушка занята ребенкомъ. Да поскорѣе надобно послать за Священникомъ, чтобы взять молитву, и Катинькѣ успокоиться.» Софья, внѣ себя отъ радости, цѣловала Аглаева; наконецъ, опомнившись, спросила у него: «Скажи, по крайней мѣрѣ, что вамъ Богъ далъ?»—Дочь, и, какъ двѣ капли воды, похожа на тебя! Катинька, еще мучась, просила меня, ежели родитъ она дочь, назвать ее Софьею.—«Можно-ли ее видѣть?» сказали вмѣстѣ Софья и Свіяжская.—Я думаю, можно: сей часъ спрошу у Доктора.—

Аглаева родила благополучно, и была только слаба. Докторъ позволилъ войдти къ ней на нѣсколько минутъ; но напоминалъ, чтобы какъ можно менѣе говорили съ нею. Всѣ вошли. Софья взяла ея руку, и со слезами цѣловала; другую руку держалъ мужъ ея, сполявшій на колѣняхъ передъ постелью; мать смотрѣла на нее съ радостнымъ лицомъ. Свіяжская тронута была до глубины души

сею картиною семейственнаго счастія. Катерина признавалась послѣ, что никогда не была она такъ благополучна, какъ въ это время. Боли никакой она не чувствовала; опасность ея миновалась, и она видѣла такое сердечное участіе людей ей любезныхъ. . . . Между тѣмъ пріѣхалъ Священникъ; молитва родильницѣ была прочтена, и къ свѣту въ домѣ все успокоилось.

Въ продолженіе беременности Катерины никакого внезапнаго испуга и непріятнаго приключенія съ нею не случилось. Она была осторожна, внимательна, не объѣдалась, дѣлала нужное движеніе; притомъ-же была она счастлива и успокоена со стороны мужа. Послѣ благополучныхъ родинъ, по молодости своей, она скоро оправилась.

Крестить приглашали Князя Рамирскаго съ Холмскою; но онъ извинился, отговариваясь невозможностью въ рабочее время отлучиться изъ дома, и просилъ окрестить его именемъ заочно.

Алексѣй Холмскій просилъ также, чтобы его извинили, по той причинѣ, что ему должно было отправляться въ Москву, гдѣ ему обѣщали такой родъ службы, въ которой-бы чины шли, по линіи, своимъ порядкомъ, а ему можно-бъ было жить въ деревнѣ. Старый дядя Аглаева отговорился невозможностію пріѣхать въ Пріютово, за болѣзнію. Свіяжская, желая доставить Софьѣ удовольствіе быть крестною матерью, отказалась, подъ какимъ-то ничтожнымъ предлогомъ. Такимъ образомъ, Холмская съ Софьею крестили маленькую Соничку, а крестныхъ отцевъ только именовали при крещеніи.

Въ продолженіе шести недѣль пріѣзжали къ Катеринѣ родные и сосѣди. Софья съ удовольствіемъ увидѣлась, и возобновила знакомство, съ прежними своими подругами. Она ко всѣмъ была привѣтлива и ласкова; но чтобы пріобрѣсть дружбу ея, требовалось чего нибудь побольше способности говорить. Она не

весьма уважала шѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя, кромѣ разговоровъ о нарядахъ, не имѣли ни одной идеи для дружеской и откровенной бесѣды. Нѣкоторымъ отдавала она преимущество противъ прочихъ, но ни одной изъ нихъ не было, съ которой бы отъ души могла она говорить. Софья избѣгала также открытія ихъ тайнъ, и развѣ только въ такомъ случаѣ соглашалась на довѣренность подруги, когда предвидѣла возможность быть ей полезною своими совѣтами.

Время текло въ Пріютовѣ въ томъ единообразномъ спокойствіи, которое многіе называютъ настоящимъ счастіемъ, и—врядъ-ли ошибаются! Аглаевъ былъ въ восторгѣ, имѣя право почитать себя отцомъ семейства. Холмская, по обыкновенію бабушекъ, была въ полной радости, имѣя внучку, которую считала она за восьмое чудо въ мірѣ. Здоровье молодой матери скоро совсѣмъ возстановилось. Видя участіе и любовь

къ себѣ всѣхъ ее окружавшихъ, Катерина находила, что слишкомъ вознаграждена за свое кратковременное страданіе. Шесть недѣль прошли для нея совсѣмъ незамѣтно.

Первый выѣздъ Катерины въ церковь, для взятія молитвы и пріобщенія дочери Святыхъ Таинъ, былъ чрезвычайно ей пріятенъ. Многіе сосѣди и *друзья* приглашены были обѣдать въ этотъ день. Всѣ желали видѣть *маленькаго Ангела*. Няня разсказывала уже объ его заслугахъ. Забавно было слышать, какъ всѣ хвалили красоту дѣвочки, находили, что она, какъ двѣ капли воды, похожа на мать, а другіе, напротивъ, утверждали разительное сходство съ отцемъ. Софья удивлялась сравненіямъ, столь противоположнымъ; но ежели-бы знала она, что большая часть восхищавшихся миленькимъ, *прелестнымъ ребенкомъ*, вряди взглянули даже на него столько, что могли увѣриться, одинъ, или точно два у него глаза!... Софьѣ неизвѣстно было

и то, что большая часть людей, пріѣзжавшихъ такъ сильно *радоваться*, и восхищавшихся, что нашли *милую и добрую* ихъ *Катерину Васильевну*, *слава Богу*, *здоровою*, были, можетъ быть, болѣе за тѣмъ, чтобы критиковать, насмѣхаться надъ нею, и злословить ее, когда потомъ соберутся въ другомъ домѣ!

« Замѣтили-ль вы, Ольга Петровна» — сказала Фіалкина Сундуковой«—одѣяльцо, обшитое прекраснымъ шнолемъ, и кружевной чепчикъ, на этомъ маленькомъ уродцѣ, дочери Аглаевой? Я увѣрена: все это куплено на Кузнецкомъ мосту, въ Москвѣ. Изъ какихъ доходовъ такія роскоши? Мужъ въ долгу, какъ въ шелку, а она изволитъ щеголять! »

— А замѣтила-ли ты на ней самой капотъ и чепчикъ? Какой прекрасной фасонъ и какія дорогія кружева!—отвѣчала Сундукова, обыкновеннымъ своимъ тономъ насмѣшки, смѣшанной съ досадою. — У меня, кажется, побольше со-

спокойніе, чѣмъ у нея, а никогда не было у меня, даже послѣ первыхъ моихъ родовъ, капота изъ такого тонкаго батиста! Пристало-ли бѣдной дворяночкѣ такъ мотать? —

«Надобно знать еще»—продолжала Фіалкина — «чѣмъ имъ за все это заплатить; да, и вообще, кажется мнѣ, большая глупость наряжать такъ роскошно дѣтей своихъ.»

— О нарядахъ ребенка ея говорить нѣчего: она сама мастерица на всякія рукодѣлья, и, можетъ быть, перешила и передѣлала изъ какого нибудь стараго своего платья. Но самой-то ей совсѣмъ неприлично носить такія дорогія вещи! Да, скажи: какъ тебѣ нравится меньшая сестра ея, Софья? —

«Кто? Софья!.. Мнѣ кажется.... Какъ вы сами объ ней думаете?»

— Она несносна, изволитъ чваниться, и воображаетъ о себѣ Богъ знаетъ что. Я всегда имѣла къ ней *антипатію*. Осо-

бенно-же теперь, побывавши въ Москвѣ, она даже смѣшна своимъ тономъ. —

« Я точно тоже думала » — отвѣчала добрая Фіалкина, которая согласилась-бы тотчасъ и тогда, когда-бы Сундукова говорила совсѣмъ противное о Софьѣ.— «Кажется»—продолжала она, томнымъ, сострадательнымъ голосомъ—«сестра ихъ, Княгиня Рамирская очень несчастлива, не смотря на все богатство и знатность ея? »

— Это правда—продолжала Сундукова, съ довольною улыбкою — она точно несчастлива. Я напередъ предсказывала, что характеръ ея несходенъ съ мужниным. Признаюсь тебѣ: я ихъ обоихъ терпѣть не могу. Не сказывай никому . . . А знаешь-ли? Онъ, послѣ отказа моей Глафирушки, точно какъ будто съ ума сошелъ, совсѣмъ потерялъ голову, былъ въ отчаяніи, самъ не зналъ что дѣлалъ, и съ досады и изъ мщенія предложилъ руку свою Холмской. Маша тотчасъ этимъ воспользовалась, хотя

Рамирскій послѣ того раскаявался, и хотѣлъ было отказаться; но ему показывали, будто ничего не замѣчаютъ, и спѣшили окончить сватьбу. Вотъ слѣдствія привязанности къ интересу. . . . Однакожъ, мужъ мой подходитъ . . . . Смотри, не проболтайся, о чемъ я тебѣ говорила. —

Катерина, ни сколько не подозрѣвая, что ее критикуютъ, насмѣхаются надъ нею, и такъ сильно злословятъ ее, и не имѣя повода упрекать себя въ роскоши и мотовствѣ, продолжала наряжать дочь свою, и сама носила платья и чепчики, подаренныя ей Свіяжскою. Она не находила также предосудительнымъ, съ визитами къ сосѣдямъ своимъ, ѣздить въ каретѣ, на хорошихъ, одношерстныхъ лошадяхъ Свіяжской. Никакъ не воображала она, что все это подастъ поводъ къ новому злословію и возбуждаетъ зависть. Хотя всѣ знали, что карета и лошади не ея, однакожъ говорили: «Къ чему такая роскошь и хвастовство? На

долго-ли станешь у нихъ имѣнія, ежели они долѣе будутъ такъ жить.» Если-бы Аглаевъ купилъ самъ, на свои деньги, такую-же карету и лошадей, то и тогда, кажется, не болѣе было-бы злыхъ замѣчаній на счетъ его. Вскорѣ все это дошло до свѣдѣнія Софьи, и произвело въ ней справедливое негодованіе и отвращеніе къ людямъ столь низкимъ и завистливымъ. Она сдѣлалась гораздо холоднѣе въ обращеніи съ ними, и чрезъ то пріобрѣла на счетъ свой мнѣніе, что она слишкомъ важничаетъ и гордится, сама не зная. чѣмъ.

«Въ какомъ свѣтѣ живемъ мы!» сказала Софья Свіяжской, сообщивъ ей нѣкоторыя злобныя насмѣшки на счетъ Катерины. «Можно-ли было ожидать такой зависти отъ мнимыхъ пріятельницъ ея!»— Точно-ли ты въ этомъ увѣрена? — отвѣчала Свіяжская.—Имѣешь-ли ясныя доказательства? Ты знаешь: не всякому слуху надобно вѣрить. — «Я сама слышала

эпу глупую, подлую Фіалкину, когда она бесѣдовала съ такою-же, подобною ей Хандриною: все это придворныя Сундуковой, и повторяютъ, что она говоритъ. Вотъ ихъ разговоръ: «Мы съ тобою, Варвара Филипповна» — сказала Фіалкина — «знаемъ, что можно прожить и не имѣя новомодной кареты.» — Да, и не выставляемъ себя на показъ, и не хвастаемся чужимъ экипажемъ! — отвѣчала Хандрина. — Все это говорили онѣ такъ, чтобы я могла слышать. Черезъ минуту прошла мимо ихъ Катинька; обѣ бросились цѣловаться съ нею, и съ участіемъ распрашивали ее о здоровьѣ *прелестнаго ея Ангела!* Катинька, не подозрѣвая, что онѣ только что перестали забавляться на ея счетъ, обошлась съ ними по-пріятельски, и благодарила за участіе. И ко мнѣ обратились было этѣ лицемѣрки, съ своими привѣтствіями, но я не могла преодолѣть себя, не отвѣчала имъ ни слова, и отошла отъ нихъ. За то имѣла я честь

слышать сужденіе ихъ, что я слишкомъ чванюсь, что я самое несносное створеніе, и что мнѣ вѣкъ не найдти жениха; словомъ: что я достойная воспитанница *этой Свіяжской!* Ежели-бы знали они, какой пріятный комплиментъ мнѣ сдѣлали!»

— Это еще тебѣ, видно, первый опытъ злости, лицемѣрства и *фальшивости* — отвѣчала Свіяжская, улыбаясь— онъ того-то такъ горячо и принимаешь ты его. Чѣмъ долѣе поживешь на свѣтѣ, тѣмъ болѣе будешь имѣть опытовъ, и ничему удивляться, ничѣмъ огорчаться не станешь.

« Что за удовольствіе злословить бѣдную Катиньку и меня! Мы имъ никакого оскорбленія не сдѣлали. Откуда происходитъ эта злость? Признаюсь: я никакъ не ожидала найдти въ деревнѣ столько низкихъ и фальшивыхъ людей! Я думала, что это свойственно только толпѣ праздныхъ и разсѣянныхъ людей, въ большихъ городахъ....

— Ты очень ошибалась. Зависть, лицемѣрство, злость, и вообще всѣ пороки, распространяются повсюду, а злословіе и болтовство ещѣ сильнѣе бываютъ въ маленькихъ городахъ и деревняхъ, нежели въ столицахъ, потому, что общество не такъ обширно, занятій и разсѣянія менѣе, а праздныхъ людей гораздо болѣе. Но не смотря ни на что, я хочу, чтобы Катерина ѣздила въ моей каретѣ, покамѣстъ пробуду я здѣсь, и это потому, что она еще не совсѣмъ оправилась. Что-же касается до тебя—ты разсудительна, и должна быть выше всего, не уважая пустословіемъ клеветниковъ. Въ томъ кругу, гдѣ назначено тебѣ прожить весь вѣкъ, ты будешь встрѣчать ихъ на каждомъ шагу. Надобно вооружиться терпѣніемъ, и показывать, что ничего не замѣчаешь. Обнаруживая негодованіе свое, ты подашь еще болѣе повода къ злословію. Станемъ смотрѣть на все, что дѣлается въ свѣтѣ, въ настоящемъ видѣ, и

любить людей, такъ, какъ они есть. Для собственнаго нашего спокойствія будемъ снисходительны къ слабостямъ и недостаткамъ тѣхъ, съ которыми обязаны мы провесть нашу жизнь. —

« Все это справедливо » — отвѣчала Софья » — « но я лучше желаю ни съ кѣмъ не быть знакомою, и ограничить всѣ связи тѣснымъ кругомъ моего семейства, нежели имѣть сношенія съ такими людьми, которые въ глаза говорятъ мнѣ вѣжливости, а заочно злословятъ и бранятъ меня. Весь вѣкъ свой не буду я знакома съ этою подлою Фіалкиною. Пускай называютъ меня гордою и чванною: буду радоваться, если станутъ такъ обо мнѣ думать. »

— Я никогда еще не видала тебя въ такомъ дурномъ нравѣ — сказала, усмѣхаясь, Свіяжская. — Видно очень разобидѣли тебя добрыя сосѣдки, Фіалкина и Хандрина, что ты такъ разгорячилась!

Но кончимъ нашъ разговоръ: насъ ждутъ пить чай. —

« Признаюсь: я точно разгорячилась»— отвѣчала Софья. « Но вы сами согласитесь, кажется, что я имѣю все право сердиться на нихъ. »

Глава XII.

« Во всемъ должно избѣгать край-
« ности: самыя благородныя дѣй-
« ствія, самыя позволительныя чув-
« ства, ежели они выходятъ изъ
« границъ, могутъ имѣть пагубныя
« слѣдствія. »

Фонъ-Визинъ.

Уже мѣсяца два прожила Свіяжская у Аглаевыхъ; нѣсколько разъ собиралась она уѣхать опять нихъ, но ее убѣждали остаться. И ей самой было у нихъ такъ хорошо и спокойно, что время проходило нечувствительно. Наконецъ, назначила Свіяжская рѣшительно день своего

отъѣзда. Она предлагала Софьѣ ѣхать съ нею въ Москву, гдѣ въ то время, по случаю пребыванія Императорской Фамиліи, были большія веселости; но Софья отказалась, и только благодарила ее за сіе предложеніе.

«Ежели ты хочешь» — сказала Свіяжская — «то я съ удовольствіемъ готова ѣхать для тебя въ Москву; но если желаешь лучше здѣсь остаться — Богъ съ тобой! Обо мнѣ не безпокойся; я буду въ моей подмосковной не одна: приглашу къ себѣ добрую нашу Кирбитову.»

— Если-бы мнѣ не хотѣлось пожить еще съ сестрою — отвѣчала Софья, цѣлуя руки Свіяжской — я лучше-бы поѣхала къ вамъ въ деревню, нежели въ Москву. Но вы сами слышали, какъ убѣдительно проситъ меня Капинька. Елисавета также обѣщала скоро быть сюда; мнѣ и съ нею хочется повидаться. Притомъ-же, признаюсь вамъ въ моей слабости: я такъ страстно полюбила кре-

спящу мою Соничку, что и съ ней разспаться мнѣ тяжело! Побывайте у себя въ подмосковной, и возвратитесь, милая тетушка, къ намъ опять — продолжала Софья. Вы увидите большую перемѣну въ этомъ ребенкѣ; я увѣрена, что онъ часъ отъ часу будетъ милѣе; Катинька приняла для дочери прекрасную методу воспитанія, и, какъ мнѣ кажется, это доказываетъ, что она большая мастерица обходиться съ дѣтьми. —

« Объ этомъ я хотѣла поговорить съ тобою, обратить вниманіе твое, и подать дружескій совѣтъ, то есть, не тебѣ лично, а для сообщенія Катеринѣ. Конечно, страннымъ покажется совѣтъ старой дѣвки о дѣтяхъ; но надобно предупредить Катерину, чтобы она не занималась безпрестанно и исключительно однимъ только своимъ ребенкомъ. Мужчины могутъ ко всему приревновать, и обидѣться, какъ кажется съ перваго раза, маловажнымъ невниманіемъ къ нимъ. Пока нѣтъ дѣтей, то добрая же-

на ничего болѣе не имѣешь въ виду, кромѣ угожденія мужу; но молодая мать всегда страстно любитъ первенца своего, и это очень понятно. Кромѣ чувства, внушаемаго самою природою, новость ея положенія представляетъ ей что-то необыкновенное. Мужъ замѣчаетъ постепенное уменьшеніе угодливости и вниманія, которыя прежде ему одному были посвящены, а теперь раздѣляются между имъ и ребенкомъ. Многимъ мужьямъ непріятно найдти *соперника* — даже въ собственномъ своемъ дитятѣ.»

— Вы говорите, тетушка, о людяхъ обыкновенныхъ, причудливыхъ, съ умомъ ограниченнымъ. Но вы сами согласитесь: не льзя думать также и о Петрѣ Ѳедоровичѣ? —

«Я говорю *вообще о мужчинахъ*, и къ числу ихъ присоединяю и его. До сихъ поръ пріятно смотрѣть на него и Катиньку, какъ они любятъ другъ друга, живутъ въ совершенномъ согласіи, и

онъ не теряетъ веселаго и любезнаго нрава; но это отъ того, что все еще шло донынѣ по его желанію. Повѣрь, мой другъ: онъ, можетъ быть, способнѣе всякаго другаго огорчиться и обидѣться, ежели замѣтитъ хотя малѣйшую перемѣну въ поступкахъ жены своей. Она до сего времени посвящала всю себя для него, старалась угождать ему, ни въ чемъ ему не противорѣчила: хотѣлъ-ли онъ что нибудь читать — она оставляла всѣ домашнія занятія, брала работу свою, и садилась его слушать; желалъ-ли онъ ѣхать, или гулять съ нею — она тотчасъ была готова; словомъ: она жила именно только для него. Теперь невозможно ей *посвятить себя исключительно ему одному:* у нея есть другая, столь-же священная обязанность. Предупреди-же ее, чтобы она старалась избѣгнуть крайностей. До сихъ поръ имѣла она въ предметѣ одного только мужа; теперь надобно ей умѣть раздѣлить свои чувства, и держаться

благоразумной средины между мужемъ и дочерью.»

— Если я ошиблась въ мнѣніи моемъ о Петрѣ Ѳедоровичѣ—отвѣчала Софья—дѣло кончено: я презираю и буду вѣкъ ненавидѣть всѣхъ мужчинъ! Но вы увидите, тетушка, что онъ нисколько не перемѣнится, и навѣрное согласитесь, что онъ есть исключеніе изъ общаго правила. —

« Дай Богъ, чтобы черезъ годъ ты говорила тоже самое»—продолжала Свіяжская. — « Впрочемъ, пусть многое зависитъ отъ жены. Если разсмотрѣть со вниманіемъ, то легко откроется, какъ пятистна обязанность жены, какое безпрерывное и, можно сказать, даже мѣлочное вниманіе должна она имѣть, чтобы угодить мужу, не оскорбить его самолюбія, и смириться передъ его гордостію! Мужчина съ малолѣтства привыкаетъ думать о себѣ, что онъ властелинъ, и что жена должна слѣпо ему

повиноваться. Примѣры у него безпрестанно передъ глазами. Видѣвъ жизнь отца и матери, и тѣмъ болѣе еще въ тѣхъ семействахъ, гдѣ родители столь неосторожны, что въ какихъ нибудь, иногда и маловажныхъ, непріятностяхъ, не умѣютъ объясниться наединѣ, а дѣлаютъ посредниками, или свидѣтелями, дѣтей своихъ, сынъ съ малолѣтства утверждается въ мысли, что и онъ имѣетъ право требовать безусловнаго повиновенія отъ своей жены. По принятому обычаю, бывши женихомъ, каждый обманываетъ невѣсту, говоря, что воля ея будетъ для него всегда священна, что онъ всю жизнь свою посвятитъ ей, и проч., что обыкновенно женихи обѣщаютъ. Неопытная дѣвушка вѣритъ, хотя въ собственномъ своемъ семействѣ и видитъ между родителями совсѣмъ противное. Но всякой невѣстѣ кажется, точно такъ-же, какъ и тебѣ теперь на счетъ Петра Ѳедоровича, что въ пользу ея будетъ исключеніе изъ общаго

правила, и что женихъ ея, во всѣхъ отношеніяхъ, человѣкъ совершенный.»

Софья согласилась въ основательности сужденія Свіяжской, и обѣщалась, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, сообщить Катеринѣ совѣтъ, который, какъ полагала Свіяжская, гораздо сильнѣе подѣйствуетъ черезъ сестру, нежели прямо отъ нея самой. Но въ тоже время, и еще въ первый разъ въ жизни, думала Софья, что Свіяжская ошибается на счетъ Аглаева. Ей очень хотѣлось, чтобы опытъ доказалъ, какъ несправедливо предубѣжденіе Свіяжской противъ него.

Катерина выслушала съ большимъ удивленіемъ совѣты Свіяжской, переданные ей Софьею. Не только съ неудовольствіемъ, но даже съ пренебреженіемъ думала она о тѣхъ, кто сомнѣвался, что мужъ ея не есть образецъ совершенства во всѣхъ отношеніяхъ. Она твердо была увѣрена, что никогда и никакъ не можетъ онъ перемѣниться. Софья была по-

го-же мнѣнія, и предостереженіе Свіяжской не имѣло никакого дѣйствія надъ ними обѣими. Онѣ положили, что Свіяжская ошибается, и слишкомъ строго судитъ о мужчинахъ.

Почти цѣлые дни проводила Катерина въ дѣтской, и тогда даже, когда сидѣла въ гостиной, приказывала она приносить колыбель дочери къ себѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что хочетъ пріучить ее къ шуму. Безъ матери не мыли ее, не укладывали спать, не давали груди; все было расположено по часамъ, и весь день Катерина только однимъ этимъ и занималась. Софья приказывала кушать, приняла на себя вообще все хозяйство, всегда была готова играть съ Аглаевымъ въ шахматы, или въ воланъ, пѣла, играла для него на фортепіано, слушала его чтеніе, и все для того, чтобы разсѣять его одиночество, и не дать ему замѣтить частаго отсутствія жены. Между тѣмъ Катерина ни о чемъ болѣе не думала, какъ только о своемъ ребенкѣ, не

примѣчала, что мужу ея иногда не правилось долговременное пребываніе въ дѣтской, или безпорядокъ въ гостиной, гдѣ повсюду разбросаны были игрушки, пеленки, и прочія принадлежности, которымъ настоящее мѣсто должно-бъ быть въ дѣтской комнатѣ. Но временное неудовольствіе, при первомъ взглядѣ Аглаева на дочь, страстно имъ любимую, скоро проходило.

Письмо изъ Никольскаго возвѣстило давно ожидаемое посѣщеніе Княгини Рамирской. Она все откладывала, подъ ничтожными и пустыми предлогами, такъ, что Катерина потеряла было всю надежду видѣть ее у себя, и даже не очень желала, чтобы она пріѣхала, особенно съ тѣхъ поръ, когда изъ писемъ ея увидѣла, что она хочетъ брать тонъ знатной барыни, покровительницы и благодѣтельницы, а не родной сестры.

«Наконецъ я рѣшилась пріѣхать къ тебѣ,» писала Рамирская. «Думаю, въ «концѣ нынѣшняго мѣсяца буду я въ ва-

«шей сторонѣ. Но предупрежданю, что
«долго пробыть не могу, и прошу мно-
«го гостей для меня не звать, и нака-
«кихъ приготовленій для угощенія моего
«не дѣлать. Софья пишетъ ко мнѣ, что
«твоя дѣвочка чудо красоты; я была па-
«передъ увѣрена, что вамъ съ нею она
«должна казаться такою, а мнѣ можетъ
«она понравиться только тѣмъ, ежели
«не будетъ часто кричать и плакать.
«Я терпѣть не могу дѣтскаго крика, и,
«благодаря Бога, у себя дома опъ это-
«го избавлена. Софья увѣдомляетъ, что
«тетушка Прасковья Васильевна предла-
«гала ей ѣхать вмѣстѣ съ нею въ Мо-
«скву, но она отказалась. Удивляюсь,
«что за охота закупориться въ дерев-
«нѣ; пусть-бы мнѣ сдѣлали такое пред-
«ложеніе, я не была-бы такъ безразсуд-
«на. Вашъ каретный сарай, кажется, ни-
«зокъ для моей четвероместной каре-
«ты; вели это дѣло исправить. Дрож-
«ки и бричку вашу можно поставить
«гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Бѣда не

«велика, ежели онѣ простоять не подъ «крышею, то время, которое я у васъ «пробуду. Для лошадей моихъ также «приготовьте мѣсто.»

Письмо было гораздо длиннѣе; но и по этому образчику можно себѣ представить, что оно прочитано было всѣми съ большимъ неудовольствіемъ. Аглаевъ казался раздраженнымъ холодностію и надмѣнностію Елисаветы. Обѣ сестры оскорбились неприличнымъ ея тономъ, доказывавшимъ, что она потеряла всю прежнюю привязанность и уваженіе къ нимъ.

«Я надѣюсь, Катинька»—сказалъ Аглаевъ женѣ, въ первомъ движеніи негодованія — «что ты не будешь, по крайней мѣрѣ, при *Сіятельной* сестрицѣ своей таскать вездѣ за собою колыбель. Она сама изволитъ предупреждать тебя, что терпѣть не можетъ дѣтскаго крика. Изъ уваженія къ ней должно тебѣ поберечь слабость нервъ ея, и отвратить отъ взгляда *Ея Сіятельства* все, чего

она не любитъ. Вообще, признаюсь — такъ, какъ мы начали теперь говорить объ этомъ—мнѣ и самому очень не нравится, что ты обратила гостиную въ дѣтскую. На это есть особая комната, и ты хорошо сдѣлаешь, ежели не будешь безпрестанно таскать сюда ребенка. — Ахъ, Боже мой! Чья это карета? Кажется, Ольга Петровна Сундукова ѣдетъ къ намъ! Поскорѣе вынесите колыбель, и приберите эти тряпки! Что она скажетъ, увидѣвъ такой безпорядокъ! — Поскорѣе приберите все!» вскричалъ онъ съ неудовольствіемъ.

Насилу успѣли привесть въ порядокъ гостиную, когда карета подъѣхала къ крыльцу. Все было въ смятеніи, однакожъ по пустому. Сундукова не вышла, а только переговорила съ Аглаевымъ, который поспѣшилъ къ ней на встрѣчу, на крыльцо. Она узнала, что Княгиня Рамирская будетъ къ нимъ, и хотѣла условиться, въ который день можно будетъ пригласить ее къ себѣ обѣдать.

При чемъ также, мимоходомъ, сказала, что она надѣется — и матушка Ея Сіятельства, Наталья Алексѣевна, и сестрицы, Софья и Катерина Васильевны, и самъ Аглаевъ, сдѣлаютъ ей удовольствіе, съ Княгинею пріѣхать. Сіи послѣднія слова сказала она такимъ тономъ, который ясно показывалъ, какую *честь* дѣлаетъ она имъ своимъ приглашеніемъ.

Катерина, при стукѣ кареты, подъѣхавшей къ крыльцу, скрылась въ дѣвическую къ дочери. Она была поражена совсѣмъ неожиданнымъ, *страннымъ* поступкомъ своего мужа. Ей пришло на память все, что говорила Свіяжская, и она начала соглашаться, что предостереженіе совсѣмъ не было такъ неосновательно, какъ ей казалось прежде.

ГЛАВА XIII.

« Que font quelques femmes? Elles
« babillent, s'habillent et se déshabillent. »

Panart.

« Что дѣлаютъ иныя женщины?
« Болтаютъ, одѣваются, и раздѣ-
« ваются. . . »

Панаръ.

Обратимся на нѣкоторое время въ Никольское, къ Рамирскимъ.

« Я ѣду въ воскресенье, послѣ обѣдни, къ маменькѣ и къ сестрамъ, » сказала Елисавета.

— Очень радъ; желаю счастливаго пути — отвѣчалъ мужъ ея.

«Вели приготовить новую карету и вороныхъ лошадей» — продолжала она. «Я ихъ оставлю тамъ на все время, которое пробуду у мамеpьки.»

— Вороныхъ лошадей хотѣлъ было я на будущей недѣлѣ поставить на праву: это всякій годъ дѣлается для сбереженія ихъ. Не лучше-ли тебѣ ѣхать на разгонныхъ, въ колескѣ? —

«На разгонныхъ, и въ колескѣ!...Прекрасное предложеніе, въ такой жаръ и пыль! Хороша я покажусь на своей сторонѣ.»

— Почему-же не ѣхать въ колескѣ? Она совсѣмъ новая, и хорошаго фасона.—

«Я тебѣ говорю, что въ колескѣ ни за что не поѣду; очень весело душиться и глотать пыль! Притомъ-же я буду на своей сторонѣ, въ кругу моихъ прежнихъ знакомыхъ. Они всѣ увѣрены, что я счастлива въ моемъ замужествѣ. Надобно, хотя наружно, поддержать это ложное мнѣніе. Самъ разсуди, и увѣрься, что я говорю правду.»

— Въ томъ, по крайней мѣрѣ, я очень увѣрился — отвѣчалъ Князь Рамирскій, съ неудовольствіемъ — что у тебя громкій и пронзительный голосъ, и самый сумасбродный характеръ. Возьми, матушка, и карету, и лошадей, и все, что тебѣ хочется. Объ одномъ только прошу: не льзя-ли тебѣ какъ можно долѣе прожить въ своемъ семействѣ, и съ прежними твоими знакомыми, а меня оставить въ покоѣ? —

« Очень рада исполнить твое желаніе » отвѣчала Елисавета, « только дай мнѣ способы. Я нѣсколько разъ напоминала тебѣ, что у меня нѣтъ ни копѣйки, а теперь, кромѣ необходимыхъ издержекъ, вспомни, что ты крестный отецъ дочери у моей сестры, и что надобно, по обыкновенію, сдѣлать подарокъ крестницѣ и кумѣ. Я говорю собственно для тебя: надобно сохранять приличія. »

Она на самомъ опытѣ увѣрилась, что это было самое лучшее средство поколебать упорство мужа. Мысль, что *по-*

думають, что будутъ говорить! имѣла на него сильное дѣйствіе. Онъ боялся, что его почтутъ за скупца, или скажутъ, что онъ *не такъ богатъ*, какъ хочетъ казаться. Эта мысль приводила его въ ужасъ, и Елисавета пользовалась его слабостію. Она часто успѣвала въ своихъ намѣреніяхъ, подстрекнувъ только самолюбіе и гордость его.

Въ Пріютовѣ не съ большимъ удовольствіемъ ожидали пріѣзда Елисаветы; въ особенности-же Катерина была очень возстановлена противъ сестры странными ея поступками. На письма отвѣчала она рѣдко, и вообще замѣтны были въ перепискѣ ея какая-то холодность, и покровительствующій тонъ; ни одного слова не говорила она отъ сердца, и письма ея всегда оканчивались какою нибудь глупою и неумѣстною шуткою на счетъ Катерины, или мужа ея. Она не была уже та милая, добрая сестра, какъ прежде: видна была въ ней, напротивъ, надмѣнная, чванливая женщина; все ей

не нравилось, и, казалось, что она всѣхъ обвиняетъ въ томъ, что надежды ея на благополучное супружество не исполнились. Выходя за-мужъ, она думала, что одно только богатство достаточно для совершеннаго счастія, разсуждала, и была увѣрена, что мужъ ея, приближавшійся уже къ преклоннымъ лѣтамъ, будетъ въ безпрерывномъ восторгѣ отъ ея молодости и красоты, что онъ будетъ ловить отъ малѣйшей ласки и вниманія къ нему, что она поставитъ все по своему, и станетъ дѣлать изъ него все, что ей захочется. Но очень ошиблась она въ разсчетѣ своемъ: нашла упорнаго, своенравнаго человѣка, который, напротивъ, требовалъ, чтобы она дѣлала все, что ему хочется, и слѣпо во всемъ ему повиновалась. Частыя непріятности и ссоры ихъ произвели взаимное отвращеніе другъ къ другу. Елисавета, по свойственному женщинѣ упрямству, хотѣла однакожъ настоятельно достигнуть до своей цѣли, му-

чилась сама, нарушала безпрестанно спокойствіе мужа, и вела несчастную жизнь.

Настояніе, насмѣшки, и всякія другія средства, употребленныя ею для полученія отъ мужа побольше денегъ, наконецъ были увѣнчаны успѣхомъ. Чтобы отдѣлаться отъ нея, Князь далъ ей, сколько она хотѣла. При отъѣздѣ коекакъ они поладили и помирились. Елисавета отправилась въ путь въ хорошемъ расположеніи, и въ надеждѣ провесть время пріятнѣе, нежели до сихъ поръ проводила его. По мѣрѣ приближенія къ родинѣ, всѣ воспоминанія молодости ея возобновлялись, прежняя веселость и любезность ея возвращалась, и обѣ сестры, при первомъ свиданіи, нашли въ ней ту-же добрую, милую Елисавету, которую онѣ такъ любили прежде. Она хвалила перестройки и новыя украшенія въ Пріютовѣ, находила, что сестры ея похорошѣли, съ тѣхъ поръ, какъ она не видалась съ ними, поздравляла Аглаева

съ свѣжестью лица и здоровьемъ, и даже удостоила приласкать и поцѣловать маленькую свою племянницу.

Старой Холмской хотѣлось прежде прибытія Елисаветы уѣхать къ себѣ въ Надежино. Она была очень недовольна всѣми ея поступками. Здоровье старушки было разстроено; она боялась, что сильно растревожится при первомъ свиданіи сестеръ, которое, какъ она думала, будетъ не совсѣмъ пріятно, потому, что онѣ имѣли право быть въ негодованіи на Елисавету. Дочери упросили ее остаться, но она воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ. Княгиня Рамирская желала, чтобы компаньёнка ея, Миссъ Клокъ, имѣла особую комнату; Холмская тотчасъ уступила ей свою, и сама отправилась къ себѣ домой, обѣщавшись однакожъ всякій день видаться съ ними.

«Какъ милъ вашъ садикъ!» — сказала Елисавета. — «Какъ много у васъ цвѣ-

товъ, и какіе прекрасные! Мнѣ такъ надоѣлъ нашъ обширный, скучный садъ, что вашъ, почти можно сказать, *цвѣтникъ*, дѣлаетъ мнѣ большое удовольствіе. Какой прекрасный видъ отсюда!»—продолжала она. — «Правда, все это въ миніатюрѣ, и мѣстоположеніе ваше, какъ будто маленькая панорама. Все это скоро должно приглядѣться и наскучить!»

— Какъ-же вамъ слишкомъ въ двадцать лѣтъ не наскучило мѣстоположеніе въ Надежинѣ? Тамъ, кажется, нѣтъ никакихъ видовъ: передъ глазами изъ дома большая гора и лѣсъ; но прежде вамъ все тамъ нравилось — сказалъ Аглаевъ.

«Да, это правда; я сама себѣ удивляюсь,» отвѣчала Елисавета. «Но ты, кажется, обидѣлся? Извини меня: я, право, не думала сдѣлать тебѣ непріятности.»

— Ежели вы находите здѣсь все въ маленькомъ видѣ—продолжалъ Аглаевъ,

съ намѣреніемъ кольнуть ее—по крайней мѣрѣ, живемъ мы здѣсь спокойно и мирно, а этимъ не льзя похвастаться всякому, кто обитаетъ въ великолѣпныхъ чертогахъ. —

Елисавета покраснѣла, не отвѣчала ни слова, и обратилась къ Катеринѣ, съ вопросомъ о сосѣдяхъ. Съ удовольствіемъ узнала она о приглашеніи Сундуковой, хотя и ненавидѣла ее отъ всего сердца. — «Непремѣнно поѣду» — сказала она.—«Мнѣ чрезвычайно хочется блеснуть передъ нею, и унизить гордость ея, и несносной ея Глафиры. Онѣ думали было прежде завлечь въ сѣти свои моего мужа. Хороша, правду сказать, была для нихъ находка! Но онъ *богатъ:* это одно только можетъ облегчать тягостные оковы супружества съ такимъ человѣкомъ.»

— Да, ежели только можно пользоваться его богатствомъ — возразилъ съ усмѣшкою Агласвъ.

«Ничего нѣтъ легче для смѣшливой жены,» возразила Елисавета. «Но я думаю, что эта набитая дура, Сундукова, ничего не успѣла-бы сдѣлать изъ него.»

—Вы очень скромны, и совсѣмъ не самолюбивы. —

«Ты, можетъ быть, думаешь, что я хвастаю,» сказала Елисавета. «Но-будь увѣренъ, что я дѣлаю изъ него именно все, что мнѣ хочется. Напримѣръ: пріѣздъ сюда стоилъ мнѣ большихъ хлопотъ; однакожъ, ты видишь — я здѣсь. Я сообщила-бы тебѣ всѣ подробности, но разсказъ мой не понравится Катеринѣ, и навлечетъ на меня ужаснѣйшую, длинную проповѣдь Софьи: при нихъ не буду я говорить ни слова; но когда мы въ первый разъ останемся одни, ты все узнаешь. Кстати: ты, Катинька, вѣрно не безпрестанно сидишь съ своимъ ребенкомъ; я надѣюсь, что ты будешь ѣздить со мною къ сосѣдямъ.»

— Вы будете имѣть надъ нею гораздо болѣе власти, нежели я — сказалъ Аглаевъ — ежели успѣете вытащить ее изъ дѣтской, откуда она съ утра до ночи не выходитъ. Пріѣздъ вашъ сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ, то, что колыбель и игрушки вынесены изъ гостиной.

«А зачѣмъ колыбель была въ гостиной?» спросила Елисавета. «Это къ чему? Впрочемъ, всякій судитъ по своему; только я думаю: ежели-бы Богъ *благословилъ* меня, какъ говорятъ, дѣтьми, то я не таскала-бы ихъ вездѣ съ собою.»

— Я тоже думаю — возразила Софья, съ неудовольствіемъ. — Что за тонъ? что за выраженія? Можно-ли говорить съ насмѣшкою о самой священной обязанности? Признаюсь, Елисавета, тебя узнать не льзя. —

«А! и ты наконецъ промолвила? Очень этому рада; надѣюсь, что и Катинька также что нибудь скажетъ, когда пере-

спанетъ плакать. Она сообщитъ мнѣ: есть-ли у васъ новые сосѣди, и стоятъ-ли они того, чтобы познакомиться съ ними.»—Но увидѣвъ, что Катерина не могла удерживать слезъ своихъ — «прости меня» — сказала Елисавета, взявъ ее за руку — «я, право, не думала сдѣлать тебѣ неудовольствія.»

— Совсѣмъ не *ты* огорчила меня — отвѣчала Катерина.

«Ежели мужъ разсердилъ тебя, то я не виноваша: управляйся съ нимъ, какъ сама знаешь! Ежели онъ умничаетъ, и дѣлаетъ тебѣ неудовольствія, плати ему тѣмъ-же. Это самое лучшее средство, и я всегда такъ поступаю.»

— Эти средства еще неизвѣстны моей Катинькѣ — сказалъ Аглаевъ, взявъ ее за руку, поцѣловавъ, и нѣжно прижавъ ее къ сердцу. Онъ болѣе ничего не прибавилъ; но и этого было уже довольно для успокоенія и утѣшенія доброй Катерины. Она перестала плакать, и сдѣ-

лалась по прежнему весела. Елисавета также печувствительно оставила свой надмѣнный тонъ; дружескій, откровенный разговоръ сократилъ время; всѣ поздно разошлись спать, въ согласіи, и довольные другъ другомъ.

ГЛАВА XIV.

« Si jamais la vanité fit quelques heu-
« reux sur la terre, à coup sûr cet heu-
« reux n'était qu'un sot. »

CHATEAUBRIAND.

« Ежели когда нибудь тщеславіе
« дѣлало кого нибудь счастливымъ,
« то, навѣрное, этотъ счастливецъ
« былъ дуракъ. »

ШАТОБРІАНЪ.

На другой день, утромъ, когда всѣ собрались къ чаю, Княгиня Рамирская возобновила распросы свои о сосѣдяхъ. « Фамусовы, ваши новые сосѣди, должны быть порядочные люди? » сказала Елисавета.

— Безъ сомнѣнія, ежели судить по богатству, потому, что одно только большое состояніе можетъ дать имъ право называться *порядочными людьми*— отвѣчалъ Аглаевъ.

«Богатство совсѣмъ не дурное дѣло,» продолжала Елисавета.—«Ты ѣздишь къ Фамусовой, Катинька? — Кто: ты ей, или она тебѣ должна визитомъ?»

— Мы видаемся очень рѣдко; не помню навѣрное, а, кажется, я у нея была послѣдняя. Впрочемъ, ежели ты очень хочешь видѣть ее, и познакомиться съ нею, то можешь завтра все это сдѣлать на ярмаркѣ, въ нашемъ уѣздномъ городѣ. Я вчера говорила тебѣ объ этомъ. —

«Какого она происхожденія?» спросила Елисавета. «Я что-то такое странное слышала о ней.»

— Каролина Карловна Фамусова—отвѣчалъ Аглаевъ — происхожденія *Нѣмецкаго*, какъ она говоритъ; а по всѣмъ вѣроятностямъ заключить должно, что родители ея были добрые колонисты,

жившіе въ окрестностяхъ Петербурга. Она очень долго была экономкою въ домѣ нынѣшняго мужа своего, знаменитаго Фамусова. Вышла она за него по одному странному случаю, который стоитъ того, чтобы разсказать вамъ. Надобно наперед знать, что мужъ ея прежде былъ въ нашемъ городѣ цѣловальникомъ, попажился, вошелъ въ участіе откупа, постепенно, чрезвычайно разбогатѣлъ, и купилъ много имѣній въ здѣшней сторонѣ. Между прочимъ, большая часть деревень покойнаго батюшки теперь принадлежитъ ему. Бывши откупщикомъ, ѣзжалъ онъ въ Петербургъ, къ торгамъ на откупа, и тамъ всегда проживалъ много на обѣды. Страсть его была — приглашать къ себѣ знатныхъ и чиновныхъ особъ; отъ хорошей вкусной ухи съ стерлядями, отъ свѣжихъ устрицъ, и отъ Шампанскаго никто не откажется. Фамусовъ чрезъ обѣды свои познакомился со многими. Одинъ изъ значительныхъ чиновниковъ, которыхъ уго-

щалъ онъ въ Петербургѣ, проѣзжалъ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того, чрезъ его деревню, гдѣ была почтовая станція. Отъ нечего дѣлать, спросилъ онъ: чья деревня? Ему сказали: Максима Петровича Фамусова. Онъ вспомнилъ, что этотъ Максимъ Петровичъ былъ ему знакомъ; господскій домъ былъ близко отъ почтоваго двора; ему хотѣлось напиться чаю, и, покамѣстъ запрягали лошадей, гость отправился къ Фамусову.

Знатный этотъ проѣзжій былъ въ дорожномъ сюртукѣ; приѣхалъ-же пришелъ онъ пѣшкомъ; слуги думали, что это какой нибудь бѣдный дворянинъ, или повѣренный, и объявили, что барина нѣтъ дома, а хозяйка его — такъ называли тогда Фамусову люди—въ саду, въ бесѣдкѣ, варитъ варенье. Гость просилъ служителей показать ему дорогу, и, въ твердой увѣренности, что видитъ жену Фамусова, подошелъ къ ручкѣ, сказавъ притомъ, что имѣлъ удовольствіе по-

знакомиться съ ея супругомъ въ Петербургѣ. Въ это время, гость разстегнулъ сюртукъ свой, и нынѣшняя Г-жа Фамусова увидѣла на фракѣ его двѣ звѣзды. Можно вообразить себѣ ея смятеніе! Она чрезвычайно испугалась, и не смѣла вывесть гостя изъ заблужденія, объявивъ, что она *не жена Фамусова*, тѣмъ-же болѣе, что онъ цѣловалъ у нея руку. Этотъ гость, основашель всего ея благополучія, какъ вы увидите далѣе, напился чаю, и, хотя пробылъ не долго, но наговорилъ множество комплиментовъ, и прощаясь опять поцѣловалъ хозяйкѣ руку. На другой станціи встрѣтился онъ съ самимъ Фамусовымъ, который возвращался домой. У знатнаго посѣтителя были уже готовы лошади, и онъ шелъ садиться въ карету, въ то время, когда пріѣхалъ Фамусовъ. Мимоходомъ, знатный баринъ успѣлъ только сказать ему, что былъ у него въ домѣ, имѣлъ удовольствіе познакомиться съ его супругою, и очень благодаренъ за

сдѣланное ему угощеніе. Какъ громомъ пораженъ былъ Фамусовъ сими словами, а пріѣхавъ домой, и узнавъ, что Его Сіятельство, Князь ..... изволилъ цѣловать руку у его экономки, принявъ ее за жену его, занемогъ было отъ испуга, боясь, что Князь, оскорбленный ошибкою, будетъ мстить ему. Чтобы поправить все дѣло, рѣшился онъ на самый умный подвигъ: какъ можно скорѣе женился на экономкѣ. Отъ этого брака произошла дочь, первая по богатству невѣста во всей здѣшней сторонѣ. Вотъ вамъ исторія Г-жи Фамусовой. Она служитъ доказательствомъ, что важныя дѣйствія бываютъ отъ маловажныхъ причинъ. Можно-ли было предвидѣть, что проѣздъ знатнаго барина черезъ деревню будетъ поводомъ простой колонисткѣ сдѣлаться богатою помѣщицею въ здѣшнемъ уѣздѣ? —

Елисавета смѣялась такому странному стеченію обстоятельствъ, и просила

Аглаева разсказывать далѣе, о самомъ Фамусовѣ, и дочери его.

« Фамусовъ, необразованный, простой человѣкъ, и съ перваго взгляда покажется вамъ самаго ограниченнаго ума,» продолжалъ Аглаевъ. « Но что онъ не глупъ, или, по крайней мѣрѣ, смѣтливъ, этому служитъ доказательствомъ то, что онъ изъ ничего пріобрѣлъ большое состояніе. Впрочемъ, въ старину не такъ тяжело было разбогатѣть— не то что теперь! Въ нынѣшнее время явилось много *спекулянтовъ*, и все до такой степени утончено, что теперь тотъ только богатѣетъ, кто не проживаетъ своего имѣнія и не дѣлаетъ долговъ. Но обратимся къ семейству Фамусова. Странно въ старикѣ, что онъ, доживъ слишкомъ до 70-ти лѣтъ, все также засидѣвшись въ обществѣ, какъ былъ прежде, молчитъ, нюхаетъ, или куритъ безпрестанно табакъ, и ни въ какіе разговоры не вступаетъ. Теперь онъ разбогатѣлъ, и по дому ни во

что не входитъ: все домашнее хозяйство, въ томъ числѣ и воспитаніе дочери, передано въ полное распоряженіе и власть достойной супругѣ, которая думаетъ, что исполнила весь *родительскій долгъ*, взявъ къ себѣ *Мадамъ*, за дорогую цѣну. Эта *матушка-Мадамъ* жила у Фамусовыхъ очень долго, и образовала воспитанницу свою, какъ не льзя лучше: она болтаетъ по Французски, и брянчитъ кое-какъ на фортепіано; но съ 12-ти лѣтъ Мадамъ читала съ нею романы, и такъ хорошо успѣла ее настроить, что въ 15-ть, при первомъ взглядѣ на молодаго Француза, бывшаго учителемъ у одного изъ сосѣдей, воспитанница страстно влюбилась въ него, и была увѣрена, что *непреодолимое чувство симпатіи* влечетъ ее къ нему. *Добрая Мадамъ* подкрѣпляла ее въ этомъ мнѣніи, и, по условію съ своимъ соотечественникомъ, который обѣщалъ дать 50-ть тысячъ рублей, ежели женится на такой богатой невѣстѣ, она сдѣлалась

повѣренною, передавала записочки, и уже все готово было къ побѣгу, какъ Фамусова нечаянно открыла эту интригу. Мадамъ тотчасъ была выгнана изъ дома, а юная героиня романа получила нѣсколько оплеухъ, съ строжайшимъ подтвержденіемъ: не помышлять болѣе о Французѣ! Вскорѣ оставилъ онъ домъ, гдѣ жилъ, и объ немъ уже ничего не было слышно. Фамусовъ, узнавъ о подвигахъ своей дочери, очень удивился, понюхалъ табаку, и не сказалъ ни слова, а бѣдная оставленная Аріадна, получившая при первомъ опытѣ романическихъ приключеній дюжину полновѣсныхъ пощечинъ, съ тѣхъ поръ—или онъ того, что почитаетъ себя жертвою страстной любви, или вновь опять въ кого нибудь влюблена — только ходитъ всегда съ поникшею головою, съ томными глазами, вздыхаетъ, и продолжаетъ читать романы. —

« Вотъ прекрасное семейство! Одинъ другаго стоитъ. Непремѣнно хочу съ

ними познакомишься, и для этого нарочно отправляюсь на ярмарку,» сказала Елисавета, помирая со смѣху. «Кто со мною поѣдетъ? Катинька, не уже-ли ты не рѣшишься оставить куклу свою на нѣсколько часовъ?»

Катерина покраснѣла, и робко поглядѣла на своего мужа, ожидая, что онъ скажетъ.

«Дѣлай, что тебѣ хочется, мой другъ!» отвѣчалъ Аглаевъ. «Я знаю, что ты желала-бы лучше оспаться дома; я буду проводникомъ Княгини; можетъ быть, и Софья Васильевна поѣдетъ съ нами.»

— А ей почему не ѣхать? Что ей здѣсь дѣлать? — сказала Елисавета. — У нея нѣтъ даже никакой собачки, которая-бы требовала ея попеченія; отговариваться нечѣмъ; развѣ она захочетъ заняться дѣланіемъ наливки, или посшилы изъ ягодъ, которыя, какъ я видѣла, сей часъ пронесли изъ сада? —

«Я иногда и этимъ занимаюсь,» отвѣчала холодно Софья. «Очень помню, что *первый урокъ* въ искусствѣ дѣлать на-

ливки и постилы получила я отъ *Ея Сіятельства,* Княгини Рамирской.»

— Ты это помнишь, а я совсѣмъ забыла — отвѣчала Елисавета, сильно пронятая и раздраженная сею колкостію.

Послѣ того на нѣсколько минутъ настала тишина, и Аглаевъ, чтобы скрыть смѣхъ, ласкалъ свою собачку. Онъ былъ очень радъ, что *знатная барыня* такъ ужасно *унижена*, и получила славный урокъ.

Тотчасъ послѣ ранняго обѣда, Аглаевъ уѣхалъ впередъ на дрожкахъ, въ городъ, гдѣ у него было какое-то дѣло. Онъ обѣщалъ встрѣтить Княгиню при въѣздѣ въ городъ, и проводить до ярмарки. Елисавета принялась за туалетъ свой, надѣла жемчуги, брилльянтовый фермуаръ, лучшую шаль, и дорогой блондовый вуаль. Хотя такой нарядъ совсѣмъ былъ неприличенъ для ярмарки въ уѣздномъ городѣ; но ей хотѣлось показать себя во всемъ блескѣ старымъ знакомымъ, которые еще не имѣли чести видѣть ее за-мужемъ.

Катерина, проводивъ мужа и сестеръ, отправилась тотчасъ по отъѣздѣ ихъ въ дѣтскую.

Дорогою, Елисавета упрекала Софью въ сказанной ею колкости. «Ты сама первая начала,» отвѣчала ей Софья. «Я не знаю, почему ты думаешь, что имѣешь право говорить грубости, и обходишься со мною и съ сестрою такъ свысока? Довольно странно и смѣшно въ наше время гордиться тѣмъ, что ты *Княгиня*. И передъ кѣмъ-же? Передъ родными сестрами!»

— Я не сержусь — отвѣчала Елисавета.—Въ нашемъ семействѣ, между своими, я могу сносить все равнодушно; но прошу тебя быть осторожнѣе при посторонихъ. И безъ тебя извѣстно, что я не вѣкъ была Княгинею Рамирскою; мнѣ также забыть этого не льзя, смотря только на то, какъ вы обѣ живете. Катерина за-мужемъ — но Богъ знаетъ, что это за супружество! И ты сама

играешь роль первой ея служанки, или экономки. Нѣтъ! я увезу тебя непремѣнно къ себѣ, въ Никольское. —

«Всякій смотритъ на вещи по своему,» отвѣчала Софья. «Мнѣ кажется, что живши въ домѣ у сестры, я не отправляю никакой низкой должности. Присмотръ за ея хозяйствомъ приняла я на себя съ удовольствіемъ, и вообще мнѣ здѣсь такъ пріятно и хорошо, что совсѣмъ я не имѣю намѣренія уѣзжать отсюда. Все, что я здѣсь вижу, напоминаетъ мнѣ молодость мою. Мы точно такъ жили у маменьки. Не во всемъ было у насъ изобиліе, но за то всегда были мы веселы и спокойны.»

— Опять сапира противъ меня! — сказала Елисавета, засмѣявшись. — Но пора мнѣ привыкнуть, и не обижаться. Правда, жить мнѣ не совсѣмъ весело, но знай, что я почти всегда настаиваю и дѣлаю по, что мнѣ хочется. Мы съ супругомъ своимъ такъ равнодушны другъ къ другу, что намъ перессориться, и

наговорить взаимно грубостей, ничего не стоить. Досадно только, и то не надолго, тому, кто должен уступить. Мнѣ кажется, вообще равнодушіе въ супружествѣ гораздо лучше, чѣмъ страстная любовь. Я поставлю въ примѣръ Капиньку: ежели мужъ скажетъ хоть одно слово, которое ей не нравится, она тотчасъ готова плакать. Послушала-бы ты насъ съ Княземъ: какія ужасныя нѣжности мы говоримъ другъ другу, и оба ни мало не огорчаемся!

«Я вижу, что ты неисправима,» отвѣчала Софья, «и желая избавить себя отъ безполезнаго горя, въ Никольское съ тобою я не поѣду; гораздо лучше останусь я здѣсь, и предпочту благополучную бѣдность несчастной знатности и величію!»

— Знатность и величіе! Ты думаешь найдти это у насъ въ Никольскомъ? Какъ ты ошибаешся! Никто къ намъ не ѣздитъ; меблированная, прекрасная го-

спальная наша похожа на мебельный магазинъ; бронзовыя канделабры, лампы и зеркала накрыты полотномъ; позолота на креслахъ обвернута бумагою, и — я живу въ совершенномъ уединеніи. Мулъ мой теперь безпрестанно въ полѣ; отправляется съ утренней зари на работу, и возвращается, успавшій, весь въ пыли, къ обѣду. Онъ и такъ не очень прелестенъ собою, а теперь загорѣлъ ужасно, бреется одинъ разъ въ недѣлю, и съ черно-желтымъ лицомъ своимъ, съ небритою бородою, въ нанковомъ, запачканномъ сюртукѣ, и въ какомъ-то странномъ картузѣ, онъ сдѣлался такъ гадокъ, что ты не узнаешь его! Притомъ-же онъ часъ отъ часу становится скупѣе, угрюмѣе и своенравнѣе — и съ такимъ-то уродомъ должно мнѣ провести весь вѣкъ! —

«Очень понимаю, что жизнь твоя не совсѣмъ пріятна,» отвѣчала Софья. «Но сама разсуди: жалобы твои, упрямство и настойчивость, сдѣлали-ль ка-

кую нибудь пользу?—Кажется мнѣ, что съ самаго начала ты могла, ежели-бы искусно дѣйствовала, передѣлать мужа по своему, и пріобрѣсть уваженіе его и довѣренность. Теперь поздно: ты потеряла навсегда привязанность его къ себѣ!»

— Точно правда — сказала Елисавета — но какъ быть? Надобно утѣшиться. Впрочемъ, я не неблагодарна, и плачу ему взаимно такою-же холодностію и равнодушіемъ. — Но оставимъ этотъ непріятный разговоръ, и позволь мнѣ также съ своей стороны сказать тебѣ, что я съ сожалѣніемъ вижу намѣреніе твое остаться вѣкъ въ дѣвкахъ. Тебѣ надобно-бы выйдти за-мужъ, хотя для того, чтобы служить примѣромъ женамъ. — Да, кстати, разскажи мнѣ о Чадскомъ. Пронскій, пріѣхавъ изъ Москвы, говорилъ, что ты скоро выйдешь за него за-мужъ. Видно вы перессорились, или все это былъ вздоръ? Ты ни слова не говоришь о немъ. Мнѣ казалось, что

ты чрезвычайно нравишся самому Пронскому. Мнимая привязанность твоя къ Чадскому удержала его; но при первомъ свиданіи я постараюсь вывесть его изъ заблужденія, и тебѣ совѣтую не упускать его изъ виду: это отлично хорошій человѣкъ. —

«Прошу тебя не хлопотать объ этомъ; мы видѣлись съ нимъ разъ, или два, и видно наружность его не имѣетъ ничего привлекательнаго, потому, что я даже почти совсѣмъ забыла его, и удивилась, когда мнѣ стали здѣсь объ немъ говорить.»

— Тогда ты была влюблена въ Чадскаго. —

«И это неправда: я никогда влюблена въ него не была. Онъ мнѣ нравился, и точно, можетъ быть, я рѣшилась-бы выйдти за него, ежели-бы, къ счастію моему, онъ самъ не такъ скоро открылъ бѣшеный характеръ свой. О Пронскомъ теперь мнѣ часто говорятъ, и я начинаю припоминать, что у него открытое

и доброе лицо, и прекрасные глаза; но вообще наружность такая, что ничего ни дурнаго, ни хорошаго сказать не льзя. Впрочемъ, врядъ-ли я съ нимъ что нибудь говорила — развѣ нѣсколько обыкновенныхъ привѣтствій, потому, что я уважаю и люблю сестру его, Свѣтланину.»

— Слѣдовательно, о твоемъ умѣ, о талантахъ твоихъ, о тихомъ и прекрасномъ характерѣ, о разсудительности и благоразуміи твоемъ — сообщила ему болтливая молва? Онъ такъ усердно выхвалялъ въ тебѣ всѣ эти добродѣтели! —

При сихъ словахъ, онѣ пріѣхали въ городъ. Аглаевъ встрѣтилъ и проводилъ ихъ.

Ярмарка въ уѣздномъ городѣ ничего достопримѣчательнаго представить не могла. Множество простаго народа толпилось около возовъ мѣлочныхъ торговцевъ. Подгулявшіе крестьяне пѣли пѣсни; кочующіе Цыганы и Цыганки пляса-

ли. Ученый медвѣдь заставлялъ смѣяться отъ чистаго сердца всѣхъ окружавшихъ его. Въ сторонѣ было построено нѣсколько временныхъ лавокъ, или балагановъ, гдѣ толпилась избранная провинціяльная публика. Въ числѣ сихъ балагановъ была даже одна модная лавка, съ залежалыми чепчиками, и шляпками пѣхъ фасоновъ, которые, можетъ быть, уже съ годъ, переслали изъ Москвѣ. На вывѣскѣ возвѣщено было, что всѣ товары привезены съ Кузнецкаго моста, отъ Мадамъ Трише. Въ этой лавкѣ было наиболѣе стеченія помѣщиковъ и помѣщицъ. Туда отправилась Княгиня Рамперскал, купила себѣ кой-какихъ бездѣлицъ, разцѣловалась съ Сундуковыми и Фіалкиною, и взаимно наговорили множество самыхъ *искреннихъ* привѣтствій.

Въ это-же время вошла въ этотъ модный балаганъ ея старинная знакомая и подруга, помѣщица Просподушина. Она была за-мужемъ за небогатымъ дворяниномъ, и Елисавета показала видъ, что

вовсе незнакома съ нею; на поклонъ ея не только она не отвѣчала, но ей вздумалось даже подсмѣяться съ Фіалкиною надъ нарядомъ старой подруги. Простодушина, не зная, что въ модныхъ лавкахъ, по первому запросу, почтасъ вынимаютъ деньги и платятъ, что бы Мадамамъ ни угодно было потребовать, стала торговаться. Княгиня позволила себѣ иногда явно шутить надъ нею, и сказала нѣсколько острыхъ словъ на ея счетъ. Простодушина обернулась къ ней, и очень хладнокровно спросила: «А вы, матушка, видно помощница этой Мадамы, что такъ заступаетесь за нее? . . . Ахъ, Боже мой! да это бывшая *Лизанька Холмская*» — прибавила она, обращаясь къ другой дворянкѣ, которая вмѣстѣ съ нею вошла въ балаганъ — «а вѣдь я было не узнала ее!»

Елисавета чрезвычайно смѣшалась при сихъ словахъ, и бросила на нее грозный взглядъ; но и Простодушина сама на нее также посмотрѣла. «Напрасно, ма-

шушка, изволите гнѣваться, и такъ сердито на меня смотрите,» сказала она. «Я имѣю такое-же право гнѣвно на васъ глядѣть, какъ и вы на меня.» Тутъ она передразнила ее, и точно такъ-же посмотрѣла. Сундуковы и Фіалкины на силу могли удержаться отъ смѣха. Елисавета, въ ужасномъ негодованіи и замѣшательствѣ, поспѣшила выйдти изъ лавки, а Простодушина продолжала: «Вотъ какая знатная барыня! Не хочетъ узнавать старыхъ знакомыхъ, и позволяетъ себѣ дѣлать грубости; но я не намѣрена спускать ей, и также, не хуже ея, умѣю сердито смотрѣть.» — *Истинныя пріятельницы* Княгини Рамирской, которыя только что передъ тѣмъ наговорили ей такъ много привѣтствій, хохотали отъ всего сердца.

Между тѣмъ, Елисавета, съ своими спутниками, уже была далеко отъ лавки. Она просила Аглаева отыскать ея карету, и хотѣла отправляться домой; но Городничій, старинный знакомый съ се-

мействомъ Холмскихъ, узнавъ, что Княгиня Рамирская на ярмаркѣ, пріѣхалъ нарочно просить ее къ себѣ, на *чашку чаю*. Елисавета согласилась, и приближаясь къ дому Городничаго увидѣла, что впереди ихъ подъѣхала къ крыльцу прекрасная карета. «Кто это впереди насъ?» спросила она. — Это сама знаменитая Фамусова, съ дочерью — отвѣчалъ Агласвъ. — Изъ кареты вылѣзала довольно долго тучная, пожилая женщина; она остановилась на крыльцѣ, для разныхъ приказаній людямъ, и Елисавета имѣла время разсмотрѣть небольшую, краснощекую ея фигуру. Фамусова подтверждала кучеру своему, чтобы онъ не напился пьянъ, чтобы карету поставилъ въ сарай, а лошадей отпрягъ и поводилъ, а пуще всего, чтобы берегъ молодую подручную.

Городничій встрѣтилъ Фамусову и Княгиню Рамирскую на крыльцѣ. «Всели вы въ добромъ здоровьѣ, Софья Васильевна,» сказала Фамусова, поцѣловав-

шись съ нею. «Давно-ли въ нашей сторонѣ? Что ваша сестрица, видно, слава Богу, хорошо себя чувствуетъ, потому что я вижу супруга ея съ вами?» Софья разцѣловалась съ нею, съ ея дочерью, и опрекомендовала ей сестру свою, Княгиню Рамирскую. При словѣ: *Княгиня*, Фамусова низко поклонилась, и поспѣшила представить дочь свою. «Я сама непремѣнно буду у Вашего Сіятельства, съ мужемъ моимъ, засвидѣтельствовать вамъ наше нижайшее почтеніе,» сказала она. «Надѣюсь, что и Ваше Сіятельство сдѣлаете намъ честь, осчастлививше насъ своимъ посѣщеніемъ?» Всѣ эти рекомендаціи происходили въ залѣ. Войдя въ гостиную, Елисавета нашла тамъ много старыхъ знакомыхъ, и послѣ урока, даннаго ей Простодушиною, была она съ женою Городничаго, и съ прочими, очень привѣтлива и ласкова.

ГЛАВА XV.

« Среди прилива и отлива радо-
« стей и горестей въ здѣшней жиз-
« ни, кто можетъ надѣяться на-
« слаждаться всегда непоколебимымъ
« и постояннымъ благополучіемъ ? »

М. Н. Муравьевъ.

На другой день Сундукова прислала звать обѣдать къ себѣ *Княгиню Рамирскую*, и родныхъ ея. Хотя Елисавета весьма ее не жаловала, но чтобы имѣть удовольствіе блеснуть передъ ея дочерью своими нарядами, и чтобы вездѣ говорили, что Сундукова дѣлала обѣдъ

и приглашала сосѣдей *для Княгини Рамирской,* она отвѣчала, что непремѣнно, въ назначенный день, будетъ. Софью коскакъ уговорила она ѣхать съ собою, но Аглаевъ и жена его рѣшительно отказались.

Лишь только уѣхалъ человѣкъ, присланный отъ Сундуковой, Фамусова, съ мужемъ и съ дочерью, явилась къ Аглаевымъ. Она, по обыкновенію своему, много говорила, мужъ ея нюхалъ табакъ и молчалъ, дочь ея вздыхала, поднимала и опускала глаза, и также была безмолвна. Фамусова убѣдительнѣйше просила пріѣхать къ ней обѣдать, на слѣдующей недѣлѣ, въ четвергъ; тщетно отговаривалась Катерина, подъ тѣмъ предлогомъ, что ея маленькая нездорова. «Привезите маленькую вашу съ собою; дорога и воздухъ сдѣлаютъ ей пользу, а я велю отвести для нея особую комнату; ей будетъ спокойно у меня.» Катерина, чтобы отдѣлаться, обѣщалась пріѣ-

ѣхать, съ намѣреніемъ, въ назначенный день сказаться больною.

Къ обѣду Сундуковой нарядилась Елисавета, какъ не льзя лучше. Ей очень хотѣлось, чтобы Глафира, прежняя соперница ея, бѣсилась отъ зависти, и видѣла, что она красотою и любезностью своею уничтожила всѣ ея бывшіе планы на Князя Рамирскаго. Софья нарядилась, какъ можно проще, и чрезъ то была гораздо прелестнѣе Елисаветы. Елисавета еще возобновила убѣжденія свои Аглаеву, ѣхать съ нею; но онъ былъ довольно самолюбивъ, отказался рѣшительно быть у такихъ людей, которые гордились передъ нимъ, и тѣмъ болѣе еще, что онъ не имѣлъ возможности самъ принять и угостить ихъ въ своемъ домѣ. «Для меня, конечно, было-бы много чести явиться *въ свитѣ Ея Сіятельства*, Княгини Рамирской,» сказалъ онъ, «но, право, никакъ я не могу.» Елисавета оскорбилась сею насмѣшкою, и не упрашивала его болѣе.

При входѣ Елисаветы и Софьи въ гостиную, онѣ услышали очень ясно, что хозяйка закричала: *Стъ! стъ!* Догадаться было можно, о чемъ разговаривали; притомъ-же покраснѣвшее лицо Сундуковой изобличало ее. Среднюю дочь Фіалкиной, Фіону Павловну, застали на срединѣ комнаты: она была, можно сказать, поймана на самомъ дѣлѣ. Очень было замѣтно, что она разсказывала, и даже представляла въ лицахъ, сцену Княгини Рамирской съ Простодушиною въ лавкѣ.

Все утихло при входѣ Елисаветы. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и разговора о погодѣ, и о большой пыли, спросила Сундукова о здоровьѣ Аглаевыхъ, и очень холодно изъявила сожалѣніе, что они не пріѣхали. Видно было, что она не ждала ихъ. Нѣсколько минутъ продолжалась тишина; никто не говорилъ ни слова; наконецъ Сундукова, досадуя на себя, что смѣшалась передъ женщиною, которую помнила ре-

бенкомъ, и всегда ненавидѣла, преодолѣла свое замѣшательство, и приняла обыкновенный свой видъ холодности и надмѣнности, столь приличный и сообщественный блѣдно-оливковому цвѣту широкаго ея лица.

Сундукова боялась, чтобы не замѣтили, какъ много сожалѣютъ она сама и дочь ея, что упустили такого выгоднаго жениха, каковъ былъ Князь Рамирскій, и чтобы не дать торжествовать счастливой соперницѣ, она хотѣла всегда принимать ее ласково. Внезапный входъ Елисаветы, въ то самое время, когда всѣ такъ забавлялись на ея счетъ, привелъ Сундукову въ замѣшательство, но ничто не могло поколебать необыкновенной наглости дочери ея, Глафиры. Не смотря на то, что Сундукова употребляла всѣ средства отклонить разговоръ о непріятной сценѣ между Елисаветою и Простодушиною, дочь ея просто начала говорить объ этомъ: «Я думаю, дерзость бѣдной дво-

рянки этой должна была привесть васъ, Княгиня, въ большое смущеніе, особенно же при такомъ множествѣ зрителей?»

— Грубость и дерзость такихъ поваръ ни сколько не трогаютъ меня — отвѣчала Елисавета. — Благодаря Бога, я въ такомъ положеніи, что имѣю все право презирать зависть и злобу. —

Слѣдствіемъ сего разговора была-бы вѣрно весьма непріятная сцена; но, къ счастію, вскорѣ вошелъ въ комнату отецъ Глафиры. Его только одного боялась Глафира, тотчасъ перемѣнила разговоръ, и принужденная улыбка сдѣлала ее еще безобразнѣе и отвратительнѣе. Елисавета была всегда *фавориткою* Сундукова. И, въ самомъ дѣлѣ, прежде замужества, веселый нравъ, острота и любезность ея всѣмъ нравились. Впрочемъ, и того уже было слишкомъ достаточно для пріобрѣтенія благосклонности Сундукова, что жена его терпѣть не могла Елисаветы.

«Очень благодаренъ вамъ, милая и добрая Княгиня Елисавета Васильевна,» сказалъ онъ, цѣлуя ея руку, «что вы не забыли старыхъ знакомыхъ. — Здоровъли вашъ Князь? Я думалъ, что и онъ съ вами пріѣдетъ.»

— Когда ему! — отвѣчала Елисавета. — Теперь рабочая пора, и онъ безпрестанно въ полѣ. —

«Онъ всегда былъ хорошій хозяинъ; у него и нашему брату, старику, есть чему поучиться. Я непремѣнно къ вамъ пріѣду; но не прежде, когда вы возвратитесь: я не люблю ѣздить туда, гдѣ не надѣюсь найдти навѣрное хозяйку.»

— Мѣстоположеніе въ Никольскомъ, говорятъ, прекрасное — сказала Глафира, желая перемѣнить разговоръ. —

«Да, мѣстоположеніе многимъ нравится,» отвѣчала Елисавета, «а теперь и старинный домъ нашъ принялъ совсѣмъ другой видъ, съ тѣхъ поръ, какъ вновь прекрасно отдѣланъ и меблированъ.»

— Какъ: отдѣланъ и вновь меблированъ? Князь нѣсколько разъ увѣрялъ, что покамѣстъ онъ живъ, никогда ничего не перемѣнитъ. —

«Да, это онъ *тебѣ* говорилъ» — замѣтилъ, съ коварною улыбкою, Сундуковъ — «но ты теперь сама видишь, что молодая, прелестная женщина можетъ все по своему поставить!»

Глафира покраснѣла отъ досады; Сундукова, въ ужасномъ бѣшенствѣ, на силу удерживала себя; вѣеръ ея очень спрадалъ; но, скрѣпя сердце, она молчала, и Елисавета не могла скрыть торжественной улыбки. Общій разговоръ на нѣсколько секундъ прекратился. Въ это время пріѣхала Фамусова, съ дочерью; ихъ только и ожидали, и тотчасъ пошли къ столу.

За обѣдомъ отличалась болѣе всѣхъ Фамусова: она подробно разсказывала о хозяйствѣ своемъ, о приготовленіи впрокъ разныхъ овощей и фруктовъ, о необыкновенныхъ способностяхъ дочери ея,

къ музыкѣ, танцамъ и рисованью, сообщая къ общему свѣдѣнію разные анекдоты объ ея молодости, и какъ, когда, при комъ, какое именно острое слово она сказала, чѣмъ и отъ чего была она больна, и кто ее лечилъ. Во весь столъ она одна только и говорила, и всѣмъ надоѣла. Тотчасъ послѣ обѣда Елисавета отправилась домой, сознавшись сама себѣ, что удовольствіе помучить бывшую соперницу слишкомъ вознаграждалось утомительною скукою въ обществѣ ея матери.

«Намъ вѣрно будетъ веселѣе у Фамусовой» — сказала она Софьѣ, ѣхавши съ нею домой. — «Тамъ глупость, чванство и дурной вкусъ слишкомъ очевидны, и мы посмѣемся отъ чистаго сердца. Во что-бы то ни стало, а Петра Ѳедоровича я непремѣнно потащу съ собою: онъ насъ позабавитъ на счетъ хозяевъ.»

— Вотъ самое христіанское и доброе намѣреніе!—отвѣчала Софья. — Этого я

онъ тебя не ожидала. Конечно, не льзя не находишь смѣшными глупыхъ, необразованныхъ людей, вышедшихъ изъ низкаго званія, когда хотятъ они играть ролю знатныхъ; но ѣхать только для того, чтобы смѣяться надъ ними — это уже слишкомъ! —

«Бѣдная Софья!» сказала засмѣявшись Елисавета. «Ты создана совсѣмъ не для здѣшняго свѣта: такая строгая добродѣтель приведетъ тебя прямо въ монастырь. Важное преступленіе — забавляться надъ дураками! Да, они созданы для этого. Я разскажу твои слова Петру Ѳедоровичу; мы вмѣстѣ съ нимъ посмѣемся надъ тобою.»

Между тѣмъ онѣ пріѣхали, и Аглаевъ вышелъ встрѣтить ихъ на крыльцѣ. «Посмотри, какое у него постное лицо; въ самомъ дѣлѣ надобно развеселить его» — сказала Елисавета. Софья точно замѣтила, что Аглаевъ былъ печаленъ, и въ дурномъ расположеніи. «Вѣрно какая ни-

будь неосторожность Катерины, на счетъ ея ребенка, причиною этого» — думала она. — Аглаевъ помогъ выйдти изъ кареты, и на шутки Елисаветины, что онъ слишкомъ задумчивъ, принужденно улыбался. Софья, не сказавъ ему ни слова, поспѣшила къ сестрѣ; въ гостиной ея не было, и Софья нашла ее въ дѣтской, въ горькихъ слезахъ, подлѣ колыбели спящей дочери. «О чемъ ты плачешь?» спросила у нея Софья. Катерина бросилась въ ея объятія, и отъ слезъ не могла сказать ни одного слова. — «Да, что такое?» повторила Софья. — Сама посуди, виноватa-ли я — отвѣчала Катерина, заливаясь слезами. — Послѣ обѣда предложилъ онъ мнѣ играть въ шахматы, хотя видѣлъ, что должно было уложить Сонничку спать. Онъ разсердился за отвѣтъ мой, что мнѣ *нѣкогда*. Если-бы я выѣзжала, если-бы предпочитала разсѣяніе и удовольствіе долгу моему, то ни сколько-бы не дивилась, что онъ сердится; но какъ можно спа-

вить мнѣ въ вину, что я занимаюсь дома, и пекусь о собственномъ его ребенкѣ!—

« Какъ трудно быть счастливою въ супружествѣ! « подумала Софья, со вздохомъ.» Безпрерывныя представляются преграды на этомъ трудномъ поприщѣ, и самыя похвальныя чувства могутъ имѣть такія непріятныя послѣдствія.... Ты видишь — сказала она сестрѣ « — тетушка справедливо предостерегала тебя, что не льзя исключительно заниматься однимъ только ребенкомъ, и мать должна всегда помнить, что она прежде и супруга. Мужъ твой не любитъ уединенія, ему нужно общество, и ежели не найдетъ онъ разсѣянія въ собственномъ своемъ домѣ, то будетъ искать его въ другомъ мѣстѣ. Ты сама приучила его къ этому, была всегда съ нимъ, старалась во всемъ ему угождать; теперь, увидѣвъ въ тебѣ перемѣну, онъ будетъ скучать домашнею жизнію, и современемъ ты сама будешь, можетъ быть, жаловаться, что онъ оставилъ тебя. Мужчины, какъ-бы стра-

сшно ни любили они дѣтей своихъ, не могутъ войдти въ чувства матери, не могутъ имѣть этого, иногда даже мѣлочнаго вниманія, ни этого нѣжнаго попеченія, и иногда слишкомъ даже увеличеннаго опасенія матери на счетъ здоровья ребенка. Твой мужъ видитъ, что Сонечка, благодаря Бога, весела, знаетъ, что за нею смотрятъ няня и кормилица, и почитаетъ, можетъ быть, твоею прихотью, что ты не хочешь отойдти отъ ея колыбели, покамѣстъ она совсѣмъ не заснетъ. Но къ чему повторять то, что ты сама знаешь? Я увѣрена, что ты лучше меня разсудишь и придумаешь, какъ тебѣ должно дѣйствовать въ нынѣшнюю, правду сказать, критическую эпоху твоей жизни.»

Катерина продолжала плакать; едва могла Софья уговорить ее переспать, и придти ужинать, вмѣстѣ со всѣми. Она явилась съ блѣднымъ лицомъ, заплаканными, и даже распухшими отъ слезъ глазами.

«Я очень радъ, что теперь нѣтъ никого постороннято,» сказалъ Аглаевъ, поцѣловавъ у нея руку. «Посмотри на себя въ зеркало: иной могъ-бы подумать, что я прибилъ тебя!»

— А! такъ и вы иногда ссоритесь? — сказала Елисавета. — Я очень этому рада; не я-же одна бранюсь съ моимъ мужемъ. Однакожъ я умнѣе тебя, Катерина: супругъ мой никогда не имѣетъ удовольствія видѣть, какъ я плачу. У меня есть свой языкъ, и, вѣрно, я никогда не спущу ему; тебѣ тоже совѣтую дѣлать.

«Хотя непріятно видѣть прекрасное личико моей Катиньки обезображенное слезами, однакожъ все лучше, нежели вашъ совѣтъ. Полно, мой другъ» — продолжалъ Аглаевъ, обратясь къ женѣ своей— «перестань; завтра мы все разскажемъ Софьѣ Васильевнѣ, и сдѣлаемъ ее судьею нашимъ. Пусть она рѣшитъ, кто изъ насъ правъ и кто виноватъ.»

Катерина старалась преодолѣть себя, но тщетны были всѣ ея усилія удер-

жать слезы; она ушла къ себѣ въ спальню и не могла ужинать. На другой день, рано утромъ, Аглаевъ разсказалъ Софьѣ все происшествіе.

«Тотчасъ, какъ вы поѣхали, мы сѣли обѣдать. Ты сама знаешь привычку мою: послѣ обѣда курить трубку, пить кофе, и въ это время сыграть одну, или двѣ партіи въ шахматы; притомъ-же и ты и она наканунѣ обыграли меня; мнѣ хотѣлось доказать, что я проигралъ не отъ того, что не умѣю, а точно потому, что не занялся игрою. Но несносная дѣвчонка наша кричала во все горло, такъ, что не было покоя отъ нея во всемъ домѣ. Катинька пошла унимать ее, а я покамѣстъ сталъ читать книгу, крѣпко заснулъ, и почти до самаго чая проспалъ. Съ головною болью, потому, что мнѣ послѣ обѣда совсѣмъ негодится спать, я отправился въ дѣтскую. Соничка была очень мила, плясала, улыбалась, протягивала ручонки, и сама пошла ко мнѣ. Съ полчаса очень пріятно

пробылъ я въ дѣтской. Между тѣмъ время уже было подавать чай; я звалъ Катиньку въ садъ. Ты знаешь, что я люблю пить чай на свѣжемъ воздухѣ, куря трубку. Она обѣщалась тотчасъ придти, и говорила, что только уложитъ спать Соничку. Я замѣтилъ, что это можно было и безъ нея сдѣлать; она отвѣчала мнѣ по Французски, что няня не очень ловка, и она на нее не надѣется. Такимъ образомъ отправился я одинъ пить чай, выкурилъ трубку, читалъ книгу; все это мнѣ чрезвычайно надоѣло, и въ 8-мъ часу пошелъ я опять въ дѣтскую, посмотрѣть, что дѣлаетъ тамъ Катинька. Я нашелъ, что Соничкѣ не угодно было ложиться спать, и маменька все время изволила забавлять ее, пѣла и плясала передъ нею. Признаюсь, это вывело меня изъ терпѣнія: какъ можно пять, или шесть часовъ сряду заниматься такимъ вздоромъ! Я разсердился, и ушелъ гулять одинъ. Она тотчасъ догнала меня; должно при-

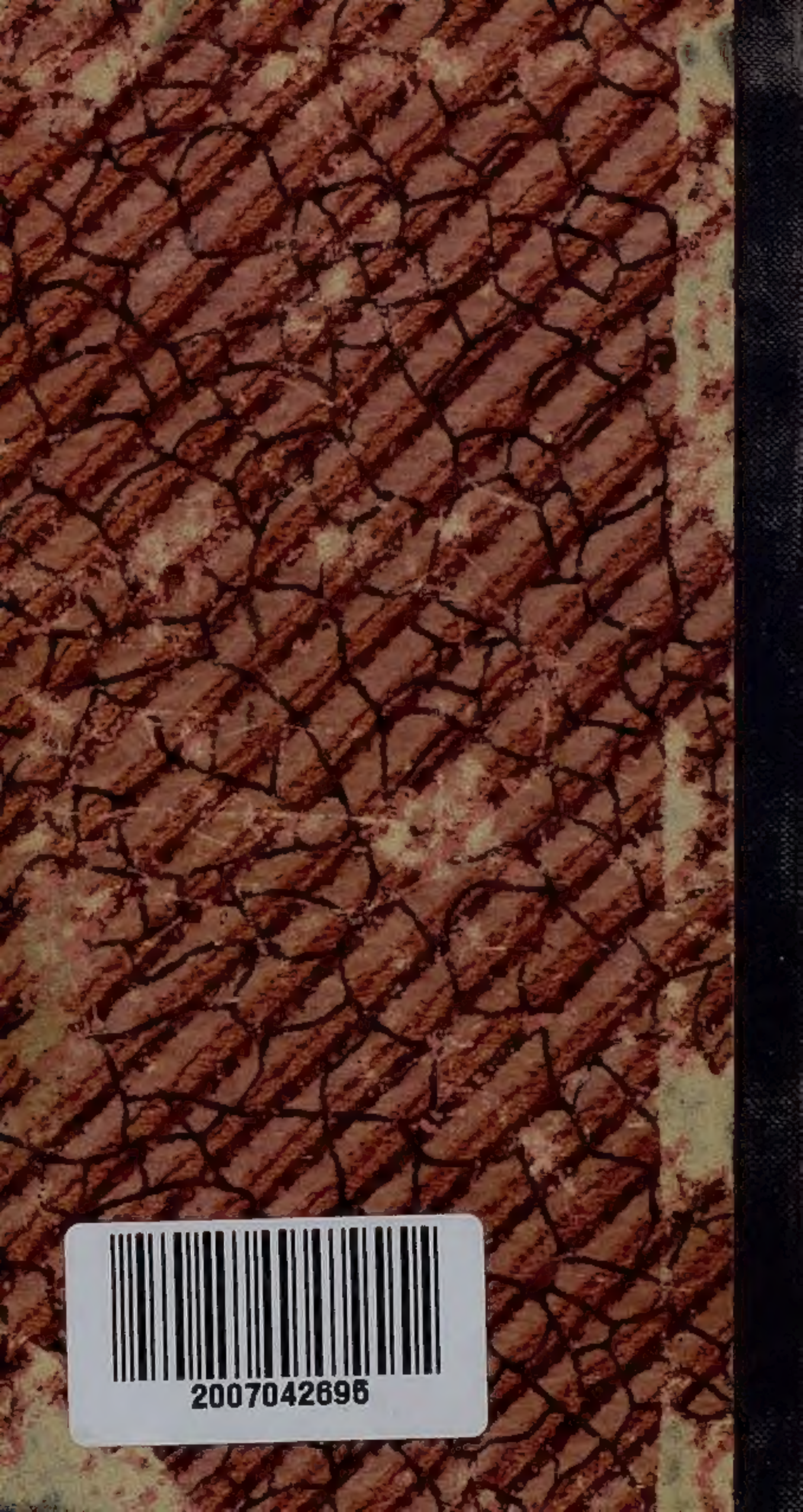
знаться: съ досады, наговорилъ я ей много непріятностей; она стала плакать; это еще болѣе взбѣсило меня.... Теперь мнѣ досадно на себя, что я такъ забылся и огорчилъ Катиньку. Но ты сама, сестра, согласишся, что цѣлый день сидѣть одному совсѣмъ непріятно. Утромъ, до обѣда, могу я кое-какъ пробыть въ моемъ кабинетѣ; но вечеромъ мнѣ нужно разсѣяніе; я склоненъ къ ипохондріи, противъ которой мнѣ надобно безпрестанно бороться, и ежели такая жизнь долѣе продолжится, то, право, я долженъ буду ѣздить по гостямъ. Ты не вѣкъ будешь жить здѣсь; когда уѣдешь, то не съ кѣмъ мнѣ будетъ слова промолвить, потому, что Катинька ни на минуту не хочетъ выйдти изъ дѣтской. Ты, можетъ быть, скажешь, чтобы и я съ нею сидѣлъ тамъ; но лепетанье, прыганье ребенка, разговоры няни и кормилицы—все это чрезвычайно скучно.»

Софья не могла совершенно оправдать сестры, но убѣждала Аглаева не сер-

диться на нее, потому, что такая слабость извинительна въ матери; однакожъ она обѣщалась поговорить съ нею.

Катерина весь слѣдующій день принуждала себя, и не безпрестанно была съ ребенкомъ своимъ; но въ то время, когда отлучалась она изъ дѣтской, и сидѣла со всѣми, такая печаль, такая тоска замѣтны были на лицѣ ея, что Аглаевъ самъ совѣтовалъ — или велѣть приносить ребенка въ гостиную, или ей поскорѣе идти въ дѣтскую. Только при взглядѣ на дочь свою, Катерина становилась спокойна и весела.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.


2007042696